

КИРИЛЛ ШИШОВ

СЕМЬЯ И МІР

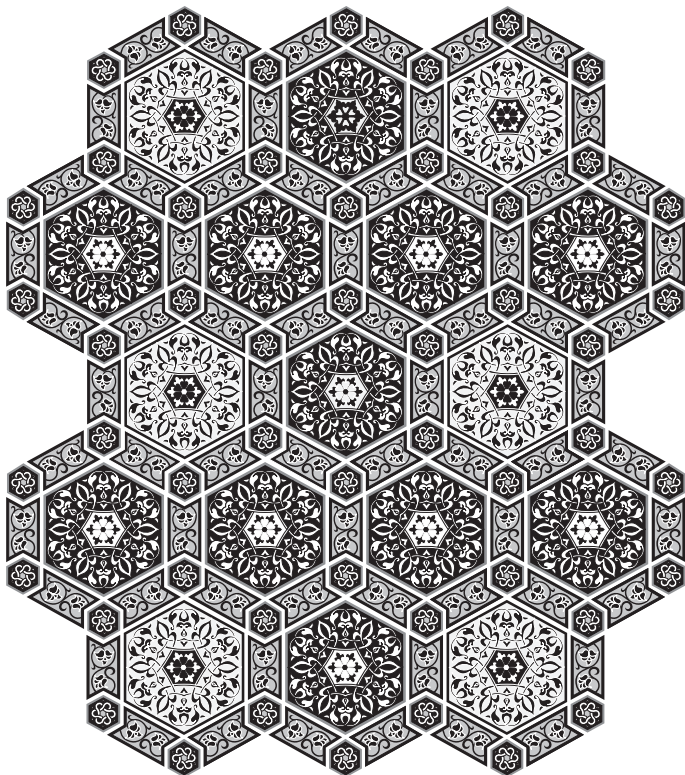
Январь—декабрь, 2008 г.

г. Челябинск
Цицера
2010

Ш65

Ш65 **Шишов К. А.**
Семья и мир. Стихотворения 2008 г. —
Челябинск: Цицero, 2010. — 280 с.

© Шишов, К. А.,
2010.

ПЛАЧ ПО РОДНЫМ СТЕНАМ

Не жалейте надвышанных стен...

Марина Цветаева,

«Крысолов»

* * *

О! Малая моя квартира —
Обитель слабенькой души,
Единственная точка мира,
Где я обрел себя в тиши...
Как были страшны рубежи,
Где всем владычила порфира
Святого лидера — кумира,
Где славы столько, сколько лжи...
Меня здесь сохраняла мать
И бабушка — святые люди,
Их подвиг был настолько труден,
Что иноземцам не понять...
Здесь путь от мальчика до мужа
Я проходил, не зная стужи...

* * *

Я проходил, не зная стужи,
Подростком первые труды,
Когда выращивал сады
Собственноручно, а не вчуже...
Здесь юношей, взрастившим сад,
Я полюбил Природы звуки,

И садоводческой науки
Усвоил сладостный уклад.
Отсюда мать меня вела
На выжимку чудесных яблок,
Учила дым пускать, коль забнет
Рассады зелень без тепла...
Я понял бережность трудов
И сущность Мира до основ...

* * *

Да, сущность Мира до основ
Я перенял в рассказах Мамы,
И всю целительность трудов,
Когда мы трудимся упрямо...
Она дарила мне набор
Для точной выпилки в фанере,
И я изладил ей прибор
Для письменности в интерьере.
И в рамочке отца портрет,
Я помню — над ее диваном
Я изготовил в десять лет,
Хоть было время так туманно...
Когда портрет я выжигал —
То оживил лица овал...

* * *

Да, оживал лица овал,
Ведь я трудился осторожно,
И склад отца я понимал,
Коль воскресить погибших можно...
Мы жили скромно, не вельможно,
Но трудолюбия запал
Я будто чувствовал подкожно,
Когда отца стихи читал...
Мне мама их в пятнадцать лет
Дала прочесть из недр шкафа,
И, как Давиду — Голиафа,
Мне предстояло вскрыть секрет...
И в этой скорописи текста
Мне открывалась неизвестность...

* * *

Мне открывалась неизвестность,
Когда из дома в сельский быт
Меняли мы свою окрестность,
Где легче был продуктов сбыт...
Ни миг той жизни не забыть:
И на коне поездить лестно,
И порыбачить интересно,
И водоем там освежит.
И, возвращаясь в милый дом,
Поджарив свеженькой картошки,
Как ударяло мне в подвздошь,
Что с женским связано трудом:

Зимы дотошные запаски
Брались совсем не изо сказки...

* * *

Брались совсем не изо сказки
Мои поездки ранних лет —
То мать моя не без опаски
Давала денег на билет...
Был Крыма радостный рассвет,
Знакомства раннего завязки,
И спор — надрывистый и вязкий —
Есть подлость коммунизм иль нет...
Не стыден был ни этот спор,
Ни поздних писем переписка,
Но в нем завязла одалиска,
И саднит сердце до сих пор...
И, как бы ни был я бездарен,
Я маме был так благодарен...

* * *

Я маме был так благодарен
За все студенческие дни:
Ведь я не стал подобьем твари,
Хоть правдолюбцу не сродни...
Великий Питер, роскошь Риги,
Москвы величье и Кавказ
Страницами великой книги
Вели со мною свой рассказ.
Из стен родимых вылетая,

Я повзрослевшим прилетал,
Как будто с юга птичья стая
На гнезда тащат сеновал..
И запах родины стал милым,
Да и женитьба мне по силам..

* * *

Тогда, покинув дома стены,
К жене я прибыл в примачи,
К ней привыкая постепенно
Не как иные чудаки..
Пусть не были те дни легки,
Как и любая перемена,
Но мать по-прежнему бесценно
Мне помогала вопреки..
До новой собственной квартиры
Ходил к ней часто на обед,
Что с тщаньем чудо-ювелира
Она творила, как секрет..
Так целых три десятилетия
Ребенком взрослым жил на свете..

* * *

Ребенком взрослым жил на свете,
Я много лет до той поры,
Пока не стал солист в балете
В итоге жизненной игры

И стены матушку хранили
Почти до сотни лет, пока
Детей на радость ей растили,
Ее ценя наверняка..
Но боги, набивая цену,
Не долго счастье нам хранят,
Житейской стойкости на смену
Свечей приходит аромат..
И, чтоб мы почитали святость
Тепла, уюта, тишины
Нам одиночества проклятость
Со смертью Матери даны..
Увы, а стены не способны
Хранить святое волшебство,
Что сердце лишь хранит особо,
Как Благодати естество..
01—04.01.
Конец цикла

* * *

*Боги не говорят.
За них говорят поэ-
ты.*

М. Цветаева — Мандельштаму; 1926 г.

Мне говорит бог
Только на миг —
Твой проводник,
Только на час

С тобой я сейчас,
 Высшую суть
 Дам через муть,
 Высшую страсть
 Дам, как напасть...
 Дам — отниму
 Деву — жену,
 Мать и страну,
 Боль и вину...

04.01, 9:30; поезд в В. Уфалей

Формула поэзии (из Цветаевских максим).

Поэт — это утысячеренный человек...

Такие — в роковые времена — слагают стансы и идут на плаху... (С. Эфрону)

Я — вселенной гость,
 Мне повсюду пир,
 И мне дан удел
 Весь подлунный мир.

(К. Павлова — XIX век)

Прав, раз упал... Прав, раз обижен...

Протокол — их. Костер — мой...

К чему сводится роль поэта? К толкованию. Это цель. И к выбору — говорю о средствах. Дело поэта — вскрывать умыслы, доискиваться интонации, заставить достоверно сказанное слово звучать так, как ему, может быть, и в жизни не удалось звучать. Проследить реку от устья к истоку.

Дело поэта — дело вспять идущих рек.
Равенство дара души и глагола — вот поэт.

Знаю, все что было, все, что будет
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется — Жизнь.
1918

ЗАКОЛДОВАННАЯ ДЕВОЧКА

(триптих)

* * *

Дана без звука —
Только жест...
То мне — наука
От всех божеств.
То мне — страдания
Высший знак,
Как из предания
Отмщает враг...

* * *

Глаза — глубины
Детских мук,
Неотторжимый
Неслышный звук,
Немой гортани

Открытый рот,
Воздетой длани
Разлив щедрот,
И слух, и зоркость —
Всему взамен
Лишь сердце торкнет,
Почуяв плен...

* * *

Как тебя расколдовать.
Перечудесить как...
То ведьмы замысел, как знать;
Колдуньи злобной знак...
Красавица и добрый нрав,
Стремительна во всем,
По комнатам бежит стремглав
И в играх — неуём...
Но отнял речь колдуньи рок,
Лишь в жесты обратя...
Как пересилить мне порок —
Любимое дитя...
Готов всю кровь тебе отдать,
И тело навсегда,
Чтобы ушел тот злобный тать
И сгинула беда...
04.01., 14:00; *гостиница В. Уфалей*

ВАГОННЫЙ СОНЕТ О РОДИНЕ

Как матери с дитём, что недоношен,
Судьба велит пороки излечить,
Ночей и дней не зная по-хорошему,
Не чуя, как витийствуют врачи...
Так нынче, чтоб Россию излечить,
Нельзя отделаться легко и дёшево:
Её судьба — отравленное крошево,
Ведь снадобье варили палачи...
И долго еще маяться с недугами
Молодоженам, коль не убегут
С капризными и желчными супругами
Куда подальше, сдав дитё в приют...
Рецептов нет иных: самоотверженность
Обозначает Родине приверженность...
05.01.

Дорога В. Уфалей — Челябинск

МОЛЧАНИЕ

*Молчи. Скрывайся. И таи
И думы, и мечты свои...*

Ф. Тютчев

Чужого услышав ребенка
Полутора с немногим лет —
Молчи, кусая губы тонко,
Скрывая тяжести секрет...
Храни свой горестный обет,
Как новогодняя картонка

Скрывает бомбу у подонка —
Всем унижениям в ответ...
Он только взрывом уничтожит
Надежду тайную судьбы,
Которой ты не превозможишь,
Живых пуская на гробы...
Пусть Бог свой выбор обозначит,
А ты его не требуй плачем...
05.01, 18:00; *тот же поезд*

* * *

Опять ладони стонут по тебе,
Опять с лимонной кислотой язык,
И тело принимается скорбеть,
Что мышцами я от тебя отвык...
О! Гладкой кожи чудный материк,
В разлуке быть уже не по себе,
И радостный в гортани зреет крик —
Земля! Земля! Приблизься хоть на миг...
Вновь открываю заново хребты,
И запахи, и вздрагиванья дрожь —
Тысячелетья властно манишь ты —
И ликования возглас невтерпёжь...
О! Остров в океане мировом —
Компас стоит на румбе на твоём...
06.01.

* * *

Рождество — это снов Торжество,
Богородицы подвиг в ночи,
Это женщины естество
Открывает для счастья ключи...
К нам приходит в ту ночь Божество
В переливах небесной парчи,
И святое явленье Его
Сразу правду от лжи отличит...
И не даром всё раньше рассвет,
Все блестящей снега на заре,
И синицы лихой триолет.
Все отчетливей в январе...
Ежегодно младенческий крик
Открывает нам Таинства Лик...
07.01, 2:30

СТИХИ В РОЖДЕСТВО

(триптих)

* * *

Только в этот день,
Только в эту ночь,
Налетает тень,
От какой — невмочь.
Не зажгу свечи,
Не зажгу огня —
Эта темь в ночи
Ищет все меня...

Наклоню лицо,
Не избегну взгляд...
Эта — взгляд отцов,
Мой — и рай, и ад...

* * *

Мой и рай, и ад —
Тот незванный гость,
Нет пути назад,
Не убьёт, авось...
Только боль в груди,
Словно — в сердце нож...
Батя мой — родим —
Ты зачем идёшь...
Я и сам — старик,
И тебя взрослей,
Мой последний миг
Ты хоть пожалей...

* * *

Он молчит, в ночи
И молчит пол-дня,
Фитилек свечи
Не гася огня.
И иконный лик
Так дрожит, как я,
То ли тихий крик,
То ли стон храня...
07.01.

СЕСТРИЦЕ ИРОЧКЕ — НА 2008 ГОД

Поздравляю с предстоящим
Обретением настоящим
Старо — нового жилья
И благого в нем житья.
Не загадывая шибко,
Избежать бы нам ошибки
Быстро с прошлым разорвать
Чтоб не сожалеть опять..
Потому взаимопомощь
Нам заменит нашу немощь!
14.01.

СОН НАЯВУ

Показалось — она прошептала..
Прошептала чуть слышно: «да»..
И душа моя задрожала —
Неужели ушла беда..
Я боюсь заглянуть туда —
В бесконечную даль астрала,
Где надежда еще осталась,
И живая журчит вода..
Нет, чудес я не жду оттуда,
Неизбежности покорюсь,
Утешая себя служеньем..
Но Господь посылает чудо

Только редкостным из Марусь,
Наделённых воображеньем...
14.01.

ОДА СОСНОВОМУ БОРУ

О, лес мой, бор благословенный,
Отчизна дней моих благих,
Один, один во всей Вселенной
Творец видений дорогих.
От юных лет ты — храм подзвёздный,
Источник всяческих щедрот,
Музей сокровищ грандиозный,
Где дух стремится до высот.
Подростком на крутых утесах
Встречая утренний рассвет,
Средь древних и могучих сосен
Тебе на верность дал обет..
И юношей в каменоломнях,
Где бирюзовая вода,
Я плавал, телом захолюнув,
Чтоб возродиться навсегда.
Я в стужу гнал лихие лыжи
Сквозь вьюгу на крутой увал,
Чтоб обрести искусство выжить
И закалиться, как металл..
Я изучил твое упорство,
Как корнем пробуя гранит,
Сосна свершает чудотворство

И сотни лет в веках стоит.
Чем тяжелее снег иль буря —
Тем глубже жизнь уходит в толщю,
И тем стремительней в лазури
Ты набираешь свою мощь...
Могучий Бор — источник жизни,
Один несущий кислород
Моей измученной отчизне,
Где дышит лишь тобой народ.
Ты сохраняешь облик мира
Миллиардами зеленых игл,
Любого превзойдя кумира
Святых мощей, святых могил...
Ты одаряешь нас любовью,
Даря пример гнездовой птиц
И их святому песнословью
Не ставя никаких границ.
Наполнен звуком, светотенью,
Роскошеством цветных полян,
Ты весь — источник вдохновений
И пропитанья для землян.
И пусть, исполнены корысти,
К тебе безжалостны они,
Ты на земле — основа истин,
И бесконечны твои дни,
Бесчисленны твои заслуги
В былых эпохах и веках,
А то что мы — твои лишь слуги,
То знаю я наверняка...

Твоей то правде нужно было,
Чтоб разнолесье возлюбя.
Все человечество все силы
Направило хранить тебя.
Ты — Бог Земли! Ты — океану
Напарник в благодати судеб,
Чтоб выжил Разум без обману
И вызревал в предстепьи хлеб.
И я — седой и маломощный,
Перед тобой — почти ничто,
Твои благословляю рощи
И осеняю их крестом...
Я знаю — ты найдешь управу
На легкомыслие и ложь,
Свою ты преумножишь славу,
Коль людям станет невтерпёж...
Свои долины обезлесив,
Они к тебе же припадут,
Слова припомнив древних песен,
От чужебесья, как в бреду...
Непостижимый. Необъятный...
Ты станешь смыслом новых рас,
Чтоб Человечество возвратно
Волшебный начало рассказ...
Растет где аленький цветочек
Во глубине тенистых чащ
И где от неба птичьих строчек
Сам воздух свежестью звучащ...
20.01.

ВЕРНОСТЬ

(цикл)

* * *

Я помню, как сказала мать:
Все выноси, раз ты женился,
Учись супругу понимать,
Раз у тебя и сын родился...
Как много в жизни я винился,
Пытаясь суть любви понять,
В которой нужно уступать,
Раз сын действительно родился...
И тут Господь мне уступил,
И подарил к супруге жалость,
И тем прибавил столько сил,
Что и до старости осталось...
Я в ней увидел... свою мать...
Как тут её не обожать...

* * *

Как тут её не обожать:
С такой обиженной судьбою,
С такой наивною душою,
Что никому не распознать...
Бывало счастьем приезжать
Из путешествия большого,
Детей своих встречая, мать,
Не задающую ни слова...

Отметки. Стирка. Ужин. Ночь.
Я даже гладил платье дочке,
От нетерпения невмочь
Добраться к апогею ночи...
И водопад желанных ласк
Вновь уносил в легенду нас...

* * *

Вновь уносил в легенду нас
Восторг, сломав дневное время,
И обжигания контраст
Был лишь вступлением к поэме...
Я понимал: любовь — не бремя,
Я в ней — действительно фантаст,
Не видя рук, не видя глаз,
Я чую мощь её велений...
Она — как Ева. Как Лилит.
Она — из Библии как будто,
И что свершить она велит —
Мне даже сладко почему то...
Она — вся суть моей души
И восхожденье до вершин...

* * *

Да, восхожденьем до вершин
Те ночи были от разлуки.
Нас окружали миражи
Вселенной, пережившей муки...

Ушедших жалостные звуки,
И сожаления мужчин,
Так и не визнавших науки,
Что значит жалость годовщин.
То волшебство дарила верность,
Все утончая флейту чувств,
Как бы изысканная древность
Великих мастеров искусств..
Я был и Гойя и Веласкес,
Весь отдаваясь женской ласке...

* * *

Весь отдаваясь женской ласке,
Я возрождался, как Антей,
Покорно следуя подсказке
Её изысканных затей..
О чудо ласковых ночей!
Не состояться их развязке,
Покуда мы живем без маски
В судьбе растерянной своей..
Пусть жизнь извилисто — глупа,
Пусть время — ласточка на небе —
Но выпал нам на верность жребий,
И не обманчива судьба..
Не зря сказала, видно, мать:
Учись супругу понимать...

* * *

Есть древняя поэтов мысль —
Тоска по бренности уюта:
Мгновение — остановись!
Замри — счастливая минута!..
О! Время — время. Ты — цикута,
Всю отравляющая жизнь,
И отрезвляющая плута,
Все превращающего в слизь..
Пусть я — не Фауст. Но с тобой
Остановил я жизни бренность,
Ты обратила повседневность,
Как будто в замерший прибор!..
И мне покорно жизни море,
Коль ты — в моей душе и зоре...

* * *

Вот голос твой по телефону
Красив и нежен, как всегда,
И ноты не содержит стоны,
Хоть не поборола беда..
Она не ведает стыда —
Беда, подвластная закону,
Беда, владычица урону,
Которое несут года..
Но ты красива и в тоске,
Которую не скажешь словом,
И, этой чарой очарован,
Я замираю вдалеке.

О! Как немного нам осталось...

Любовь обозначает жалость...

22.01., ночь

Конец цикла

* * *

Ты моя прекрасная,
Шелково-атласная,
Ты — моя контрастная,
Ласково-опасная,
Мне ни в чем не ясная,
Добрая и властная,
Хладная и страстная,
Ангельски — ужасная,
Тайнами напрасная..
Ты — моё призвание,
И очарование,
Если б знал заранее —
Избежал бы брани я,
Но нужны страдания
Для образования
Человека звания,
Как гласит Урания..
28.01.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДЕНЬ

(новелла)

Какое счастье вырваться из города в деревню в первый февральский день!

Уже давно я истосковался по чистым снегам, яркому солнцу, свежему воздуху в городе, где в беготне, толкотне и постоянных делах неслись мои совсем уже немолодые годы. Заботы и тревоги не отпускали меня ни на день, ни на час: финансовые расстройства перемежались с юридическими недочетами, обманы наивных предположений сливались с разочарованиями в людях, особенно в тех, кто моложе меня и безответственнее в своих поступках. За все надо было отвечать, искать выход, измучиваясь сердцем и изнурая душу...

Но я ждал того дня и часа, когда я вырвусь хоть на немного за черту города, полного полчищами машин, троллейбусов, грузовиков и фур, облепленных яркими бесстыдными рекламными картинками.

И вот я — вернее мы с женой — на ровной, высохшей, идеально отполированной скоростной магистрали, окруженной блестящими снегами, искрящимися на утреннем ослепительном солнце... Ровно гудит верный мотор, не давая сбоев, словно встрепенувшийся от долгого застоя породистый конь, обрадованный после конюшенного стояния,

возможности скачки ровной рысью по открытым степям... Добросовестно шипит обогреватель печки, не позволяя конденсату туманить чистые прозрачные стекла нашей верной автоподруги. Мягко шуршат подкаченные мною по манометру шины, чуть слышно издавая металлический звон от шипов. А мы болтаем о семейных заботах, о наших детях и внуках, втайне надеясь о том, что не всё еще живое и горячее миновало нас в судьбе.

Будет еще и новое лето с обожаемой внучкой, и поможет Господь и врачи в её преображении перехода от молчания к речи, и омоет наши сердца радость чуда...

Вот развилка — и мы уходим от загруженной трассы на нашу деревенскую, извилисто-изящную дорогу, где до боли знакомые поля с скирдами соломы, неубранной в поспешной осенней жатве; где каждая роща памятна грибами и ягодами, внезапными встречами с испуганными олешками и равнодушными совами; где водоёмные поймы, замерзшие ныне, хранят в наших глазах вспорх утиной молодежи или величественный взлет чернопегой цапли...

Сосняки, окутанные изморозью розоватого цвета, кажутся янтарными ожерельями у чернолесья, а ельник, посаженный купами, внезапно трогает невесть откуда взявшейся густотой своих темно-зеленых лап, способных уже держать целые пласты снежных укладок, словно внезапно возмужавшие

юноши, взвалившие на окрепшие костистые плечи походные рюкзаки альпинистов.

Подмечается многое, ибо здесь — за городом — всё выглядит значительнее и крупнее, ибо — будучи оставленными на самостоятельное бытие — всё вокруг без нас обрело нечто такое явственное, что нам — отживающим — кажется достойным уважения и восхищения. Даже родник, откуда мы берем студеною воду, словно стал чище и пронзительней, и в глубине его на самом дне песок выглядит отчетливо, до каждой песчинки, сверкающей в февральском ликующем солнце так, словно искры клавишных звуков шопеновской музыки...

Все крупнее и крупнее видятся детали. Громадные замороженные березовые коротыши во дворе, куда мы заехали за ключами у нашего сторожа. Они светят сливочно под солнцем и чуть дымятся в испарине, а рядом с лаем бегают, волоча цепь, поджарая лайка — и в ее черносмородиновых глазах — тоже ликование от гостей, от брошенной ей теплой кости из наших припасов...

Хрустят, как толченное стекло, под галошами сторожа мелкие опилки во дворе, и фиолетово падает его тень на капот машины, а он рассказывает о будущем роскошном храме, который непременно (наконец-то) надо восстанавливать в деревне, чтобы обрести спокойствие и веру в завтрашний день. И мы соглашаемся, глядя, как солнце высвечивает

нам срамоту порушенных старинных толстостенных лабазов и трактиров, на белом снегу вопиющих своими красно-кирпичными бесформенными развалинами с полутора-вековой кладкой.

На таком солнце — к полудню звучащем все более божественно и органно — хочется верить только в великое. Проверая, как наш дом перенес зиму, мы рады уже тому, что все на месте, чисто и опрятно, как мы и оставили его осенью, а трещины и надколы потолков и стен — все это мелочи, с которыми мы справимся, обретя все навыки ремонта и ухода за строением, любовь к которому сделала нас терпеливыми и прекрасно понимающими друг друга.

А солнце увеличивает накал — и вот уже, по выходу из дома, на нас падают первые капли с южного ската железной кровли, и жалит холодная капля щеку, и опять радостно и знобко от этого перепада температур. От этого контраста лютому морозу раннего утра, когда я вырубал машину из гаража ломом, а теперь — почти испарина на лбу от солнцепёка.

«Печку держу только у водяного входа — чтобы там ночью не замерзло», — говорит сторож, ставший теперь и старостой храмовой общины, дабы не потерять уважение односельчан.

«Ах, надо привезть ему крупные фото храма этого, снесенного более полувека назад», — думаю я. И мне сладко от всего этого: от солнца,

от запаха навоза, от хруста льда и холода первой вешней капли с крыши...

На обратном подъезде к городу, с высоты эстакады я глянул на панораму урбано-пейзажа — и ужаснулся: густая серая мгла скрывала весь набор зданий и элеваторов, высотных гостиниц и исполинских туб. Мгла шла с севера, хмурая и равнодушная, серая и обволакивающая, смешивая все вместе: выбросы заводов и авто, тревоги и заботы за сохранность власти и денежных накоплений, трепетный ужас перед старостью и детскими болезнями, свинцовое равнодушие к соседям по многоэтажкам и брезгливость к бездомным бомжам, роющимся в помойках.

Но мы въехали в город, уже абсолютно не опасаясь его аспидной мглы: ведь мы хлебнули вдосталь чистого воздуха маленькой уральской деревни, где непременно возродится древний казачий Храм Георгия Победоносца, а, может быть, летом непременно раздастся голос нашей маленькой внучки... тётки Богоматери...

Хорошо, что у нас такие студёные зимы и так много солнца в первые дни февраля...

В этот день американцы смотрят — вылезет ли сурок из своей норы или нет. У них он — день Сурка.

Я бы назвал его — **«День Солнечного Ликования!»**

02.02.10:30—5:30

НА УХОД ТУЛИНСКОГО

(триптих)

* * *

Уход Тулинского, как паруса обрывы,
В мочалку — трос, что раньше был струной,
И мой корабль никнет сиротливо,
И пена не струится за кормой..

Вот и осталась юность за спиной
И золото волос его счастливых,
А впереди — лишь водопад обрыва,
Где шум Аида слышится глухой...

Полвека рядом — в счастья и досаде,
В дискуссиях и строжке языка,
В мучительных раздумьях о распаде
Страны, чья доля горько — нелегка...
Да, я — не Фауст. Ты — не Мефистофель.
Но в сердце навсегда твой гордый профиль...

12.02., В. Уфалей, гостиница

Р. С. Днем, зайдя в номер гостиницы, увидел лицо Оболенского (а С. В. на него был так похож) в к/ф «Подросток». Там он старый князь, которого сдают в сумасшедший дом... Sic!

* * *

Еще недавно восемьдесят лет
Мы отмечали радостно и дружно,
По-прежнему струился чудный свет
В глазах твоих — опалово-жемчужных...

А речь, как меч, старинный, харалужный,
Блистала, открывая нам секрет,
Что значит Разум — дерзкий, ненатужный,
Не признающий звёзд и эполет...

Да, ты особым даром обладал —
Отзывчивостью пламенной натуры,
И скольким юношам характер ты сковал
Искусством вдохновенного авгура...

Так в Древней Греции божественный Платон
Суть открывал ученикам времен...

12.02., 22:00. В. Уфалей, гостиница

* * *

Стоит могучий Университет,
Высоким шпилем упираясь в небо...
Он твой напоминает силуэт,
Сверкая в утреннем сияние Феба...

Он — в позолоте весь, как колос хлеба,
И здание — навеки — твой портрет,
Ни тени не имеющий ущерб,
Пригодное к чеканке для монет...
Классически законченный портал,
Как дух твой, в облицовке из гранита,
И бронзы тускло блещущий металл
Волос твоих извивы сохранит нам.

Вы оба — воплощение Ума!
Бессильны перед Вами мрак и тьма!

12.02., 23.00

Конец триптиха

МЛАДШИЙ БРАТ

А у меня есть младший брат,
Непостижимый и капризный,
Он увлекающийся хват
Ко всем явлениям, жадный к жизни...
Он не внимает укоризне,
Воображением богат,
Того гляди восторгом брызнет
На женский бюст, на женский взгляд...
Он возбуждается мгновенно,
Меня соблазнами влеча,
Суля восторг святого плена
И свет любовного луча...
Но я постарше, помудрее,
Отговорить его умею...

13.02., 9:20; *гостиница*

СТАРЫЙ ЛЕКТОР

*Он думал о происхожденьи
Века связывающих тягот:
Предвестьем льгот приходит гений —
И гнетом мстит за свой уход...*

Б. Пастернак

Опять девчонки и мальчишки,
И суетливость, и галдёж,
И потом пряные подмышки,
И фраз ответных нетерпёж...
Уже в четвертом поколеньи
Им возбуждаемый азарт
Тех поисков, что сделал гений,
Их призывающий на старт...
Века. Века. Тысячелетья
В воображеньи он ведет,
Переживая лихолетья,
Одолевает Рок народ...
И, в этих бедах не состарясь,
Их юностью преобразясь,
Он поднимает где-то палец,
Времен указывая связь...
Он счастлив знанием заёмным,
Чужих открытий суть даря,
Величьем упоен огромным
Вселенского календаря...

16.02.

СТРАНА ГЛУХИХ

Приближаясь к финальному свисту,
До чего ж мы, друзья, хороши:
Независимые скандалисты,
Не доступные гнили парши...
Ледяного Крещенья моржи,
Мы шашлык запиваем игристым,
И, татарский мешая с английским,
Обожаем насущный режим...
Пусть земля изрыгает нам щедро
Всю халяву минувшей Руси —
Поп окрестит полярные недра,
Коль иссякнут запасы трясин...
Гей, Грядущее! Дай свою рожу,
На опричное время похожу...

23.02.

ЛИЛЕ КУЛЕШОВОЙ

(в юбилейный день)

*Правда и красота..., по-видимому,
всегда составляли главное в человеческой
жизни и вообще на земле.*

А. Чехов «Студент»

Ты присягнула красоте
И правде русского пейзажа,
И, в поэтической мечте,
Волшебницей предстала даже...

Твой взгляд от умиленья влажен,
Вверх обращенный, к высоте,
И, как художник на холсте,
Ты знаешь цену вернисажа...
Есть в древних истинах слова,
Доступные — увы — не многим...
Да славятся твои дороги
Ты в них — как женщина — права...
Перед чредой твоих видений
Смиренно преклоню колени..
28.02.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С 8 МАРТА ВETERANAM СЛОВЕСНОСТИ

Умудрённые читательницы —
Мамы, бабушки семейств —
Ныне стали вы писательницы —
Обличители злодейств.
Вы нашли в себе источники
Осмысленья бытия,
Добиваясь слова точного
В изложении жития..
Исполати вам, подвижницы,
Божьей помощи в труде.
Помогайте словом ближнему
В быте. В трудностях. В беде.
На Руси извечно ведали
Только женщины в годах,

Как целит нас правде преданность,
Отгоняя ложь и страх...

3 марта. Для поздравления в клубе

«Мемуаристы городского общества “Знание”»

РОДИТЕЛЯМ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Родные нам родители
Талантливых детей!
Поздравить нам дадите ли
Вас с яркостью страстей.
Величью чуда музыки
По-прежнему верны,
Вы благородству служите
Изящной старины.
В эпоху чистоганности
Вы жертвуете всем,
Чтоб дети в необманности
Узнали Листа плен,
Шопена и Бетховена
Таинственные сны,
Душа чем очарована
С пришествием весны...
И души сберегая им
Богослуженьем муз,
Проверенный веками
Храните вы союз.
Спасибо вам, родные нам
Родители-друзья.

Ту дружбу неразрывную
Нам предавать нельзя.
Пусть светит солнце музыки
Всем вихрям вопреки!
И сладкою обузою
И нам ученики...

*3 марта по заказу Т. Н.
для родителей музшколы*

СОНЕТ О СПИЧКАХ

Зажгу я спичку с деревом в основе,
Вдохну дымок родимого костра,
Свои походы я припомню снова,
По коим память трепетно остра...
Зажгу я спичкою свечу с утра
И вспомню облик русского святого,
А в нём отца — далёкого, родного,
Без коего так грустны вечера...
Внезапно спичка догорает тихо,
Навёртывая слёзы на глаза,
Так жизнь проходит, предвещая лихо,
Которого и вымолвить нельзя...

Живая жизнь, зачем ты скоротечна?
И в символах потерь ты так извечна...
4.03., В. Уфалей, гостиница

СНЕЖНАЯ КРЕПОСТЬ

Мальчики в снежной крепости,
Даже почти в темноте,
Швыряют снежки до нелепости,
Сгрудившись в тесноте...
Вспомни волнения те:
Приступы детской свирепости
И обретение цепкости
К жизни в её красоте...
Холод. И снег. И отчаянность
В нищем сиротстве своём.
И обретенья нечаянность,
Что значит — мама и дом...
Боль захлестнёт от открытия:
В крепости детской — событие!
*4.03., В. Уфалей. Вид из окна гостиницы
на детскую площадку вечером в 19:00.*

СНОВА МАРТ

Какое благородство вернисажа,
Засыпанного снегом добела,
И солнцем озарённого пейзажа —
Блестит свежо сосновая игла...
В начале марта как весна светла!
И припекает мне в вагоне даже.
И мне легка ушедших лет пропажа
За рамкою ажурного стекла...

Предвозрожденье чувствует природа,
Голубизною небо осветя
И хмурый облик старого уroda,
И резвое до баловства дитя.
Неудержимо мира сотворенье,
Как эта страсть слагать стихотворенье...
5 марта; 15:30. Поезд В. Уфалей — Челябинск.

* * *

О стойкость Женщины моей
В готовке и в работе,
Продли мне жизнь на много дней,
Как строй хранят в пехоте!

Я буду нежен и любим,
Доколе рядом живы
Твой чистоте упрямый гимн
И гневности порывы.

Давай, любимая моя,
Брани меня почаще,
Поскольку тайну знаю я
Подвохов настоящих.
18.03.

СВЯЩЕННЫЕ СОНЕТЫ

(диптих)

1.

Не о себе молю тебя, Господь,
Хотя измаяно моё в несчастьях сердце,
Хотя измучена круговращеньем плоть
В предательстве моих единоверцев...
Молю тебя во имя страсотерпцев,
Бессильных свою немочь побороть —
Открыть им в небесах хотя бы дверцу
В надежде обрести сухой ломоть...
Сей чёрствый хлеб слезами омочу я,
Твоё во Имя Царствие приняв,
И близких мне поддержкою врачую,
Победу над гордыней одержав...
Я растворю в тебе свои печали,
Как заново родившийся в начале...

*Ночь 22—23.03. Католическая Пасха
и ночные мессы по радио «Эхо Москвы»
и к/ф «Великий Аувр».*

2.

Снегами плачет Пасха этой ночью,
Слезами мне страданье окропив,
И видится мне сам Господь воочию,
Что крест несёт тяжелый, ещё жив...
И ритм сонета отдалённых строчек,
Склонившейся Мадонны грустный очерк,

Отчаянья и горести прилив...
Горит свеча между моих ладоней,
Мне освещая скулы и лицо...
Мир всё враждебней, глубже и бездонней,
Всё туже одиночества кольцо...

И лишь надежда утром воскресенья
Даёт дожидаться Твоего спасенья...
Ночь 22–23.03. 4:30 утра

МАШЕ 1 ГОД 8 МЕСЯЦЕВ (цикл)

* * *

Чуть побольше полутора лет,
Грациозная девочка эта
Излучает божественный свет,
Как младенец из Назарета.
Вот появится принца карета
Флейта вдруг запоеет менуэт,
И, в волшебное платье одета,
Превратится она в силуэт.
Верю, верю в её превращенье,
Со слезами ловлю её взгляд,
Только верю в преображенье
Люди правду земли сохранят.

Вся былая судьба и заветы
Нынче связаны с девочкой этой...
29.03, 21:00; *отъезд Маши в Москву*

* * *

Как она поставит ножку,
Как танцует, закружась,
Затаив дыханье, кошку
Мягко гладит, засмеясь...
Как качается на шаре,
Щуря в ужасе глаза,
И кокетливо в ударе
Верещит, как егоза...
Ставит кубик аккуратно,
Пальчиком поправив грань,
И, устав, затем внезапно
Рушит башню, словно дрянь...
Как, кокетливо напялив
Шляпку мамы иль платок,
Лобик к зеркалу приставит
И глядит наискосок...
Но особенно чудесно
Если, пальчики сводя,
Мне показывает место,
Где щербинка у гвоздя...
22.03.

* * *

Поиграем в прятки,
Девочка моя,
В этой жизни краткой
Правда бытия...
Вот под одеялом
Ты закрыла глаз,
Веря, как бывало,
Что не сыщут нас...
Я тебе поддамся,
Долго не сыщу,
Будет благодарность
Старому сычу...
Будет смех и радость —
Удался обман...
Так искусства сладость
Исцелит от ран
Миф воображенья —
Как же сладок он.
Каждое движенье —
Как волшебный сон...
29.03.

* * *

На целом шаре земном
Мне никого не надо.
Думаю об одном —
О тебе, моя радость...

Господи — сохрани
Девочке этой голос,
Как в ненастные дни
Ты сохраняешь колос.
Заморозки и снег
Пусть её не коснутся,
Пусть она видит во сне,
Как лучики солнца льются.
Как мама ласкает её
Нежной рукою тельце,
И счастьем полно до краёв
Её золотое сердце...

29.03.

Вечер в одиночестве.

ЦЕНА ЗЕРНА

(цикл)

* * *

Какой ценой, какой ценой
Мы сохраняем наши семьи...
Мой друг любимый, дорогой —
Ведь наша жизнь — не день весенний...
И не подобием растений
Проходим сумрачной тропой,
Амбиций груз и сомнений
Неся как ранец за спиной...

Но, только напрочь отменя
Тщеславья алчность искушений,
Мы обретаем от дитя
Доверья Солнцаеликий гений..
Награда это или нет,
Но в этом — сущность наших лет..
30.03. 12:00; *в одиночестве дома.*

* * *

Да, в этом сущность ранних лет
Строения семьи укромной.
Как женщине — носить корсет,
Так нам — осилить мир огромный..
И ты ему, как подъярёмный,
Креста поставивший обет,
Служить обязан.. и паромной
Сей переправы просто нет..
Но слаба робкая душа,
Дыша миазмами соблазна,
И плесневевает в нас парша
От роттердамского Эразма*,
И в час критический отныне
Мы — поклоняемся гордыне..
30.03, 12:30

* Основоположник эпохи Реформации и протестантизма.

* * *

Мы поклоняемся гордыне
Реализации себя,
И удаляемся в пустыни,
Свои сомненья теребя...
Нам не до собственных ребят,
И мы ответствуем отныне
Свежепридуманной святыне,
Сентиментальность истребя...
То восхождение на Синай,
Чтоб обрести свои скрижали,
Сулит нам рукотворный рай
И славы собственной медали...
Мечтаем мы, верша свой труд,
Что дети все потом поймут...
30.03, 13:00

* * *

Но дети вряд ли то поймут,
Утратив нить к тебе доверья,
Как истязателен твой труд
Раскрыть в непознанное двери...
Людской предпочитая суд,
И им — твою судьбу измеря,
Они сочтут тебя за зверя
И в том немало не солгут...
Немногим лишь дано понять,
Как сочетать высоты духа

С чувствительною нотой слуха,
Что может юность убивать...
Лишь поздним мы поймем умом,
Где погребен семейный слом...
30.03, 13:30

* * *

Где погребен семейный слом —
Мы оба знаем, дорогая...
И я — другой. И ты — другая.
Мы оба ведаем о том...
Мы сохранили общий дом,
Себя в уступках изнуряя,
Друг другу больше доверяя
И детям с пользою притом..
Самопожертвованья долг
Подобен семени в колосьях,
А отбирает их — сам Бог,
Проверя — кто из них вынослив...
И, на тебе поставя крест,
Он рассеивает их окрест...
30.03, 14:00

ЭПИЛОГ

Бог рассеивает семена,
Что мы взрастили, произвольно,
Отнюдь не чувствуя, как больно
Дается людям грамм зерна...

Но такова семьи цена,
И, дорогая, будь довольна,
Что внукам возле нас раздольно,
Хотя другие времена...
Идет естественный отбор
Российской правящей элиты,
Как говорили Гераклиты —
Не вступит в воду дважды вор...
Но мы пред Господом чисты,
Цену изведав красоты...

30.03, 14:30

Конец цикла

ХВАЛА ТЕБЕ, ГОСПОДЬ!

(известие о благополучии операции
у Маши из Москвы)

Спасибо, Господи, тебе!
Слезами чистыми омою,
Что помогаешь нам в беде,
Чтоб сладили с глубокой болью...

Мы живы лишь одним тобою,
Не одиноки мы в судьбе —
Волною неба голубою
Ты осеняешь нас в мольбе...
Неужто, голос возвратив,
Ты возвратишь нас снова к жизни,
Чтоб средь зелёных чистых нив

Твой светлый луч нам в лица брызнул?
Так в исступлении таланта
Создал Чайковский «Иоланту»...
1 апреля, 12:00 ночи. Дом.

ТАНГО В ЭФИРЕ

Такое славное танго
Я слушаю весенней ночью,
Звучащее так далеко
И так приятное заочно...
Щемяще музыка порочна,
И обаянье велико,
Водой промытая проточной
И теплая, как молоко...
Ты молода и так красива,
И пахнешь мускусом любви,
И у меня хватает силы
Соски почувствовав свои...
Всё впереди. Всё так приятно,
И манит музыка обратно...
03.04, 5:00

МАША — АПРЕЛЬ 2008 ГОД

(без голоса)

Она когда-то скажет «мама»,
Она уловит речи суть...
Пока лишь тычется упрямо
И напрягает в кашле грудь...
О! Воздуха нелегкий путь,
О! Детства роковая драма...
Прелестна будущая дама,
Прорвавшаяся через муть...
Природа ставит испытанья,
Подстерегая нас уздой,
И детям принося страданья
Своей родительской виной...
Одной науке лишь под силу
Спасать беспомощных и милых...

*20.04. Утро Вербного воскресенья, т. е. входа
Господня в Иерусалим...*

103-Й ПСАЛОМ ДАВИДА

(переложение)

Благослови, душа моя,
Деяний Господа величье:
Он одевает все края,
Как ризой, светом в крике птичьем.
Чертоги горные подъяв,
Он шествует на крыльях ветра,

Огонь пылающий раздав
Всем ангелам, как стрелы света...
Покрыта безднами земля —
Твердыня Твоего деянья.

Неколебимы те края,
Где Ты простёр благодеянье.
От повеленья Твоего
Уходят воды и приходят,
Пределы рек и берегов
Ты положил на небосводе...
Те воды всех зверей поят
И насыщают тук и злаки,
И человеку дарят сад,
Вино веселия во мраке...
И радуется человек,
Тебя всем сердцем восхваляя,
Вкушая богоданный хлеб,
Под кедром в полдень отдыхая...
Гнезятся птицы на ветвях
И серны — в каменных утёсах.
Луна — как сторож на часах,
И солнце страннику, как посох...
Ночь — воплощенье силы тьмы —
Ты простираешь не напрасно:
Ведь не лесные звери мы —
Дела вершим при солнце ясном...

Воистину, Твои дела
Премудро нам Земля вещает,
И даже моря похвала
Вся тварь земная воплощает.
Всё связано между собой:
И жизнь, и смерть — в твоей деснице...
Как только Лик сокроешь Свой —
Дух человека помутится.
Ты обновляешь лик Земли,
К трудам нас призывая вечно...
Так гимну моему внемли,
Господь святой и бесконечный.
Хвалу пою, покуда есмь...
Исчезнут грешники с планеты,
И вечна только эта песнь
Во имя Господа и Света!
Слава!
21 апреля.

ВИДЕНИЕ

(баллада)

Летит, летит степная кобылица...

А. Блок

Я стою на границе реальности
Перед полем невиданной дальности,
Где ландшафты, с обычным несхожие,
На какую-то древность похожие...
То не время Египта Амоново,

Не эпоха царя Соломонова,
Не часы Возрожденья голландского —
Миг какого-то дня басурманского...
Скачут в поле стремительно лошади,
И над ними — всё крики истошные.
И гудит вся земля в исступлении
Пред какой-то бедой в наступлении.
Так стою я на грани реальности
С ощущеньем ущербной сакральности
Тех событий всемирно-значительных,
Как с биноклем увеличительным...
Вижу крупно щиты ерихонские,
Вижу крупы вспотевшие конские,
Вижу зубы на солнце блестящие,
Вижу губы истошно кричащие...
Страшно мне перед этим явлением —
Неизбежным крутым столкновением,
Словно губят моё настоящее
Эти в дым озверевшие прашуры...
Эти дикие люди далёкие,
Так бессмысленно-страшно жестокие,
Мне судьбу предвещают несчастную —
Только к битвам и войнам причастную...
Не видать ни отца мне, ни матери,
Оставаться всегда мне предателем,
Оставаться дрожащею тварью
Пред степною кровавою хмарью...
Да и внукам моим, и последышам

Уготована доля нездешняя —
Холуями остаться ли ханскими
Либо беглыми стать астраханскими..
Дали, дали российской реальности,
Озверевшие в жуткой печальности,
Отзвеневшие звоном кандалности,
Опалённые пеплом опальности..
Вот стоим мы — мои современники,
Глядя вдаль, где крушат соплеменники
В межусобьях друг друга неистово
То язычески, то коммунистово..
То дворянство сжигая, то богово,
Превращая страну в волчье логово..
Ночь с 26-го на 27-е апреля

МАЙСКИЕ ВОСЬМИСТИШЬЯ (цикл)

* * *

Трясогузка с мужем собирает
Сухостой травиный на гнездо..
Мне они меня напоминают,
Когда был ещё я молодой..
Как она, тогда я озирался,
Трясся от испуга чёрте как..
Я тогда ещё не догадался,
Что я был, повидимо, дурак..
1 мая. Варламово, 15:30 дня.

* * *

Голубое небо... Синь — как море...
А на дне — и мы, и червяки...
Копошимся вновь, забыв о горе:
Наступили тёплые деньки...
Этим отличаемся от смертных,
Воскресая каждую весной.
Мы не камни, что лежат инертно,
Осмысляя собственный покой...

* * *

Унижает труд и человека,
И кобылу — предка всех машин...
Только он для птицы — не помеха,
И для садоводов господин.
Мы — рабы весёлого азарта:
Чуть пригрело — примемся копать
В поисках удачливого фарта —
Вдруг омолодимся мы опять...

* * *

Люблю дымящееся тело,
Когда в предбанник выхожу.
Не хватит даже жизни целой,
Коль о блаженстве расскажу...
Одно печально в этом деле —
Ведь охлаждается оно.
Души, наверно, меньше в теле —
У Бога так заведено...

1 мая. 20:30—11:30. Варламово

ЛЮДИ УТРЕННЕГО СВЕТА

(памяти Натальи Захарченко
и Володи Аверкова)

Люди утреннего света
Снова снятся по ночам —
Люди странного секрета —
Старта жизненных начал...
Как прекрасно это было:
Близь столичные дворцы,
Мы — исполненные силы,
Ухажёры-молодцы...
Свеже-юная Наташа
Заворожено-добра.
Мы Кусково ей покажем,
Благо тёплая пора..
Мы — супруги молодые
Двух сестриц, живём в Москве.
Мы — ребята боевые,
Не подвержены тоске.
Прогулялись — и закусим,
Удивимся — и запьём.
Широта любима Русью,
Где бездонен окоём...
В честь дворянская усадьба
И в свою, конечно, честь,
Нелегальной ради свадьбы
Рестораны в центре есть.

Как мы весело пожили
Сорок лет тому назад!
Вот и снятся эти были
Исторических баллад,
Сих дворцов резные двери
И обилие картин...

Невозможно в то поверить
Что живу лишь я один...
Утро 2 мая.

ВАРЛАМОВСКИЙ МАЙ

(цикл)

Меховая жилетка в сельском доме моём — своевременно к лету оказался ты в нём... Солнце светит приветно, но ветра-сквозняки будят боль неприметно, и зудят позвонки. Ты с лоскутной кожей, с тёплым мехом внутри — ты даёшь мне возможность труд вершить от зари... Понимаю гуцулов, закарпатских крестьян, что на поле «працують»*, лишь уходит туман... Ты оттуда, жилетка, и мне незачем знать, что ещё прошлым летом позабыл тебя зять...

4 мая. Жарко, +20 градусов. Варламово, 15:30

* Працують — работают (укр.)

* * *

Ещё с утра был в вёдрах лёд, промёрзли поливные шланги — но наступил солнцеворот, заржали кони как мустанги... И вот уже мы в новом ранге, нам лето зримое грядёт и ясно, словно мёд из сот, сияет солнышко на фланге... Контрасты майские яркие: пырей, как щётка, эластичен, у груши почки-желваки, сух виноград и анемичен... Так кто-то верует в тепло, ночным морозцам всем назло...

4.05. Варламово, 16:00

* * *

Такой тишины я не слышал давно и неба такого не видел: сапфировый месяц мне смотрит в окно, совсем на меня не в обиде... Чеканные звёзды углами остры, надраены чем-то до блеска, и тихо блестят, догорая, костры без шороха, шума и треска... Недвижна Вселенная... Ни ветерка, ни даже шуршания листьев. И только ночного полёт мотылька исполнен наивной корысти...

Ночь на 11 мая, с. Варламово, 23:40

* * *

Ах, давняя эта тревога моя — о смысле забвения веры... Ужель, красотой такую даря, природа не ведала меры... Неужто напрасны заря и восток, и эта цветущая груша, которую я посадил, как росток, лелея ей тело и душу.

И каждую ниточку корня ей спас, когда пересаживал тело, и нам покровительствовал пристально Влас, уча, как наладить то дело... И вот, посрамленьем неверья, цветёт моя восьмилетняя груша, и скоро, надеюсь, к ней внучка придёт, чтоб деда творенье откусать...

Та же ночь, 0:10

9 МАЯ 2008 ГОДА

(цикл)

* * *

Дождь впервые за два месяца,
И Парад — за двадцать лет.
Это фон, где ярко светится
Глаз Машуткиных привет...
Мой любимый первоцвет
Озорной, как окоlesiца..
Машка на кровати бесится —
С голой попкою балет..
Дни победные — и девочка,
Победившая болезнь..
Наша жизнь — её припевочка —
Связь невидимая здесь..
Этим мы веками связаны..
Этим мы отцам обязаны..

*9 мая, в ночь после этого дня, парада и фильма
«Июль 41-го» с Безруковым Сергеем.
Всё цельно видится... 10.05. 4:30*

* * *

В этот день она впервые,
Копошась в песке сыром,
Торт себе соорудила
На классический канон:
Форма синяя, совочек,
Обрезь лишнего песка —
Вот и жёлтенький цветочек
Вышел, сплющенный слегка...
Как она к тому старалась,
Как пыхла, наклонясь...
А промокла — только малость
И чуть-чуть залезла в грязь...
10.05. 4:45 утра

* * *

Сырая ночь, и соловьи запели,
И снова жизнь прекрасная, как сон,
И снова эти серые шинели,
И видится солдатский медальон...

В небытие уходит эшелон,
В котором тихо те солдаты пели,
Что будут сражены огнём шрапнели,
Но будут жить, как бытия закон...
И только в жертве — сила поколений,
В самоотдаче детям до конца —
Вот смысл самой Природы повелений
И сохраненье вечности лица...

Тогда Поэт услышит на рассвете,
Как в тишине сопят носами дети...
5:00 утра. 10.05. Дом в городе.

К 25-ЛЕТИЮ «КАМЕННОГО ПОЯСА»*

(триптих)

* * *

Мой любимый «Каменный пояс» —
На всю жизнь мне оплот и родня,
Притяженья магнитного полюс
И источник земного огня...
Не страшны мне с тобой суетня,
И работа не мучает совесть.
Многотомная Родины повесть —
Воплощенье твоё для меня!
Нас эпоха свела, однолюбов,
Порождённых уральской судьбой.
Пусть не смолкнут в столетиях трубы,
Прославляя твой подвиг земной!
Мы отцов не предали наследство,
А искусство тому — только средство.

* * *

Да, искусство тому — только средство...
Быть художником трудно всегда...

* Издательство, где вышли «Энциклопедия» в 7 т.
и «XX век» в 5 т. При моем участии.

Чтоб оставить в Истории след свой,
Мало только благого труда...
Время быстро течёт, как вода,
И «нетленка» порою — кокетство.
Ну, а что уже подлинно бедство —
Коли хвалит притворно среда...
Но велению сердца послушны,
Четверть века едины во всём
Мы — подвижники — не равнодушны,
Прославляя уральский свой дом.

Как уральского хлеба ковриги,
Кормят ум наши честные книги.

* * *

Кормят ум наши честные книги...
Их теперь нелегко перечесть,
Ведь мы сами разбили вериги,
Что когда-то сковали нам честь...
И ни хитрый расчёт, ни интриги
В этом «Каменном поясе» есть,
А Глобального Разума миги.
Что дано в многотомники свесть.
Миг Судьбы нас сплотил. В этом Радость.
Не забудется пусть никогда
Животворное светлое благо,
Вплощённое в слове труда.

Четверть века всего на Урале,
А какое мы чудо издали!

14 мая. Гостиница. В. Уфалей. 18:00—20:00

МАША В МАЕ 2008 ГОДА

Первое «мама» сказала она,
Выговорив старательно...
Голоса долгие дни лишена —
Заговорит обязательно...
Бегает, прыгает, жесты любя, —
Девочка-ртуть и хитруля...
Тыкает в грудь, означая себя,
Как молчаливая пуля...
И в заключение краткого дня
Фыркает и плюётся,
Радуя этим себя и меня, —
Это не всем удаётся...
17.05.

СОЛОВЬИ И ЧЕРЁМУХА

Расцветает черёмуха...
Мы с Марусей вдвоём,
В глушь забравшись дремотную,
Удивлённо замрём...
Слыша трель соловьиною,
Щурит глазки она,
И руладу былинную
Оттенит тишина.

И дурманные запахи
Нас вдвоём опьянят
Вместе с древними страхами
Соловьиных рулад...
19.05.

ПОД ДОЖДЁМ...

После месяца под засухой
И пожаров по лесам
Извержение внезапное
Вдруг пошло по небесам.
Дождь с громами светозарными
Опрокинул ливни вниз,
И воспрянувшие запахи
В цветотени собрались...
Ароматная черёмуха
Пахнет тонко и свежо,
А сирень, как дева томная,
Мчит в сиреневом «пежо»...
Пахнет пашня свежевспаханна,
Нервно пахнет березняк,
На закате вспыхнет яхонтом
На столбе дорожный знак...
23.05. Варламово.
После посадки картошки

НА КАЧЕЛЯХ

(1 год 10 мес.)

Третий раз она к качелям
Заворожено идёт,
А вокруг качелей — зелень
Заворожено растёт...
Высоко летят качели,
Высоко летит она,
Достаёт ладошкой зелень,
Вся веселием полна...
А потом, спускаясь наземь,
Огорчается лицом...
Очень хочется фантазий
С увлекательным концом...
22.05. Прогулка в городе, во дворе.

В ПЕСОЧНИЦЕ

(картинка)

Трудно получается
У Маши пирожок...
А как она старается
Формовать песок:
Роет ямку влажную
Лезвием совка,
Насыпает важно
В формочку песка,

Прижимает пальчиком
Жёлтенькую смесь,
Хвастая пред мальчиком,
Что случилось здесь...

После перевёртывает
Форму на доску,
В ожидании торта —
Торта из песку...
Но, увы, ущербен
Результат труда:
Всё испортил щебень,
Сам попав туда...

22.05. Во дворе.

НА ФОНЕ КОРРУПЦИИ

Сажая картошку и грушу,
Меняю водопровод.
По радио новости слышу:
Коррупции — невпроворот...
Под плёнку сажу помидоры,
Выкапываю осот —
И тут узнаю про раздоры:
Коррупция — анекдот...
Меняю дырявую крышу,
Чиню водогрейный котёл.
И снова по радио слышу:
Коррупция — произвол...

И так — на года сообщения:
Деревня погибла почти,
Жить в городе — просто мученье,
И тут не нужны и очки...
Сажаю. Пишу. Моюсь в бане.
Дискуссии слушаю пыл...
Читаю Толстого в романе:
Коррупцию он не любил...
24 мая. Дома.

ДЕТИ ВОЙНЫ

(кредо)

В железном ящике судьбы,
Как корни вырванных растений,
Лишённые нег и похвальбы,
Томились мы среди мучений...
Сыны войны и неврастений,
Мы знали отчие гробы,
И, тленьем тронуты сомнений,
Не ждали благ мы от судьбы...

Но время излечило нас
И ржой, и влагой помогая.
Истлел Империи каркас.
Судьба к нам снизошла благая.

И, сквозь железо прорастая,
Мы обрели и ум, и стяг!

1 июня. 9:30; с. Варламово

МОЙ ВНУК ЖЕНЯ

О мальчик-юноша четырнадцати лет!
О как же ты несносен и прекрасен,
Уже предчувствуя свой жизненный секрет,
Который так таинственно опасен.

Как понимаешь ты, что мир ужасен,
Когда основы романтической нет,
Коль высшим ценностям не принесён обет,
А рядом всё вокруг — обрывки басен...

Но ты кумиром обожаешь мать —
Спасительницу от угрозы мира,
И робко пробуешь ту стойкость ощущать,
Которую несёт одна лишь лира...

Но до поэзии так страшно далеко,
Что сохранить характер нелегко...

1 июня. с. Варламово. 15:00

ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Как дорога минута лета!
В контрасте туч, в контрасте дня.
Мгновенье солнечного света —
Святая радость для меня.
Работы истовой мотня
Сияньем внученьки согрета,

Что дома ждёт шального деда,
Словами новыми пленя...
Пусть слов пяток пока в запасе...
Вчера сказала: «Ай-я-яй»
По телефону. Как прекрасен
Прошедший говорливый май!
Господь нам дал тебя в отраду —
И зажурчала речь в награду...

*1 июня. По сотовому телефону сказала
это слово впервые. Пятое! И никто не учил
специально...*

* * *

Медленно отходит виноград
После снежной бури и метелей.
До сих пор кусты его стоят,
Словно навсегда оцепенели...

Отцвели и груша, и сирень,
А на нём — отдельные листочки
Соловьёв дослушивают звень
В майские озябнутые ночки...

Так и внучка робкие слова
Редко произносит. Только жесты
Применяя... Видимо, права,
Чтоб яснее сиделось блаженство...

1.06. Там же. 15:00

ПОЗДНЯЯ СИРЕНЬ

Снова мы гуляем с Машей
В отцветающем лесу,
Где сирень кистями машет,
Опадая на весу...
Осторожно мы крадёмся
В густоту тенистых лап
И надеемся в урёме
Вместе нюхать аромат...
Соловей вверху защёлкал,
И пахнуло холодком...
Маша радостно замолкла.
Я слотнул восторга ком.
А вверху волшебным светом,
Свежим запахам дыша,
Куст светился фиолетов,
От волнения дрожа...
3.06.

МАША И ДУБОК

Как легко бежит девчонка,
Лет до двух не дорастя,
Прячется вдруг за сосёнку,
Враз глазёнками блестя...

Я за ней иду в растяг,
Словно старый чёрт бесенку

Всё гнусавя побасёнку,
Что поспешность — не пустяк.

А она в ответ хохочет
И показывает... ЛИСТ,
Что светлее всех пророчеств:
Он узорчат, зелен, чист...

Дуб! Двухлеток! В старом парке!
У девчонки — дар знахарки!
3.06.

*Абсолютно невозможный факт: она вывела
меня на дубок двух лет в парке, где я 30 лет не
находил ни одного дубка, гуляя с собакой!*

О, МИР ОБЫЧНЫЙ!

О, мир обычный! Как велик
Ты в простоте своей привычной!
И я, твой слабый ученик,
Дивлюсь гармонии классичной...
Я не поэт страны античной,
Но я вдохну бессмертье в миг,
Где малой девочки обличье
Во мне восторга будит крик...
Мой ангелочек несравненный,
Капризный, нежный, словно воск,
Твой взгляд лукаво-драгоценный
Дороже мне миллионов звёзд...

Ты с каждым днём всё непокорней,
Споткнувшись, падаешь на корни...

3.06. 11:45 вечера

СВОЕВОЛКА

Идёт голубушка моя
По тесной лестнице угольной,
Где проступей остры края,
Идёт походкой своевольной...

То держится штырьков перил,
То спрыгивает со ступеней,
А то — дурилкой из дурил —
Ползёт с пыхтеньем на коленях...

Грожу ей пальцем — ни-ни-ни...
Она задиристо хохочет...
О Господи! Продли нам дни
И своеволя, и пророчеств...
4.06.

ЗАКАТ

Посмотреть на закат —
это зрелище не слабонервных;
Земледе́льца-крестьянина
дня утомлённый итог...
Солнце в ясное небо садится —
во-первых,

Во-вторых — не домётан
травы свежевысохшей стог...
Он торопится до темноты
завершить ту работу,
Что не может испорченной стать
ледовитым дождём.
И не может на Бога оставить заботу,
что в своих городах от кого-то
мы ждём...
Он один на один
с изощрённой природой:
С сорняками, с погодой, с мычащим скотом.
Знает он наизусть поговорки народа,
Что терпенье и труд ставят семью и дом...
Но и Бог, и Природа —
лишь малая доля
Всех напастей, что там ожидают его:
Городов изощрённая, злая неволя
Не оставит от дома его ничего:
И, помещика выгнав, взамен он получит
Продотряды, налоги и страшный закон,
Что на Север сошлёт его и замучит
Вместе с бедной семьёй, исторгающей стон...

Смотрит он на закат —
ясноликий и чистый,
Видит всходы зерна
и законы травы,

Но не ведает, что разочли коммунисты
Судьбы тысяч крестьян
из своей золотой головы...
8 июня. с. Варламово — исторически-стоическое...

РАССВЕТЫ

Любовь моя! На солнечном рассвете
В блестящей позолоте ранних утр
Скажи мне ласково, как гениальны дети,
Отец которых так сердечно-мудр...

Любовь моя! Тепло всегда сердечно,
Когда любовь губами ищет пульс,
И уступать готова бесконечно,
Когда к тебе склониться не боюсь...

Почти полвека я любовью полон,
В рассветном зареве твою целую грудь.
Пусть жизнь моя кому-то будет школой
Рассветов солнечных, пронзивших жизни
суть...

*Утро 9 июня, 8:30. Золото высокого солнца...
с. Варламово*

ИСПОЛИН

Старый тополь под окном
Снова энергичен:
Ветками стучится в дом
Просто неприлично.
На морщинистой коре —
Уйма юных веток,
Как у старца на одре —
Полчища нимфеток...
С каждой почки у корней —
Алчущая поросль.
Топором сражаюсь с ней,
Отстаёт лишь скорость...
А могучий исполин,
В третий век шагая,
Биотворческих былин
Эпос излагает...

*Тогда же, там же. 9:00. Под ликование птиц
после вчерашних туч и холода с ветром...*

СТАРОСТЬ

Доска истлела. Восемь лет
Она держала нить водопровода...
И вот она познала смерть,
Как повелела гордая природа...
О человек! И над тобой — закон,
Который вовсе не приемлет сердце...
Когда ты в жизнь без памяти влюблён,

Зачем тебе от печки адской дверца?
Всё с каждым днём отчётливей черты
Закономерностей причудливого мира,
Которые улавливаешь ты.
Благодарю тебя, родная лира...
Ты чувствуешь, как нежится цветок,
И как ребёнок, с матерью в разлуке,
Страдает, несмотря на то, что Бог
Лишь только старым оставляет муки...
9.06.

ПОСЛЕ ЦВЕТЕНИЯ

Груша пышно отцвела,
Как невестушка на свадьбе...
Белоцветью несть числа —
Как теперь плоды узнать бы...
Пчёл ли мало, иль судьба
Не расщедрилась на завязь,
Иль невестушка слаба,
Или был супруг мерзавец —
Только редкие плоды
Наливаются меж листьев,
Жадно требуя воды,
Как природные солисты...

Но и это — хорошо,
А могло бы быть иначе.

Плод носить — невесте шок...
Потому она и плачет...
9.06.

АНЮТЕ — 35 ЛЕТ
(цикл)

1.

Люблю судьбоносные дни...
Вот дочери — тридцать пять.
Ремонта разгул суетни,
И деньги нужны ей опять...
И небом хранимый отец —
Её обожатель и нытик,
Почти надсадивший крестец,
Меж словом и бездной политик —
Вдруг враз получает аванс
И некий объем гонорара
За свой стихотворный романс —
Наследье небесного дара...
И больше того, он опять
В спираль вовлечён судьбоносно —
Разрушенное воссоздать,
Что будет, конечно, непросто...
И всё-таки это не зря:
Ведь дочери круглая дата —
Всей жизни отцовской заря —
Поэта, бабды и солдата...

2.

Всё время чувствую тебя,
О дочь родная и судьбина,
Пусть даже, резко мне грубя,
Ты защищаешь промах сына...
Пусть дети, в некий миг единый,
Комфорта жажду торопя,
Наказываешь ты себя
Мечты замедленною миной...
Во всех ошибках дорога.
И в промахах — ещё дороже,
Ты мне, как белые снега,
Что жизнь тревожную итожат...
И беспокойство твоих дней
Так с болью связано моей...

3.

Как тяжки твои испытанья,
Как жёстки судьбы жернова...
Сполна ты узнала страданье,
Но дочь, слава богу, жива...
И носится девочка птицей,
Щебечет, как птаха зари,
Нельзя нам в неё не влюбиться
И Господа благодарить...
Но есть в этом закономерность:
Комфорта от жизни не жди,
Когда отвергаешь ей верность
Во имя тщеславной нужды...

4.

Эта девочка — твой подвиг,
И она — твоя же боль.
И сей факт был должен понят,
Ты — не юная Ассоль...
Говорю тебе — не будет
Безобидна эта жизнь.
Только подвиг нужен людям.
Чтоб орех судьбы разгрызть...

5.

Покупать цветочки легче,
Чем выращивать свои,
А дитя взвалить на плечи —
Труд неистовой любви.

Наши матери сквозь войны
Эту заповедь несли.
И не может быть не больно
На пространствах сей земли...

6.

Идёт война противотоком,
Когда давление извне.
Событие делает жестоким
В такой немислимой стране...
Но ты давление снаружи
Своим усилием души

Уравновесь — и обнаружишь,
Что дети дивно хороши...

7.

Как в глубокий колодец, мы смотрим
В темноту нам грядущей судьбы.
И не видно, где край её смочен,
Той безвестностью мрачной воды...

Но летим мы в тоннель, как изделие
Наподобие тела ведра...
Что начерпаем тем рукодельем?
Будет с нами фортуна щедра?

Абсолютно почти неизвестно...
А нужно нам усилие рук,
Чтоб из темени к свету воскреснуть —
Нужен кто-то — соратник иль друг...

Потому-то и ждём мы подмоги
В том отчаянном мраке судьбы,
Где помогут нам люди — не боги...
Как отечески ясны их лбы!

8.

Я садовод, а не охотник:
Я знаю, как растений рост
Заботы требует несчётной,
И этот труд весьма непрост...

Они не тянутся до звёзд,
Бессильны супротив осота,
У нас — не в штате Миннесота,
Где свой порядок и прирост...

Я с детства копошусь с землёю,
Где мятлик знаю, где пырей,
И первый я люблю, не скрою,
Хотя второй в сто крат сильней...

Но мятлик требует ухода,
Как ум и красота породы.

12.06., 13:00 дня

АВТОСОНЕТ

Машина со стёклами чёрными,
Выехав из-за угла,
Так рванула проворно,
Как будто бы здесь не была...

Осталась, чернея, зола
От разворота позорного
Да две мамыши проворные,
Детишек прижавших едва...

Исчезли, увы, неизвестные,
Как некогда стадо «Марусь»,
Очистило наши окрестности,
Позором обгадивши Русь...

* * *

План убийства Столыпина, как ясно для всех, был выработан в Охранном отделении. Почти весь влиятельный Петербург был против него... Чувство зависти точило сердца всех окружавших его. Вместо арестов невинных лучше бы правительство поискало нити заговора в петербургских кабинетах...

Из письма 12.09.1911 (пер. с арм.)

СЕМЬЯ И МИР...

(историческая драма России в пяти главах)

**К 100-летию правления П. А. Столыпина
(1906—1911 гг.)**

Столыпин заплатил жизнью за то, что он раздавил революцию и, главным образом, за то, что указал путь к эволюции. Нашёл выход и объяснил, как это надо делать.

В. Шульгин

I.

Семья... Семья решает судьбы мира...
Наследник отправляет в ад народ...
Не будь бессильна, дорогая лира,
Смотри бесстрашно в будущем, вперёд...

Россия! Исполинская держава!
Правителей бесщётное число!
Куда исчезла вековая слава,
Что высилась, владыкам всем назло?
А дело — в семьях... Слитных и красивых,
Иль обожжённых слабостью отцов...
Петровская растроченная сила
На трон пускает ушлых подлецов...
Екатерины мощное наследство
Умело расширяет Александр,

Отца презрев испытанное средство —
Искать ответа в ребусах Кассандр...
Тщеславный долг будили Николая
Быть слабым подражателем Петра,
Стрельцов в бунтарстве декабристов узнавая,
Казнил он, как владыка из шатра...

Несчастный сын его — веков наследник —
Всё реформировал — вплоть до своей семьи.
Его казнил студентик распоследний,
Прославив бомбой подвиги свои...

Так, ненависть к Семье всё возрастала...
Царь-Миротворец, бомбы избежав,
В семье был счастлив. И пора настала —
Он ввёл Россию в высший сонм держав...
Его супруга — датская Дагмара,
Мария в православии, она
В семье напоминала комиссара,
В Россию бесконечно влюблена:
«Семья открытой быть должна народу,
Как в Англии, где правят долг и честь,
И постепенно всем давать свободу,
Чтоб ранг достоинства действительно учесть...»
Её любимый сын — тишайший Ники —
При матери ни в чём не возражал,
И не был он любителем «клубники»,
И вовсе он Петру не подражал.

Но он влюбился сильно и серьёзно
В такую женщину, что краше в мире нет...
А это значит — слишком стало поздно
Ему Империи узнать секрет...

И череда бесславных компромиссов
Меж матерью и властной женой
Повергли всю несчастную Отчизну
В круговорот событий роковой...

Тогда царицы были лютеранки,
А это значит, если повезёт,
России присягали иностранки,
И верил им доверчивый народ...
Врагов России в мире презрительно,
Единой воли требует страна,
Но если в царственной семье нескладно,
То знали все — опасны времена...

II.

Глубинный опыт русского народа
От древних пор страшился всяких смут,
Ибо контрастна русская природа —
Поодиночке нам не выжить тут...
Снега, пространства, на полгода зимы
Дают привычку к делу сообща,
И атаманство тут необходимо,
Как путнику — огниво и свеча.

Но атаманы, избранные кругом, —
Не в них ли корень вечных русских смут?
Соперничая в грабежах друг с другом,
Они поляков к трону приведут...
Так понимал народ и верил церкви,
Что католичество и смуты одолев,
Россия в православьи не померкнет,
Коль Царь признает свыше божий гнев...

Вот «конституция» российского народа.
Она проста. Духовна. Знает всяк —
Страшна безбрежная анархия свободы,
Коль к власти пробирается босяк...
Двадцатый век — тому наглядный опыт...
Но где источник сих печальных смут?
В соперничестве Азии с Европой
Россия обретала свой статут;
Её уклад таков, что Царь-наследник
Божественностью свыше освящён.
Он — истинно двуглав. Его наследник
Подростком отторгается от жён
И ратное приемлет воспитанье,
И духом закаляется в трудах.
Он нацией даётся на закланье,
Как жертва долга, всем врагам на страх.
«Тяжка в России шапка Мономаха...» —
недаром Пушкин это произнёс...

А если царь трепещет из-за страха,
Что от жены последует разнос...
А если волей он не обладает,
Чтоб от истерик не вдаваться в транс...
Не всякий муж в семействе это знает,
Особенно — влюблённый в декаданс...
Развод! Развод? Испытанное средство...
Тому примером — судьбы королей,
Теряющих и право на наследство,
В обычных превращаяся людей...
Развод приемлет властная элита,
Когда она испытанно-мудра...
Князей великих много именитых
В запасе было русского двора...
И флотоводцы — адмиралы чином,
И рудознатцы, и армейский люд...
Не в том ли бед нагрянувших причина,
Что был в Семье раздор при церкви тут?
Пётр упразднил священность патриарха,
Синод бессилен пред Главой Царя...
И поменять бездарного монарха
Он не способен был, увы, не зря...

Когда лишён маневра полководец,
Почти на поражение обречён,
Он к диктатуре мысленно приходит,
Как сделал Цезарь и Наполеон...
В умах, в умах всеилие державы!
В умах — и крах, коррупция и смерть,

И сильной Личности владычество и слава,
Когда сподвижники дерзают смель...
Недаром партию воздвигнул Ленин
Пассионариев-самоубийц..
Сей опыт нужен веку и бесценен —
Не знает он ни меры, ни границ..

III.

*Богатство народа
создаёт могущество страны.*

П. А. Столыпин, 1907 г.

Итак, судьба, могущество державы
Повисли на тончайшем волоске.
Нейтралитет хотя бы удержала,
О чём Столыпин говорил в тоске.
Но Царь двуличен, он боится... друга,
Способного погибнуть за него,
Но говорит настойчиво супруга:
«Не жду хорошего я от него...»
Намёк на то, что рост авторитета
Последнего в России мудреца
Способен колебать сам трон при этом,
Насквозь провидя труса и льстеца.
И Царь трусливо сам себе готовит
Смертоубийство и грядущий бунт,
Войну с её миллионами винтовок,
Эсеров, анархизм и даже «Бунд»...

Настанет скоро тот рубеж столетья,
Когда погибнет сам Аркадьич Пётр,
Вглубь уходя забвенья и бессмертья,
Царём поставлен тайно на досмотр...
Посмотрим же свершения титана,
Что ненавистью вкруг был окружён,
Кого Семья окутала туманом
Под визги консерваторов и жён...

Был Пётр Столыпин из одной плеяды
Тех мудрых реформаторов Руси,
Что были с императорами рядом,
Служа Отечеству по мере сил.
Их ненавидело всё племя радикалов,
Как выскочек из худородных сил,
И сгнуло их, видимою, немало,
Как только лишь фавор их проходил...
Таким Плещеев был и был Сперанский —
Канцеляристы, мастера пера.
Их высоко ценили иностранцы,
Как идеологов российского двора...
А Пётр Аркадьич выборным манером
В Самарском округе замечен был давно,
Поскольку земледельчества примером
Был этот край — как в Азию окно...
От безземелья внутренней России
Здесь медленно к хозяину пришли
Сначала земства лидеры благие,
Потом — подвижники родной земли...

Частновладельчество... Крестьянам непонятно.
Да и помещикам оно как вред,
Поскольку мир общины жил невнятно —
Взимовыручкой от всех природных бед...
Из массы, вечно склонной к компромиссам,
Столыпин выделял такой актив,
Который верно выгоду исчислил
И жить бы мог без всяких директив...
И вот таким бы — самоуправленье,
Способное вдохнуть иную жизнь
И дать России мощь и возрожденье —
Не как в Европе злой капитализм...
Таким путём шли Витте, Менделеев,
Особенным путём, где цель — народ,
А не высокоумная идея,
В которой весь народ — безмозглый сброд...
Конечно, против — революционеры,
Те радикалы бомбы и пера,
Которым по душе крутые меры —
Изъятья, конфискация добра.
Ещё враждебней — лидеры элиты,
Все олигархи денег и земель,
Которые людским раздором сыты,
А нищенство получит с них шрапнель.
Меж вражьих стен пройти, как над провалом,
Не дать авантюристам даже шанс,
Чтобы возмездие не миновало
Всех леваков, идущих на альянс...
Царь уступил, ни в сём не разбираясь,

Как прежде, соглашаясь на войну
С Японией ради богатств Китая,
Подставив революции страну...

Откуда жёнам тонкость экономик,
Расчёт на земский замысел реформ,
Мать настояла, сущность агрономик,
Прочтя усердно не единый том...
Мать добивалась, вопреки Алисе,
Семейные надёлы сдать внаём
Всем тем, кто верно выгоду исчислил,
Кто «кулаками» назван был потом...
Они позднее возродят Россию
После гражданской огненной войны
И сгинут в лагерях, терпя насилие,
А дети станут армией страны...

Частновладельчество... Пройдёт столетье...
Уйдут от власти все большевики,
О нём останутся благие сплетни,
Которые хранили старики.
Мы знаем: снова встали олигархи,
Пусть не помещики. Но около того.
И их благословляют патриархи,
Столыпина не зная одного...
Его уроки все пропали втуне,
Поскольку пулю получил он от Семьи,
Открыв дорогу «ангелам коммуны»
Десятилетий более семи...

Его убив, сказала бодро Алекс:
«Ему благоволил кузен Вильгельм!»
И все поспешно сразу догадались —
Война с Германией последует затем...

IV.

Сам человек — творец своих несчастий.
Античная истина

Итак, семья — в основе всех напастей.
Семья владык — тем более... Тому
Свидетельства — крушение ли власти,
Иль диктатура в собственном дому...

Баланс семей поэты презирали.
Любовь, любовь прославлена стократ!
Но ханы, убиваемы в серали,
Как индюки, чьё место — зоосад...
Россия осмысляла этот опыт:
От распрей — гибель Золотой орды.
И презирала мнение холопов,
Не чувствуя скопление беды...
Признаться, долго властная элита
Жила в иллюзии прошедших эр.
И в этом — грех эпох и знаменитых,
Включая даже мощный СССР...
Поэты и писатели России,
Когда не ждали денег от властей,
Не раз слепую власть предупреждали
В неверности предпринятых затей...

Величье Слова ожидали пули,
Петля или холодный каземат,
Но Достоевского угрозы не согнули,
А граф Толстой не чувствовал преград...
Поскольку нет в России патриарха —
Писатели несли святой обет:
Предупреждать все сильного монарха
О близости неистощимых бед...
Либерализм не ведает решений —
Тому пример — Столыпина судьба.
И даже самый гениальный Гений
Монарху — только копия раба...
Страна, где Блок неистовствовал вчуже,
Где Брюсов прозревал, как сгинул Рим,
Где Маяковский был кому-то нужен,
А Мандельштам — отвергнут и гоним.
Страна, где Чехов изнывал от боли,
Где Станиславский свой освоил стиль —
Царю какой резон в их частной доле,
Коль к трёхсотлетию нужна кадриль...
В наряды Годунова обряжаться,
Иметь подарки сотен городов —
К чему тогда в величьи сомневаться
И в преданности русских молодцов...

И только Вилли снова стал несносен,
И братец Николай — большой чудак.
Перед войной опять настала осень,
Где запись: «Не курил я натошак...

Премьер-министры стали вороваты...
Опять Родзянко с Думой надоел...
А все-таки верны мои солдаты...
А сын мой Лёша все-таки пострел...»
Да, дневники, что будут изучаться.
Да, никаких не вписано измен,
Которым справедливо возмущаться
Он станет позже, властности взамен...
Великую, растущую державу
Он возглавлял, поистине устав
От горестей, имел дурную славу
Плохого игрока среди держав...
Вступаться за обиженных собратьев —
Не слишком ли роскошный гуманизм,
Когда взамен слышны одни проклятья.
И злобствует убийства терроризм...
Но Царь в своей семье всегда уступчив,
Не менее уступчив и в другом —
Он все международные поступки
Свершал, не помышляя о дурном:
Себя считая мирным пацифистом,
Он заключал союзы по любви,
Он вовсе не был националистом —
А правил непрерывно «на крови»...
Он брату уступил, на Черногорке
Женатому, в войне из-за Балкан,
И тем союз с Германией расторгнул,
Попав в Антанту, как в стальной капкан.
Капкан захлопнулся в болотах Таненберга,

Мильоны русских жизнью поглотив,
Потом воскреснул в планах Розенберга,
«Пан-славянизма» обновив мотив...
Фронты на Западе и на Востоке
Дадут фронты на Волге и Дону,
И всей Европы вызовут восторги,
Поскольку нация пойдёт ко дну...

И вместо мирного, по всем расчётам,
Пути, завещанного ему отцом,
И возрождения весьма почётного
Самодостоинства — век стал концом
Надежд Столыпина и Менделеева:
При невмешательстве в постыдный торг,
Обрести народное самовладение
Переселеньем массы на Восток...
Мария Фёдоровна — она ж Дагмара —
Одна пыталась сына остеречь.
Предчувствуя дыхание кошмара,
Не раз ему вела такую речь:
«Один Столыпин сам собой рискует.
Ему доверься — он имеет план
Россию сохранить, но не такую,
Где велико всеилие дворян...
Он оценил способности народа
К терпению и мирному труду.
Во всём, я чувствую, как пагубна свобода,
А он сумеет удержать узду...

Но сам ты должен быть вне подозрений,
Алиса склонна к мистике во всём.
Распутин принесёт вам зло мучений —
Закрой ему для посещений дом...»

Но Государь, страшась за гибель сына,
Безволен оставался пред судьбой...
В трагедию переросла былина —
В расправу над несчастною семьёй...

V.

Моя бабушка — мешанка...
Царский профиль у неё...
Дилетантка. Книгоманка...
Ненавидела враньё.
Проживя почти столетье
Без единого годка,
Знала эру лихолетья
По себе наверняка...
Урождённа в Златоусте
В первомартовский канун,
В день священной русской грусти,
Как убит был царь-ведун*.
Дожила в Катеринбурге
До трагедии другой —

*1 марта 1881 г. — убийство Александра II Освободителя.

Хуже нехристи, чем турки,
Вкруг царя несли конвой.
Но окрестное мещанство,
Под железным кулаком
Сохраняя христианство,
Точно ведало о всём:
О царевнах обречённых,
Об Алисе-красоте...
Всех жалея заключённых
На мучительном кресте.
Тайны были передачи,
И намолены кресты
За свершение удачи,
Минования беды...
Только чехи не успели
Ту беду предотвратить —
Ровно через две недели
Смог лишь город говорить
О неслыханном злодействе —
Казни русского царя
Комиссаром иудейским,
Всё жене благодаря...
«Почему жене?» — спросил я
У бабуся в десять лет...
«Так считала вся Россия,
Про себя храня секрет...»
Я подрос. Она старела...
И, к женитьбе подойдя,

Я спросил: «Такое дело.
Можно я спрошу тебя,
Как мне жить с молодой женою,
Что красой своей горда?»
— Оставайся сам собою,
Как у Пушкина — Балда...
Потакать жене — погибель...
В нищете теперь страна.
При разбитом при корыте
На любые времена...
Дело было при Хрущёве,
Буйно брезжил оптимизм...
«Поконкретнее ещё бы
Я хотел узнать про жизнь...»
И сказала мне бабуся
От восьмидесяти лет:
«Сам собою не любуйся,
Сам умеи варить обед,
Всё купить и приготовить,
Постирать и перешить.
О супруге не злословить.
Никогда в друзьях не пить.
Добиваться всё без фальши
И последствия считать,
Что с тобою будет дальше,
Если будешь всё прощать...»

Так я выжил. А бабуся,
Сберегая мне жену,

Не водила с ней дискуссий,
А дарила старину.
И когда к концу столетья
Уж не Царь, а Секретарь
Стал объектом новых сплетен
Про жену, как было встарь, —
Понял я: опять державу
Потеряем мы в распыл —
От царицы величавой
СССР теперь уплыл...

Рыбака теперь и рыбку
Я у Пушкина открыл,
Стариковскую ошибку
Я уже не повторил.
Ублажать жену — уменье
Антикварное почти...
Вся история — сомненье,
Ты её с умом прочти.
Ювелирное искусство
Пред семьёй — почти ничто.
Интуиция и чувство
Разграничены чертой...
Дети выросли и внуки.
Две страны уже ушли.
А в семейной той науке
Так до тайны не дошли...
Лишь Аркадьич Пётр Столыпин,
Пав, царя перекрестив,

Снова ожил. Неусыпен
Русской жизни лейтмотив...
14—17 июня. Варламово — Челябинка —
Варламово. Урывки, ночи, рассветы...
Адская жара 30 градусов.

УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА, ИЛИ 30 СЕКУНД ИЗ ИСТОРИИ РОССИИ (ЭТЮД)

*1 сентября 1911 года, Киев, 20:40 местного
времени*

В последнем антракте Большого концерта,
В честь в Киев приезда Царя,
Глазами внезапно два человека
Вдруг встретились, видно, не зря...
Великий, могучий, красивый Столыпин —
И бледный от страха студент,
Кусающий губы, красный от сыпи,
Как вор, уловивший момент...
Премьер, опершись поясницей к барьеру,
Что яму оркестра отсек,
Заканчивал с грустью крутую карьеру,
Предвидя убийственный век...
А юноша, всех обманувший жандармов,
Предавший врагов и друзей,
Пробравшийся в театр с револьвером недаром:
Охранник помог — ротозей...

Тот юноша, ставший юристом присяжным,
Из благополучной семьи...
Хотел быть спасителем мира отважным,
Долги покрывая свои...
Столыпиным Царь недоволен был тайно,
Смущаясь отваги его,
Чтоб земли крестьянам раздать на окраинах,
Лишив аргументов врагов.
Царь в ложе сидел и смотрел на премьера,
Как будто события ждал,
А тот напряжённо смотрел у барьера,
Как юноша шаг приближал.
Наполнен театр приглашённой элитой —
Не счесть орденов, эполет.
И всем любопытно — премьер знаменитый
Как взглянет на пистолет...
А главный охранник — его заместитель —
Намеренье зная Царя,
Свой белый в волнении одёргивал китель,
Надеясь, что дело — не зря...
Неделю кутили его подпевалы —
Охранки царя холоуи,
Готовя грядущего века скандалы,
Проценты считая свои...
Стоял Пётр Аркадьич один у барьера,
Охраны умело лишён,
Вполне понимая, что кончена эра,
Где мир и надежды, и трон...
А юноша крался, прикрывши афишкой

Взведённый для выстрелов ствол,
Вполне понимая, что в мире он лишний,
Что цель для отмщенья нашёл...
Грозили друзья, что он будет застрелен
За свой провокаторский раж,
Что волен он выбрать лишь крупные цели,
Используя шпионаж...
И крупную целью, совсем беззащитен,
Столыпин стоял перед ним —
Последней защитой кровавых событий,
Державы святой исполин...
Убить! И взметнётся кровавое знамя
Расправы народа и гнев.
Охватит страну очистительно пламя
И песен коммуны напев...
Смотрели и Царь, и охранка, и дамы,
Как, путаясь в толстом ковре,
Шёл юноша к собственной гибели прямо,
Как пешка в всемирной игре.
В игре той глобальной несчастной России
Не счесть пулевого свинца,
Которым всё травы и жизни косили
Народы потом без конца...
И будут премьеры ничтожны и трусы,
Как деспоты, будут вожди.
Кровавый туман на столетье над Русью,
Кровавые будут дожди...
Секунда до выстрела... Личный советник,
Почувствовав что-то, замолк:

Он в дальнем ряду слушал светские сплетни,
И вдруг он курка понял щёлк...
Он понял: сейчас состоится безумье,
Разверзнется пропасть вокруг,
И лаву извергнет террора Везувий,
И Русь содрогнётся от мук...
Два выстрела! Юноша тихо уходит...
Премьер, опершись на барьер,
Теперь от Царя своих глаз не отводит,
Но так же молчит лицемер...
На белом — пятно расплывается кровью.
Столыпин молчит неспроста:
Он крестит царя и справляется с болью,
Закончив движенье креста...
Он стонет, не видя уже террориста,
Которого душит толпа,
Не слыша, как вопль возникает неистов,
И ярость вскипает слепа...
Не будет уже никогда в этом мире
Отваги такой на Руси —
А гимн между тем разливается шире:
«О Боже, Царя нам спаси!»
21.06.

МОЯ ВСЕЛЕННАЯ

Люблю Вселенную свою —
Мир доблестных героев,
Природу вечную в строю
С рекою и горою,

Загадочных растений мощь,
Где сорняки упрямы
И переменна зелень рош,
Где насекомых драмы...
Владычит мною лик друзей
Улыбчиво прекрасных —
Я собираю, как музей,
Их обликов контрасты.
Неувядаема любовь
В моей большой Вселенной,
Я знаю — ей не прекословь
В деяниях нетленных...
Слепцы, глупцы и подлецы,
Конечно, здесь наличат,
Но основное — мудрецы
Вселенной тут владычат.
И побеждает в ней Добро
Вполне ортодоксально,
Чему способствует перо
Весьма парадоксально...
Есть даже цифры в мире том,
Как измеренье Жизни.
И как уверенность притом
В грядущее Отчизны.
23.06.

КЛИМАТ ОКАЯННЫЙ

По растениям страданье
В это лето я узнал..
Не жалел хотя старанья —
Стебелёк не выростал.
Огурцы, желтея, гибли,
Помидоры сжѐг мороз,
Муравьи на лист налипли,
Виноград почти замѐрз...

Ну и климат! Ну и ночи!
Аномальные почти!
Днём — жары истощный почерк,
Так, что лупятся зрачки..
Ошалев от перепадов,
Я измучился совсем.
У богов просил пощады,
Как индеец — на тотем..
Но жара не унималась,
И дотошная жена
Стрел скандала не кончала,
Как в былые времена..
18.06.

ДЕТСКИЙ ЦИКЛ

* * *

Воробьи и трясогузки
Во дворе у нас живут.
Вход в домишки слишком узкий,
Чтобы кот пробрался тут...
Но всегда остерегаясь,
Трясогузкин смотрит муж,
Чтобы я (а вдруг мерзавец,
Да ещё большой к тому ж).
Не забрался в их гнездовье,
Где так долго и с трудом
Вырастает поголовье,
Чтоб опять построить дом!
14.06.

* * *

Маше скоро будет два,
И она бежит до речки,
Чтоб, запыхавшись едва,
Всё бросать вниз бесконечно:
Камни, гальку и песок,
Что забулькают забавно,
А река наискосок
Протекает тихо, плавно...
14.06.

* * *

Вся деревня — склад опилок.
У заборов — много куч...
У неё хватает силы
Их бросать с высоких круч.
Облака летят опилок,
Маша вся от них в дресве,
Оторвать её не в силах
Дед с тоскою в голове...
04.06.

* * *

На зелёном берегу
Пять телят лежат забавно,
Отдыхая на лугу
И жуя отрывку плавно.
Маша им суёт траву
И цветочки предлагает,
А они в ответ ей — фу-у —
Головой в ответ качают...

* * *

Сто напиленных пеньков
Возле дома в крупной свалке...
Машин жест весьма толков:
Так их видеть — просто жалко.
И послушно ставит дед
Пять пеньков на основанье:

Расстановки в том секрет,
Чтобы прыгать с них ногами...
14.06. Вечер. 20:00

В ПОЕЗДКЕ

Мир прекрасен. Мир чудесен.
Едем мы на «Мерседесе»
С милым папой за рулём
С мамой, дедушкой втроём...

Облака над нами сизы,
Предвещают нам сюрпризы,
А вдали, в провалах туч —
Золотистый солнца луч.

Белый кипень облаков
Позолоченных легко,
Но мы мчим туда, где грозы,
Предвещают нам угрозы.

Вот гремит над нами гром,
Мы испуганы втроём.
Белой ленточкой в дали
Вспыхла молния в пыли,
Но закрыла я глаза —
Видеть молнию нельзя...
07.07. Дорога возле Палкино

БАЛЛАДА О ЛЯГУШКЕ

Я купалась в тёплой бане,
Приставала к милой маме —
Дать немедленно посуду
Лить в какую воду буду..
Дед растерянно ушёл,
Пару кружечек нашёл.
Только стала я игратья —
Дед придумал расстараться
И принёс такое чудо,
Что забыла я посуду..
Полетела в воду кружка.
Дед сказал: «Смотри — лягушка...»
Смотрит, вылупив глаза,
Вертится, как егоза,
Схватит лапами вот-вот,
Белый выпятив живот...

Я заплакала от страха.
Мама тоже стала ахать.
Закричали мы на деда:
«Уходи с лягушкой следом»..
Только дед упрям, наверно.
Он сказал: «Она — царевна.
Вы же, глупенькие дамы,
И трусливы, и упрямые.
Вас обеих я растил,
И в царевен превратил...

Вы, красавицы, забыли,
Как уродливы вы были,
Как вы квакали едва
И не ведали слова...
Но обеих я прощаю
И царевну отпускаю»...

Разом дёрнулась лягушка —
Непонятная зверушка,
В воду прыгнула ко мне
И забралась по спине...

Я сидела тихо-тихо:
Я — царевна, не трусиха.
08.07., случай в бане

НА ЛУГУ

С Машкой ходим мы по лугу,
Собираем мы цветы,
А коровы рядом кругом
Крутят длинные хвосты.

Маша рвёт тысячелистник
И ромашки в кулачок,
Мятлик, будто хвостик лисий,
Мягкостью своей влечёт...

Подобрались мы к нему лишь —
Вдруг раздался страшный рёв:
То бычок — бычок — хитруля
Звал к свиданию коров...

Маша обмерла от страха,
Видя твёрдые рога,
Я как пну его с размаха,
Как разбойника-врага...

Убежал бычок прыжками,
Вверх поднявши толстый хвост...
Мы цветы собрали маме,
Путь к букету был не прост...
08.07. Варламово

КУПАНЬЕ

В теплый день, в разгар июля,
После утренних дождей
Упаковку развернули
Мы бассейна для детей.
Щеки я трудил натугой,
Надувая тот бассейн,
Разноцветный и упругий,
Хоть размером — не совсем...
Машка в нем уселась круто,
С кружкой и большим ведром,

В эту самую минуту
Солнце разлилось кругом...
Расплескалася девчонка
В теплой солнечной воде,
Я завидовал в сторонке
Этой всякой ерунде...
Хороша вершина лета,
Вся в испарине земля,
Нагишом, совсем раздета,
Внучка, сердце веселя...
8 июля; 12:40

В ПЕСОЧНИЦЕ

От дождя песок размокнул
И копается легко,
В нём слюда блестит, как стёкла,
Так, что видно далеко.

Маша радостно копает
Крепким фирменным совком
И в ведро песок ссыпает
Так задиристо притом.

Слышу звук печально-грустный:
«Маша? Кто это поёт,
Как подводные моллюски
Из-под толщи тёплых вод?»

Показала мне красotka
Восхищённая собой —
Лев в песке страдает кротко
Над несчастною судьбой.

«А зачем жы ты хоронишь
Пусть игрушечного льва...
Он тебе давно трезвонит:
Батарейка чуть жива.

Ты играла с ним пол-года.
Он улыбчив и гриваст,
И в дождливую погоду
Он согреть тебя горазд...

Как не стыдно! Как жестоко
Ты засыпала его!»..
Маша смотрит вдаль высоко,
Не промолвив ничего.

Ухожу я, опечален,
Раздосадован весьма,
И — смотрю — с размаху валит
Всё в песочницу она.

Очищает льва цветного
Тонким пальчиком своим
И целует дорогого,
Напевающего гимн.

Отлегла души тревога,
Верно, детская душа
Не судима в мире строго,
Ибо болью хороша...

08.07. двор — Варламово

КОГДА СОБИРАЮТСЯ...

Когда собираются дети и внуки
И смысл раскрывают житейской науки
То полу-насмешливо, то не шутя —
Я вновь ощущаю себя, как дитя,
Поскольку ни формулы, способ и тон
Отнюдь мой не трогают личный закон...
Не то, чтобы даже закон, а идею,
Которую детям дарить я не смею,
Поскольку времен обрывается нить,
Когда начинаешь потомство любить...
В минувшую эру великой химеры,
Когда разжигали огни лицемеры,
То нами усвоен был горький урок —
Чтоб душу хранить потаённо и впрок,
Чтоб нервом не выдать наружу истому
И верность хранить и семейству и дому —
Не быть, не участвовать, не прикасаться,
Чему приходилось не мало стараться,
Изгадить себя не давая ни в чем,
Хотя это вовсе и не был закон...
Но время настало иное, срамное,

Исполнено дикого, злобного воя,
Где всё откровенно, как в порно кино,
Как, впрочем, и было когда-то давно,
Когда не царила святая химера
И не было нужно услуг лицемера...
И дети мои это время познали
Где царствует мир дорогих гениталий,
Где все обнажено как будто назло,
Чтоб вновь лицемерам иным повезло,
Пока все в открытые ломятся двери,
Почти помешавшись в озлобленной вере,
В обход им, другой потаённой дорогой,
Крадутся другие властители — боги,
Отнюдь простодушья не зная ни в хватке,
Ни даже в жестокости псевдо-повадки...
И дети мои, и небесные внуки
Сложились под сенью подобной науки,
И дружно её открывая в себе,
Хохочут, сошедшись в семейной гульбе...
Я тихо сижу, не смеясь, а печалюсь,
Поскольку я жил, тишине обучаясь,
Поскольку любил тиховейные воды
И ритм устаревшей державинской оды...
И всё же я рад той лукавой хитринке,
С какую являются внуки на рынке
Всемирной продажи всемирного зла,
Где глупо играть роль святого осла...
Но я, опускаюсь всё глубже и дальше,

Боюсь этой новой поверхностной фальши,
Подобной успеху обманной игры,
Где детям сулят золотые дары...
И это меня всё печалит с годами
Как, верно, идя от трагедии — к драме
И шёл, изучая насмешливый мир,
Великий печальный и мудрый Шекспир...
10.07.

После бурной ночной оргии детей и внуков

СЕРЕБРЯНОЕ ГОРЛЫШКО

(сказка-быль)

I.

Жил Король — себе хозяин —
С Королевой — дамой пик,
Жизнью дочиста измаян
Тот Король — почти старик...
И была у них принцесса
Мужа — Герцога жена,
И поклонница прогресса,
Не её хотя вина...
Было малым королевство —
Замок каменный, дома,
Где Король возрос от детства,
Да волшебная страна...
Там его «Великим» звали
Неизвестно почему.

Сам Король то знал едва ли,
Невнимательный к дерьму...

Но, когда родилась внучка,
Соблюдая этикет,
Пригласил Король поштучно
Семь волшебниц, знавших свет.
Все желали благ известных —
Доброты и красоты,
И способностей чудесных,
И возвышенной мечты...

Но незваная старушка,
Что давно забыл Король,
Пробралась, как побирушка,
Чтоб сыграть погаже роль.
Злобно помнила старуха,
Что Король, когда был принц,
Отмахнул её, как муху,
И карьеру сделал блиц...

Вот она и пожевала
Ватной складкой синих губ
И младенцу пожелала
От словесности отлуп..
«Мол, не ждите внятной речи
От девчоночки, увы,
Пока кто-нибудь, увечный,
Не лишится головы»...

Всех волшебниц оскорбивши,
Вся растаяла, как дым...

Мать, что девочку родимши,
Плакать кинулась к родным,
А Король сказал: «Пустое!
Сумашедшая она»...
Было время непростое.
Не былые времена.
Мир делился на убогих
И предельно — деловых,
Но Король был из немногих,
Кто любил чеканный стих.
Потому прогноз старушки
Он презрел, что было зря...
Впрочем — бремя простодушья —
Вот отличие Короля...

II.

Год прошёл. Дитя — ни слова.
Вот кончается второй...
Доктора — страны основа —
Всё качают головой.
«Экология плохая
И к тому же — слаб бюджет,
А рецептам из Китая
До сих пор доверья нет»...

Спору нету — в государстве
Много вздору и прорех:
Расхитителей коварство
И вредители на грех,
Но здоровые младенцы
Попадают ещё
Даже у интеллигенций,
Не имеющей расчёт...

Все родители в напряге,
Заграницу шлют запрос,
Чтоб заморские варяги
Разрешили сей вопрос.
А оттуда Интернетом
Получают злой ответ —
Бывшей родине Советов
Не под силу сей секрет...

Это — в будущем наследство
Всех рождённых здесь детей,
И единственное средство
Им замолкнуть поскорей,
Чтоб не сеяли заразы,
Соблазняя целый мир,
И не баяли фантазий
Обольстительных в эфир...
Вся от вас по миру скверна —
Терроризм и анархизм,

И злодейство Коминтерна,
И жестокий коммунизм...

Получив такую пакость,
Герцогинин тихий муж
Даже пробовал заплакать,
Сам к тому же врач к тому ж...

Вот родители горюют...
Дочка их ведёт во двор,
Где беспечно озорует
Воробьёв немолчный хор.
И показывает дочка,
Внучка деда — Короля,
Как зелёные листочки
Разпустили вензеля,
Как поют красиво птички
И залиvist соловей,
Не теряющий привычки
Очаровывать людей...

Не поймёт её мамаша —
Герцогиня красоты:
«Что ты к нам пристала, Маша,
Что нам птички и кусты»...
Но недаром дочка тычет
На любую Божью тварь:
Мол, познай её величье,
Будь ты герцог или царь...

Округлив овал глазёнок,
К ним по пальчику прижав,
Объясняет им ребёнок
Языки иных держав..
Строит всякие гримасы,
Им ладошкой сверлит грудь,
И ведёт их тем же часом
К деду, чтоб поведать суть..

Дед — Король и проповедник
Всей природной красоты,
Всей словесности наследник,
Вник во внучкины черты,
Детской мимики наивность
На язык переведа,
Он сказал: «Вот это дивность,
Ждите под вечер дождя»...

«Пустяки! — сказали вместе
Внучки той отец и мать, —
Слишком будет много чести,
Чтоб гаданья понимать»...

Но... как грянула под вечер
С неба молния и гром,
Разродясь угрозой вещей,
Не один разрушив дом..
Как потоки разметали
Царства пол и потолок,

Не оставив и детали
Что когда-то сделал Бог...
Унесли комод с трельяжем,
И машину «жигули»,
И сберкнижку в саквояже,
Где прописаны нули...
Вопль пошёл по всей долине
Государственных земель,
Очень царственных отныне
В живописности потерь...

«Да, — сказали краснобаи, —
Видно, девочка — того,
Через деда пакость бает,
Надо шлёпнуть нам его...
Хоть и звали мы Великим,
Он, по-сути, просто пшик,
Нам сулит несчастье дикий
Сей назойливый старик»...
И, нажившись на продаже
Неопознанных вещей
Той страны — соседней, вражьей —
Накупили тюк плащей...
Тёмной ночью, завернувшись
В ткани импортного зла
И от злобности согнувшись,
Резать двинулись козла.

Надо вам сказать — в палатке
После бури в злую ночь
Спала вся семья вповалку,
Грусть не в силах превозмочь...

III.

Вот идут и месяц лужи.
В небе — тощая луна.
Воют псы чужие вчуже.
Напряжённа тишина.
В хлеве возится корова.
Электричеству — каюк.
А Величества основа
Тянет горлом хриплый звук...

Чу! Один из них запнулся
И, тревожно замыча,
Вдруг... слюною захлебнулся,
Сдав ухватку палача...
Тут второй, во тьме ослепнув,
Лоб о дерево расшиб,
Сразу сделавшись скелетом,
Не имеющем души...
Остальные онемели,
Ртов не в силах отворить,
Но крались к заветной цели,
Убыстря злую прыть...

Распоров едва палатку
Остро-кованным ножом,
Так и сел Главарь вприсядку,
Дивным светом обожжён...
Что за лазерное диво
Мигом выжгло им глаза...

Но спало дитё красиво,
Так, что вымолвить нельзя...
Двое кинулись с устатку
В охлаждающую тьму,
Но главарь пролез в палатку,
Тошно сделалось ему...

Спят мертвецки дед и дети.
Шёл от внучки дивный свет,
Тот, которого на свете
В сказках не было и нет,
Потому что мир крещёный
Когерентности не знал,
Потому что кот учёный
На цепи сидел злещёной
И в глазу таил кристалл...

Сжавши нож, главарь, озлоблен,
Рыщет левою рукой,
Чтобы старец был угроблен
И настал в стране покой...

Пусть и вытекли глазницы,
Очерствел во рту язык,
Кожу жжёт огонь зарницы —
Отступать он не привык...

Так змея с названьем Кобра
Издаёт трещоткой звук
В злости ярости недоброй
Напружиня тело вдруг...

В этот миг дитя проснулось
Бессознательно почти
И убивцу улыбнулось,
Округлив свои зрачки,
И, к губам прижавши палец,
Слабой левою рукой —
Как вы сами догадались —
Нож затронуло стальной.

В прах рассыпалось оружие,
И, в безмолвной тишине
Пал убивец от удушья
Окончательно вполне...

Зря была его досада
Террориста — храбреца...
Молвило дитя: «Не надо»,
Пробудившись до конца...

А когда рассвет и солнце
Разогнали ночи мрак,
Как волшебная икона
Оживляет весь барак —
То родители, проснувшись,
Удивились — на полу
Цвёл цветочек простодушный,
Перепачканный в золу.
И дитя им любовалось.
В саже — щёки и ладонь...

Дед сказал: «Умою малость»...
Мать ответила: «Не тронь...
Вишь, она чему-то рада...
Будешь мыться или нет?»

Внучка молвила: «Не надо»...
Лаконичным был ответ...

ЭПИЛОГ

Вот и кончилась вся сказка.
Сказка — выдумка моя.
Но осталась в мире ласка,
Ласка — внученька моя.

Умывался я слезами
Эту сказочку пиша...
Понимаете вы сами —
За детей болит душа.

Из болезненного ада
Вышла внучка, не таю.
Говорит она: «Не надо»...
Я от этого — в раю.
Ей серебряное горло
От рождения дал Господь,
И сияние восторга
Я не в силах побороть.
Пусть читают эту сказку
И юнцы, и старики,
И на сердце станет ясно:
Силы правды велики...
10—27.07. с. Варламово

СНЫ ПОХОТИ

Диктует похоть снова сны —
Картинные виденья Босха,
И, словно слеплены из воска,
Все женщины обнажены...
Неужто старости важны
Явленья статуи милосской,
Чьи щёки крашены извёсткой
А прелести все так нежны...
О, старость, старость — пощади,
Терзай помедленней потери,
И преданность высокой вере
Не променяй на зов груди...

Мне что-то шамкает в ответ
Почти безжизненный скелет...
21.07. Дневной сон в жару в Варламово

ПОЛНОЛУНИЕ

Тиха украинская ночь...

А. Пушкин

Я встал, внезапно пробудившись...
Стояла полная луна,
И, тихо за стену склонившись,
Мне освещала двор она...
Лежали плиты вековые,
Как отражение слюды,
Сияли звезды золотые,
Как капли вешние воды...
Я вышел к небу на балконе.
Огромный тополь тихо спал,
И чистота небес на склоне
Была прозрачна, как кристалл...
Как будто три великих сферы —
Земли, небес и божества —
Лик мне открыли атмосферы
Сокрытой тайной естества.
И понял я, как всё созвучно:
И эта ночь, и тишина,
И крыши блеск, и свет докучный,
Былые вторя времена...
28.07., 3:00 час.

ОПЫТ РОССИИ

Читая Дмитрия Тимофеева*
(микропоэма)

*Противно природе человеческой предпо-
лагать, чтобы кто-нибудь согласился жить
в таком обществе, где ни жизнь, ни иму-
щество его ничем не обеспечены.*

М. М. Сперанский, 1809 г. (про-
ект новой отечественной конституции)

*России, как государству, приближающе-
муся ежечасно к другим народам, большое
европейское общество составляющим, сле-
дует, не повинуясь слепо учреждениям чу-
жеземным, соображать свои собственные
с настоящим положением государства и
усовершенствовать оные.*

В. П. Кочубей, 1810 г.

Когда, поправ Наполеона,
Россия вышла из войны,
Когда готовились законно
К реформам русские сыны,
Когда отцы либерализма
Планировали вольность дать,

* Европейские идеи в России начала XIX века. Челябинск, 2006.

Чтоб исключить фаворитизма
Змеи наследственную статью —
То, изучая чуждый опыт
И конституции держав
Войной измученной Европы,
На русский нором положа —
Они ценили человека
Естественной природой прав,
Идущей с древности от грека
До английской вершины слав...
Они внимательно вчитались
В эпохи Грозного царя,
И раболепью поражались,
Что было издавна не зря...
Униженные земледельцы
И лихоимства произвол,
Своекорыстные владельцы,
Что Пётр Великий произвёл —
Вот родословная России,
Где нет согласия ни в чём...
Приоритет — военной силе,
Всё остальное — нипочём...
И, справедливо опасаясь,
Что раб не сдержан и горяч,
На просвещение полагались
В преддверье будущих задач...
Они планировали плавно
Уйти от скользкой крутизны,

Чтоб экономике державной
Дожить до вольности страны...
Но время их опережало:
Царь, потеряв ориентир,
Покинул до срока державу,
Сменив обличие и мир...
Нетерпеливцы — декабристы,
Народовольцы горячи,
Затем эсеры, коммунисты
Свободы стали палачи.
Согласья нет, как было древле:
Бунтарство, казни, рёв толпы,
И разорение деревни,
И восхождение тупых...
Нет осторожности у власти,
Ломать ли — строить — всё равно...
Отсюда — горечи напасти
Разорванное полотно...
Дано ли в двадцать первом веке
Такую мудрость обрести,
Чтоб изменить России вехи
На трудном жертвенном пути...
Свобода или справедливость —
Где равновесия секрет...
Иль новая возникнет лживость
Демократических побед...
Имущие неосторожны,
Они охочи до удач,

И потрясения возможны
В неисполнимости задач...
Но доброхотства дух угаснул,
Суды неправедны, как встарь,
А власть твердит о вере в сказку,
Как полоумный пономарь...
Что впереди? Распад России,
Где оголтелы господа,
Где в тюрьмах — пытки и насилие,
А жить на пенсию — беда...
О, как тяжёл России опыт —
Каталог бед и неудач,
Хотя мы гоним нефть в Европу,
Не слыша даже детский плач...
Печальна мудрость без приклада,
И старость нации горька,
Чужого опыта не надо
Для ревматизма старика...
28.07. 11:00— 3:00; Варламово

* * *

Топот копыт по пыльной дороге,
Бой колуна по поленьям берёз,
Звон колокольчика тёлок безрогих —
Как это вечно и больно до слёз...
Милая русская злая деревня,
Как же ты держишься столько веков,
Церковь разрушена в ярости древней,
Рухнул колхоз, не всегда бестолков...

Овцы в развалинах ферм отдыхают,
Книжный разбит на куски магазин,
Визг молодёжи ночами нахален,
Лают собаки среди русских равнин...
28.07. 14:30; Варламово

ГУСИ И ЛЯГУШКИ

Гуси и лягушки
Окружают нас,
Квакают квакушки,
Под водою — глаз.
Бросишь в неё камень —
Скроются тотчас,
Прячась под листьями,
Наостривши глаз.
А гусак породист,
Чист и горбонос,
С Маши глаз не сводит
Полон весь угрозу...
В сотни глаз природа
Наблюдает нас...
Сверху, с небосвода,
Солнце шурит глаз...
27.07.

* * *

Мы уезжали из деревни.
Неспешно дождичек пошёл,
И, чем мотор гудел напевней,
Тем небосвод темнел, тяжёл.

Плескали лужи по дороге
Под скоростным напором шин,
Домой хотелось очень многим
И прибывало всё машин...

Крепчал и дождь, и наша скорость,
Сверкали фары в темноте,
Нас окружал туман и морок,
И мы молчали в тесноте.
Но пела девочка беспечно
Мотив с припевом «ча-ча-ча»,
И не страшила даже вечность
Кинжалом встречного луча...

*28.07. Отъезд в город для встречи Жени из
путешествия его на оз. Байкал, где он был две
недели.*

* * *

У птички четыре пальца.
У Маши — так целых пять.
Пусть птичка с ветки не свалится,
А палку не сможет взять...

У жабы окрас маскировочный.
На зелени не видна.
А Маша с каждой обновой —
Всё ярче в лугах она.
И это — так удивительно:
Все прячутся — Маша нет.
Хохочет она заразительно
И рвёт на лугах первоцвет.
У бабушки — яркие бусы...
Она их примерит враз
И требует, пусть Марусе
Их бабушка тотчас отдаст...
02.08., с. Варламово

НЕВНЯТИЦА

Маша запросто готова
Повторить любое слово...
Что тут выйдет, почему —
То неясно никому...
Повторяет непрестанно:
«Тая, Тая»... Значит «Таня»...
Баба Таня знает код —
Имя сразу узнаёт.
«Няня! Няня!» — вдруг кричит.
Братец Женя к ней спешит.
Скажет просто: «Миа, Миа», —
Баба Мила заспешила.

«Мама Аня», — ясно всё,
Даже старый дед просёк.
«Паца, паца», — то «купаться»...
Чётко требует «читать»...
Невозможно разобраться,
Если требует ей «дать»...
То ли куклу, то ли вафлю,
То ли новые штаны...
Все участвуют в спектакле...
А зачем бы мы нужны...
03.08. 17:00

ОЗОРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Маше третий год пошёл.
Это очень хорошо.
Говорит она словечки,
Как вода журчит у речки.

Мы уходим с ней в поход
Куда улица ведёт.
Из ворот мы вышли дома,
Всё на улице знакомо:
Куры возятся в пыли,
Корки высушенной земли,
От коровушек — лепёхи,
В них цветут чертополохи,
В подворотнях — псы ворчат
На гусей и на гусят...

Мы идём по солнцепёку
В направлении к востоку
За околицу, где дом
Строит плотник топором.
Брёвна сливочного цвета
Сохнут под лучами лета,
Пахнут сладкою смолой
И очищенной корой.

Бродят рядом тут телята,
С кобылицей — жеребята
Гуси вниз идут к реке,
Что течёт недалеко.

Вышли мы на луг у речки —
Тут пасутся и овечки,
Но они боятся нас,
Голубых не сводят глаз.
Вот на отмель мы выходим,
Озабоченные бродим,
Надо речку перейти
Чтобы до лесу дойти...
Нахожу я мелководье.
Маша глаз с меня не сводит,
Вдруг снимает башмачки,
Чтоб идти по дну реки...
Вот журчит вода меж пальцев.
Оба — двое мы — скитальцы,

На крутой выходим скат,
Чуя сосен аромат.

Лес стоит за хлебным полем.
Мы проходим по раздолью
По тропинке, что легла
Прямо к лесу от села.
А подъём всё круче, круче.
Надо нам обуться лучше.
На пригорке мы вдвоём
Стянем туфли ремешком.
У меня — с уздечкой пряжка,
На липучках — туфли Машки.
С них мы вытряхнем песок —
Путь ещё весьма далёк...

Вот выходим мы к опушке,
А над нами — ворон кружит.
На скале стоит сосна,
Здоровенная она...
Верно, там гнездо воронье.
Он не любит посторонних.
В нём, наверно, воронята,
Что нам делать — не понятно...

Маша думает недолго —
Пóтом майка вся промокла.
«Папа, мама», — говорит
И готовит рёв навзрыд...

«Хорошо», — я соглашаюсь
И к деревне направляюсь,
Но она забыла плач
И бежит по скалам вскачь...

«Стой! — кидаюсь я тревожно, —
Расшибиться здесь возможно!»
Скалы прямо над рекой,
Берег скользкий и крутой.

Изловив с трудом девчонку,
Отвожу её в сторонку,
А у ней в ладошках камни —
Привлекательна река мне...

«Ну, ты и авантюристка,
Не ходи к обрыву близко!»
Но не слушает она,
Озорством увлечена...
Бульк — кидает камень первый.
У меня на срыве нервы.
Плюх! — кидает и второй.
Я держу её рукой.

А она, раскинув руки,
(Крылья ворона — в науке)
Вдруг пытается... лететь —
Только я успел поспеть...
«Ты какая озорница!

Человек ты, а не птица!»
А она в ответ хохочет,
Со скалы уйти не хочет.
Сгрёб девчонку я в охапку,
Посулил ей с поркой бабку,
А её малину брат
Будет есть три дня подряд...
Замолчала хулиганка,
Загрустила элегантно,
И погладила меня,
Якобы себя виня...

Завершивши поцелуем
Мир, уже не озируя,
Мирно мы пошли вперёд
Там, где мост и переход...

Вдруг кричит она: «Утята!»
Верно, плавают ребята
С мамой — уткой наравне
По извилистой волне.

Долго тихо мы смотрели,
Как утята осмелели,
Вышли к нам из тёплых вод,
Каждый — с тиной полный рот...

«Дай!» — внезапно просит Маша...
«Да они же просят каши.

Даже хлеба нет у нас —
Им хозяин хлеба даст»...

«Ам-ам-ам», — она сказала,
К дому резво побежала
Был уже нам близок дом,
Хоть дошли к нему с трудом.

«Хлеба нет», — сказал ей братец,
Острослов и трудоznатец,
И пошёл с ней в магазин,
Что в селе был не один...

Я же, измождённым дедом,
Вслед за ним поплёлся следом
С грустной думой — тяжело
Обходить вокруг село...

*04.08. запись сделана на другой день,
в дождливую погоду, вспоминая вчерашний
чудесный день путешествия.*

ПРИНЦЕССА И ЕЁ ДВОРНЯ

Её во имя строим города
И воздвигаем и мосты и башни,
В бассейнах льётся чистая вода
И ужины торжественно-всегдашни.

Пусть города пока что из песка,
Как и мосты и башни строит братец,

А у бассейнов — дутые бока,
Но кушанья вкусны и ароматны...
Для ней садовники плоды трудов несут —
Смородину, малину иль клубнику,
Льют молоко в изысканный сосуд
И краснорыбицу подкладывают вилкой.

Она принцесса... Служат повара,
Церемонмейстеры, поэты и певицы
Всей благолепной прелести двора
И развлечения царственной девицы.

Ей заграничные наряды шлют
Заморские посланцы — иностранцы,
И каждый день на несколько минут
Она для всех устраивает танцы.

И пусть весь двор — Конюшня древних лет...
А вся прислуга — бабушки и дедки...
Но высшей марки чтим мы этикет
И от принцессы жаждем отметки...

Вот только не даётся нам решить —
Как быть с проказами самой принцессы:
В тюрьму её под стражу посадить
Иль не давать в обед деликатесы...

06.08. с. Варламово

МОЙ ГАРЕМ

(подражание Пушкину)

Когда гарем в Бахчисарае
Сам посещал Великий Хан,
То женщины его там робко ждали
Из разных земноморских стран:
Кружились томные гречанки
Под звуки золотой зурны,
И пели стройно итальянки,
Что кожей бархатной нежны...
Обнажены, русоволосы,
Подобны лилиям в саду,
Славянки распускали косы,
Плывя в бассейне, как в пруду...
Там иудейки, египтянки
Шептались, чётки теребя,
И приглушённой перебранки
Шёл лёгкий отзвук, гладь рябля...
Хан выбирал подругу на ночь,
Готовясь к подвигу любви,
И молча мучалась охрана,
Расчеты подводя свои...
Какой наложницы удача
Какой сулит переворот...

А я живу совсем иначе
И мой гарем — наоборот:

Сегодня ночью ты — испанка,
Упряма, дерзка и горда,
А завтра ты — венецианка —
Расчетлива и молода...
Минуют сутки — ты — норвежка —
Тиха, задумчива, стройна,
А вдруг — как полька — безмятежна,
И романтична, и нежна...
Да разве всех я перечислю
Наложниц стольких долгих лет:
То — полных желчи и корысти
Евреек — спутниц всяких бед,
То украинок — подолянок,
Лукавых, хитрых, дорогих,
То вдруг заносчивых дворянок,
Читающих в объятых стих...

Гарем мой полнится с годами:
Вдруг ведьма чудом промелькнет,
А то романс Прекрасной даме
Мой рот неожиданно пропоёт...
А, помнишь — были романтичны
В палатке — девочки слова,
О жизни будущей столичной...
Очаровательна Москва...
Мечтали мы о загранице,
И неприступной ты была,
С высокомерьем светской львицы
На ложе лечь не снизошла...

А сколько подленьких мешанок
Я повидал — не перечесть,
Что мужа пият спозаранок,
Теряя стыд и даже честь...
О! Мой гарем! Куда тут хану!
Он от такого бы сбежал
Иль всех прирезал ятаганом,
Как называется кинжал...
Но мы — России азиаты —
Таких гаремов развели,
Их экспортируя во Штаты,
Во все края чужой земли...
В них наши женщины чертовски
Разнообразно — хороши,
То выражаясь по-московски,
То нас пленяя от души,
Семь революций переживши,
И по-кержацки зная быт,
Нам дюжину детей родивши,
Пусть муж совсем не знаменит,
Они умеют править нами,
Меняясь каждый день и час
От нищенки — к учёной даме,
От брани — к доброте лучась.
Они не ведают покоя
В высокой страсти бытия,
И, обожая всё земное,
Тем благодать на нас струя...

Жена моя! Ты не подвластна
Характер свой переменить —
Ты, как сама Россия — страстна,
Наследуя эпохи нить...
Такой тебя и принимаю
Владычицу и — всё ж — рабу,
Гарема сладость понимаю
И не кляню свою судьбу.
09.08., с. Варламово

СЕМЬ ПЯДЕЙ

Семь пядей надобны во лбу,
Чтоб быть в Руси поэтом,
И — первая — иметь судьбу
С каким-нибудь секретом...
Вторая суть — на ощупь знать
Леса и чернозёмы,
Как пахнет вспаханная гать
И как метёт позёмка...
И третья — долю сироты
Изведать до надрыва,
Когда могильные кресты
Тобой единым живы...
Четвёртой пядью будет то,
Чтоб стал ты независим
От ложной власти, за чертой
Её ума и писем...

А пятый шаг — незримый мир
В себе ты ощущаешь,
Которым полнится эфир,
Что стал тебе товарищ...
Шестая пядь — входи в туннель
Наитий и прозрений,
Как будто, с Данте в параллель,
Виргилий вроде тени...
Ты с ним вступаешь в рай и в ад,
Чистилище проходишь,
Нельзя повёртывать назад
Под музыку мелодий,
И, в пропасть, если — подойти,
Взгляни в неё бесстрашно
И, ужас чувствуя в груди,
Лети, как птицы с башни...
И, если выживешь, тогда
Другим, преображённым,
Гори душою от стыда,
Что был землёй рождённым...

09.08. 14:00—5:00; там же

ВРЕМЯ ВЕЧНО

*Религия — это убеждение,
что всё происходящее с нами
необычайно важно...*

Чезаре Павеза; XX век.

Время — время.. Время будет вечно..
Потому оно и бесконечно,
Потому что время бессердечно,
Как на небе — ледяная млечность..
Только люди чувствуют иное —
Ценят время — времечко земное..
Им нужны всегда в пути — дороге
Убежденья, что их видят боги,
Сострадают, ценят их поступки,
И карают, если кто — преступник..
Боги — это самоуваженье,
Где не важно наше положенье,
Где судья — лишь собственная совесть
И прощенье грешнику — не новость..
Если в сердце кроткий Бог терпенья —
Ты способен выдержать мученья,
Сострадать увязнувшему в тине,
Помогать и думать, как о сыне..
Отдавая, сам приобретаешь,
Коль пути и выхода не знаешь..
09.08.17:00

КАВКАЗ 2008

Когда играют негодяи
По диким правилам своим —
То мы — поэты — твёрдо знаем,
Что их конец неотвратим...
Пускай они наводят грим
И врут в эфир, как разгильдяи —
Но мы — поэты — твёрдо знаем,
Что ход эпох необорим...
Но горек как предательств дым,
Им души насмерть разъедая,
Поскольку мы — поэты — знаем —
Закон Богов — неотменим...
8—12.08.

События в Цхинвале

ЛЮБОВЬ ПОД ИВАМИ

Под вековыми ивами
Гуляли мы с тобой,
И были мы счастливыми
Под сенью голубой...
Под ивами — не пальмами
Копалась ты в песке,
В красивом платье с мальвами
Качалась на доске...
Моя голубоглазая
Принцесса всех небес,

Блестя под солнцем стразами
На шапочке чудес...
Махали яблонь веточки
Ранетками в жару,
Чтоб ты могла кокетничать,
Свою ведя игру...
14.08.

ПЕЧАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Когда ты видишь человека
С душой живою в нищете,
То все достоинства у века
Тут раскрываются в тщете...
Зачем растил он свою душу
И в благородстве, и в борьбе,
Преданья предков не наруша —
Быть верным самому себе.
Не предавал из честолюбья,
Друзей поддерживал, как мог,
Не отвергал из самолюбья
Ту заповедь, что создал Бог...
Но век сменил ориентиры —
И вот он гибнет, слаб и нищ,
Похож в судьбе на сувениры,
Что на оградах у кладбищ...
*15.08., с. Варламово, провожая Женю в город,
встретил старых знакомых (примерно
15 лет назад знал когда-то).*

ЦХИНВАЛ 2008

Кавказа нахмурены брови,
Персидская вязь на крестах,
Дымятся извилины крови,
В подвалах взрывается страх...
И снова вызывает к России,
В огне обезумевши мать,
И буйствует злобно насилье,
Надежду стараясь предать...
Три века мы мирим народы,
Имея проклятья взамен,
Расстреляны наши рапсоды,
И рыцари вызнали плен,
Но снова, и снова, и снова,
Предательству вопреки,
России и дело, и слово
Полно неизбывной тоски...

16.08., Варламово

ДИАЛОГ С МОЛОДЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

- Я — Ты помнишь что-нибудь о прошлом:
Об Украине, о Литве?
- Он — Я только помню о хорошем.
Плохое отнесу к Москве...
Она рассорила народы,
Ссылая, зверствуя, губя,
Казня сторонников свободы,
Везде велича лишь себя...

- Я — Но ты-то, подлость презирая,
Соседей знаешь языки,
Обычаи их уважая,
Прочти хотя бы две строки...
- Он — Зачем. Я полюбил английский...
Карьера требует того,
Но мне народы наши близки,
Любые. Все до одного...
Хотя, признаться откровенно,
Кредита я от них не жду...
- Я — Но будут хуже перемены —
Москву хотят привлечь к суду...
И это будет справедливо?
Ответят внуки за дедов?..
- Он — Всё нынче в этом мире лживо,
Я наплевать на всё готов...
- Я — Ты наплюёшь. Другие — тоже.
Расплата будет велика...
Враги Россию уничтожат,
Как им мечталось века...
- Он — Ну, вы хватили... Не допустят
Начальства всякие того,
И сам я найден не в капусте,
Авось, не будет ничего...
- Я — А всё-таки... Литва готова
От моря и до моря стать,
И Украина скажет слово,
Что москалей не хочет знать...

Он — Да бросьте гаденькие шутки,
 В обиду я себя не дам,
 Пойду работать на маршрутке
 Или уеду в Амстердам...
 15.08., с. Варламово

О БУКВЕ «Ё» В РУССКОЙ ИСТОРИИ

(эссе)

Одна ты такая на свете...

Из гимна Новой России

Сегодня потерял все документы при перевозке детей в Варламово. И паспорт с фамилией «Шишев», которая стоит в свидетельстве о рождении 1940 года.

Решил восстановить стоящую там букву «Е» на традиционное русское «Ё», как следует из всех исторических корней. Все мои дети и жена свыклись с этим написанием, как и многие мои знакомые, как то:

Новосёловы

Ивашёвы

Чернозёмцевы

Решёткины

Новожёновы

и другие

Вспоминая друга Андрея Свиридова и его исследование энергетики буквы «Ё» и храмом этой буквы в Увелке — самая великая и тайная буква алфавита, рядом с которой стоят таинственные «Й», «Ъ», «Ь» — непереводаемые, уникальные, не имеющие аналогов ни в каком языке.

Одновременно читаю о Гаршине книгу В. И. Прудоминского «Грустный солдат» М. : Книга, 1986, где великая тема особенности обострённого нравственного чувства этого уникама в литературе, о тяге к «служению», а не к службе...

Вот тонкости ментальности российского духа — нравственная щепетильность, самоотдача в эпоху чистогана на войне... Та же тема, но глуше, у Толстого, Гарина-Михайловского, Чехова, Пастернака.

От Б. Пастернака: из стиха «Смерть сапёра».

Жить и сгорать у всех в обычае,
Но жизнь тогда лишь обессмертишь,
Когда ей к смерти и величию
Своею жертвой путь прочертишь.
декабрь 1943 г.

Всё в жизни может быть издержано,
Изведаны все положенья —
Следы любви самоотверженной
Не подлежат уничтоженью.

оттуда же

Это на фронте написано Б. Пастернаком как и поэма «Зарево». Вот строки оттуда:

В искатели благополучья,
Писатель в старину не метил,
Его герой болел падучею,
Горел и был страданьем светел.
Мне думается, не приукрашивай
Мы самых безобидных мыслей,
Писали б, с позволенья Вашего,
И мы, как Хэмингуэй и Пристли.

Вот этот тончайший нюанс: буква «Ё», нравственная нескладица и горенье самоотверженья — вот это и уловлено в этот день, как и фраза гимна новой России: «Одна ты такая на свете» — гениален наш Сергей Михалков в этой редакции. Ему более 90 лет и он выносил эту идею, трижды перерабатывая гимн отчуждённой от мира страны.

Итак, вот что такое писатель в России, это тончайшая звуковая и нравственная позиция всегда и во всём. Это и есть буква «Ё», огрубление которой нельзя допустить, как то сделано во всех изданиях классиков наших в Советское время. Даже Пушкина и Чехова. Но есть «Конёк-Горбунок» — с уральским говором вечным!

Решил восстановить написание фамилии вопреки всему. Об этом тоже у Б. Л.:

Ничем душа не озадачена
Его дражайшей половины

Набит нехитрой всякой всячиной,
Как прежде, ум её невинный...

Озадаченность внезапно открываешь в испытаниях служения той тайной миссии, которую только чувствуешь, но вплотную прозреваешь только с опытом переживаний и катастроф.

21.08., с. Варламово 6:10 утра

Р. С. Камень, который отвергли строители, встал во главе угла...

У Прудоминского о Гаршине:

«Парадоксальна мысль Спенсера, утверждавшего, что память есть зачаточный инстинкт, а инстинкт — организованная память, представляется ошибочной — и потому, что инстинкт подчас не учитывает предшествующего опыта, и потому, что памяти неведома целесообразность инстинкта.

Разве что памяти доступна какая-то Высшая целесообразность, допустим творческая; благодаря чему удерживаются в странных кладовых, именуемых памятью, образы, казалось бы, несущественные, ненужные...

Удерживаются, чтобы однажды вырваться на свободу, обрести новый смысл, стать краеугольным камнем, отброшенным некогда строителями. Камнем, на котором будет возведено новое здание»...
С. 136—137)

Вот и буква «Ё» — ментальная буква русского алфавита — фундамента нашей цивилизации — становится вновь камнем краеугольным, на котором возводится истинное здание (древнее, как наша вера) русского характера и творческого слова «О бытии».

(А в русском переводе Библии есть ли вообще буква «Ё»?)

21.08., 7:30 утра

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОПРИЩЕ! ВОТ ЭТО СЛОВО!

Литература — это поприще
Таких терзаний и обид,
Что впору ей назваться подвигом,
Где основанием — алфавит...

21.08., 7:50 утра

НАША ПАРАША

Снова в старый туалет
Я хожу десятки лет,
В нужник — древний, как страна,
Средоточие дерьма...
Доски сгнили вполовину,
Я сижу, согнувши спину,
Сам — на корточках, кряхтя,
Опростаться — не пустяк...

Шевельнулся — всё трещит,
Щёлка каждая сквозит,
Шаг неверный — провалюсь,,,
И в дерьме я окажусь..
Впрочем, разве привыкать
Мне в дерьме сидеть опять,
Пусть по горло — что с того,
Не боюсь я ничего —
Ни пахучего дерьма,
Всё равно: сума — тюрьма,
Как параша — клевета
И людская слепота..
Кто прожил достойно век,
Кто бывалый человек —
Все несчастья — ерунда,
Если нет в душе стыда..
Потому, сижу, кряхтя,
Чист, как малое дитя..

22.08.

Утро в солнечном свете с. Варламово

АД НАЯВУ

*Ах, это своеволие Катина!
Когда ни вспомнишь, перепалка
Из-за какой-нибудь пошлятины,
Уйти — детей несчастных жалко...*

Б. Пастернак, поэма «Зарево»

Опять — с подгаром сковородки,
И свежих овощей резьба,
С Кавказа северного сводки,
И войск победных похвальба...
Начало века двадцать первого,
Семьи угар и взвизги цен,
Играющих бесстыдно нервами,
Инсульт дающие взамен..
Семейный ад, незримый Дантами,
В ожогах — пальцы и язык,
И мне не станут секундантами
Мольбы мои и даже крик..
В запасе лишь одно терпение:
Менять горшки, подход и тон,
И мудрой зрелости прозрение —
Увидеть высший смысл во всём..
Не каждый это может выдержать:
Подростка глупую горячку,
Чтобы моя степенность имиджа
Не подкупилась на подначку..
А юной леди импульс бешеный —
От слёз до любопытства пылкого —

Должно быть так уравновешено,
Чтоб встретить шалости с ухмылкой...
Терплю... Выдумываю разности...
Всем уступаю мягко, вдумчиво,
Подростку не давая праздности,
Дитя ношу, как некий сумчатый...
Читаю сказки, мою в ванночке,
Кладу с подростком смесь бетонную,
При этом, в благодарность мамочке,
В распыле чту жену законную...
И что мне ада иль чистилища
В грядущем псевдо-испытание —
Когда храню я, как святилище,
Семьи устойчивое здание...
22.08., 14:30

* * *

О, Август — Ваше благородие!
Сверканье солнца до испарины,
Полей раздольных плодородие
И фруктов спелые громадины...
Томаты алы в яркой зелени,
Пурпуровы в открытых ящиках,
И виноград, пронзив расселины,
Прозрачен кистью настоящей...
Малина собрана к заутрене,
Чтоб наслаждался ей ребенок,
Но гром гремит уже полуденный,
И ливень резок, как спросонок...

Проходит туча... Вновь безветрие,
 И солнце снова за работой,
 И петухи кричат бессмертные
 Всё учащённей и с охотой...
 23.08.,16:30; грозы, солнце, петухи

* * *

Август. Август. Император...
 Бесконечные утраты
 За тобой всегда видны,
 За тобой — две мировые,
 За тобой — переворот,
 Нынче — игры роковые
 Снова родина ведёт...
 26.08., 6:30 утра, в городе.

САРВОДАЙЯ*, ПЛОДЫ ТРУДОВ

(цикл)

* * *

Плоды трудов... Плоды земных поклонов...
 Последняя седмица летних дней...
 Круговорот растительных законов,
 Плоды которых зримей и видней...
 И девочка все с каждым днем живей,
 Поэзией священной Апполона

* Сарводайя — возврат к простому труду по учению Махатмы Ганди.

Вспоённая под музой Геликона,
Под ожерельем солнечных лучей...
Упруги в листьях гроздья винограда,
Смеётся девочка, срывая с ветки плод,
И большего мне на земле не надо,
Когда она кривит забавно рот...
Не поступайся точностью детали:
Душа в трудах приемлет прочность стали...

* * *

Душа в трудах приемлет прочность стали,
Хотя хрустит с натугою крестец...
И это предки наши понимали —
Недаром звался «тятю» отец...
Глаза слепил полуночью светец,
Но матери нам одежонку пряли,
И измождённых сердцем принимали
Святых трудов мучительный венец...
Чреда трудов — за нашей спиною...
Натужных жил синюшная узда...
И убежденье — «я настолько стою,
Насколько stráтил крови и труда»...
И пусть внушали предку: труд — проклятье,
Он продолжал привычное занятие...

* * *

Он продолжал привычное занятие,
У бога индульгенций не прося,
В общине веря, что все люди — братья,

А дождь — грибница, в осень морося...
Он в Рождестве всегда колол гуся,
На исповедь немного время тратя,
И, Богоматери желая исполати —
По детям мерял, как год удался...
Но жизнь ломалась, исподволь, не сразу,
Веленьем щучьим грезил Интеллект,
Отыскивая формулу иль фразу,
Которой подчинить любой объект —
От греков начиная и от Рима
Процесс желаний шёл неутомимо...

* * *

Процесс желаний шёл неутомимо,
Чтоб Разум двигал горы и леса,
Что Богом иль Природой сотворимы,
За исключением, правда, колеса...
И первый шаг на славу удался:
Прощён за плату грех любой творимый,
И Папа, хоть и выборный, но чтимый,
Ужалить может хуже, чем оса...
А дальше — больше: Папу проклиная,
Его сменил дотошный ростовщик,
Не верящий в соблазны чудо — рая,
Открывший в банке сказочный родник...
И труд физический и труд духовный
Слились в единстве в капитал греховный...

* * *

Вот так родился Капитал греховный,
Святую Троицу преобразив..
Он стал, поистине, сам бог верховный —
Владыка подлинный полей и нив..
Но, чем корыстнее его мотив
И чем свершения всё чудотворней —
Тем всё бессмысленней аккредитив,
Всеиссушающий Природы корни..
Он полон жадности и потребительств,
И презирает он тяжёлый труд,
Ему присвоил он клеймо «членовредительств»,
Мол, от которого так рано люди мрут..
И, чтоб не видеть убыли реальности,
Он воскрешает вновь Дух виртуальности...

* * *

Он воскрешает вновь Дух виртуальности,
В деньгах увидя чудо-красоту,
Под псевдо-истиной сокрыв банальности,
Добавив сальности в твою мечту..
Но труд физический имеет доброту
Самой Земле причастный по сакральности,
И трудности привносят чистоту
Прикосновенья к простоте реальности.
Болят все мышцы от тебя, Земля,
Ты возвращаешь все усилия сторицей,
Давая ощущение короля —
Кормильца по прадедовской пословице.

Я понимать с годами глубже стал:
Лишь голова и руки — капитал.

* * *

Да, голова и руки — капитал,
Когда в единстве мы с родной землёю,
Которая тебе — и пьедестал,
И вечный дом с зелёною травой...
Пусть человечество живет мечтою,
Где хитрость словно вкраплена в кристалл —
Естественный отбор — вот тот сигнал,
Где фальшь карается исчезновеньем строю.
Империи погибли навсегда,
Задушенные собственной наживой,
А простота усердного труда
При бескорыстии разума не лжива...
А виртуальность денег — чем сложней,
Тем больше шансов нам погибнуть с ней...

* * *

Как жаль мне вас, о, дети виртуальности,
Простого не узнавшие труда,
Заката очарованные дальности
Вас не пленяют больше никогда...
Живая недоступна вам вода
При вашей изменившейся ментальности,
Компьютерно-экранная среда
Почти не пахнет запахом реальности...

Но индульгенции Природа вам не даст,
Сжимая разум в кулачок убогий,
Везде мечте соорудив контраст,
Какой способен выдержать не многих...
Я собираю собственных трудов плоды,
Предчувствуя нашествие беды...

28.08., 18:00; убирая урожай летних трудов

ПОСТ-СКРИПТУМ

Страна моя, коловращения века
Тебя опять приблизили к черте:
Самостоянье — корень человека —
Возникнуть может только в простоте,
Земное бытие — лишь в доброте,
А с ней для капитала — ты калека,
И у тебя в кармане — лишь прореха,
Тебя затопчут люди в тесноте...
Вот такова дилемма... Не берусь
Для молодёжи изрекать рецепты,
Но жизнь — не потребительства концепты,
А подвиг, коим славна наша Русь...
Для подвига нужна самоотдача...
А этот труд тяжёл. Нельзя иначе...

*28.08., 21:00; после переработки
2-х ящиков груш на варенье и повидло*

Конец цикла

ЯЗЫК ЗАКАТОВ

В начале солнце осветит вершины
Высоких гор, что были в темноте,
А после — город в устье котловины,
Где люди изнывают в тесноте...
Они не ведают те таинства рассветов,
Им не доступен заревой закат,
А видят небо серое при этом —
То прахом предков фабрики дымят...
И потому они не понимают
Духовные знаменья высоты,
Что им поэты горько предвещают
В самоотдаче вечной доброты...
Потом дымят и города и сёла,
Взаимной злобой жёстко сожжены,
И заселяют местность новосёлы
В итоге необъявленной войны.
Тогда враги поэтов распинают,
Ведь вещей знаков явственный язык
Они, действительно, дотошно знают,
Но власть не слышит рифм высокий крик...
30.08.

ХЛЕБ

*И первым таким откровеньем
Остался в сцепленьи судеб
Прапращуrom в дар поколениям
Взращённый столетьями хлеб.*

Б. Пастернак

Опять тяжелый, медно-ржавый,
Любимый отцвет у полей —
Могущество моей державы
И восхищенье у друзей.
Опять тяжелые машины,
Калеча полотно дорог,
И, оставляя гарь бензина,
Везут трудов литой итог..
Звонит кузнечиками воздух,
Ленивы только облака,
А люди не имеют роздых,
Уродуясь, как все века..
Россия — нива хлебороба —
В непредсказуемой судьбе
Ты ценишь хлеб всегда особо,
И в этом ты верна себе.
В минуты грозных испытаний,
В кольце врагов — друзей вчера —
Зерно — залог твоих преданий,
И сущность твоего добра..
В нём — нить веков. Устой и совесть.
В нём — боль пайков и детский плач..

Недаром, смотрит, беспокоясь,
Мир на размах твоих удач...
30.08., 18:00; *дорога на Ярославку,*
возле с. Варламово

КВАСНОЙ ПАТРИОТИЗМ

(ноэль)

Я — патриот квасной, и тем горжусь,
Что квасом неотравленным напьюсь,
Ржаного хлеба чую аромат,
Где сусло бродит, как сто лет назад...
Я — патриот. Желудок не при чём,
Что я от кока-колы отлучён,
И чипсы презираю, как глупец,
Поскольку не судья и не истец...
Но знаю точно: вкус родной земли
Не принесут мне в трюмах корабли,
Не изготовит мне заморский маг,
Пусть даже друг и мне совсем не враг...
Но я бессилён внуку доказать,
Чтоб пожалел отца и свою мать,
Себя сберёт от порчи изнутри...
Не патриот он — что ни говори...
31.08. *Утро*

ИНЦИДЕНТ

Старый дурак полюбил молодую —
Старое сердце его озорует...
Щечку он просит поцеловать —
Ну, а она не желает давать...
Только она, как и он, озорует,
Щёчки ладошкой зажмет, губки дуёт,
Глазки закроет, головку склоня —
Нравится ей лишь одна беготня...
Старый дурак изобижен, насупясь
Не понимает он дамскую глупость,
Просит он ушка коснуться губой
Дамы изящной и молодой...
Ушки она зажимает руками,
Носится вокруг озорными прыжками,
И повторяет припев «ча-ча-ча»,
Чуть обнажив полукружье плеча...
Вот и поссорились юная с старым,
Не получается дружеской пары,
Но ненадолго подобный момент —
Деда со внучкой смешной инцидент.
03.09.

АДАМОВЫ ЯБЛОКИ

(цикл)

* * *

Адам выращивал сады
Всей Библии согласно,
И не увидел в том беды
Вкусить чтоб яблок красных...
И мне мила такая роль
Возни с зеленым миром,
Где я — слуга, и я — король,
Не став чужим копиром...
Но ясно, что такой подход
Чреват ударом Бога...
И не с заоблачных высот
Меня он свергнет строго:
С родной излюбленной земли
Меня в неё и спрячет,
Чтобы сады мои цвели,
И в том — моя удача...
03.09. 10:30; копая картошку в Варламово

* * *

Не каждый год, не каждый год
Бываем с урожаем,
Что из трудов проистечёт —
Мы очень мало знаем...
Но ты трудись в изломе сил,
Себя щадить не смея,

Как Бог природу сотворил,
А в ней — и язву — змея...
Похоже, он и сам не знал
Переплетенья следствий.
Того, что Разум получал
В деянье и в наследство...
Познание вплавлено в труды
На радость и на горе,
Как и предчувствие беды
Сулит нам выход в море...
03.09.,12:00

БЕЛАЯ ЛОШАДЬ

Белая лошадь стоит в переулке,
Жухлую щиплет траву,
Белая лошадь не на прогулке —
Пасётся она наяву...
Белая лошадь снов моих детских,
В темных подпалинах пах,
Без поводов, без ременной уздечки —
Здесь, наяву, не во снах...
Спутаны путой передние ноги,
В охлестах спёкшихся круп,
Щиплет траву и не просит подмоги,
Чёрные раны у губ...
Это не копия чуда — Пегаса
Детских причудливых снов —

Это реальная страшная сказка
Вечных российских основ...
04.09., 10:30; с. *Варламово*

ЛАБАЗ

Магазинчик древне-каменный —
Принадлежность кулака,
Что сторел в репрессий пламени
На краю материка...
Магазинчик ново-русского,
Обновленный кое-как,
Но с решеткою искусною —
Мастерства поковки знак...
Покупаю в нем изделия,
Коиx нету в городах:
Спичек древних рукоделие,
Бритвы в стареньких станках,
Хлеб, горячий по-старинному,
Азиатская халва...
Странно ведь, что Русь былинная
Здесь по-прежнему жива...
04.09.
Конец цикла «Адамовы яблоки»

ОСЕННИЕ ЭЛЕГИИ

(цикл)

ПАРАДНАЯ КОМНАТА ДОМА

Вот комната, в которой так и не было
Ни радости от дружеских бесед,
Ни лада упоения победами,
Ни от того, что просто в окнах свет...
А как манило это ожидание
При виде леса за крутым окном,
При лицезрении знаков мироздания
И ощущенья зрелости при том...
Икона и камин — святые символы —
Твоей души усилья все пусты...
И музыка не может звука вымолвить,
Хоть помыслы всегда были чисты...
Но черствая душа любимой спутницы
Все умертвляет, делая пустым,
Как дождь осенний в слякоти распутицы,
И как поленьев мокрых горький дым...

04.09., 22:30; Варламово

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Памяти Лизы Шишовой

Я смерть почувствовал с утра
Далёкую оттуда,
Где дули с вечера ветра
И звякала посуда.

Оттуда, где жила сестра
Моя Елизавета,
И боль моя была остра —
То от неё приветы...
Увы — так ночью дождь принёс
Тишайшее известье
Её невыплаканных слёз
С московского предместья...
То светлой юности пора,
Ушедшая, как лето,
Стояла утром у двора,
Неся свои приметы...
И понял я — её цветы
Стояли у окошка,
Как образ дивной красоты
Как горе у подвздошья...
05.09., 9:30 утра

ОДНА СЕМЬЯ

*Нет никаких причин верить,
что существует один закон для
семьи, а другой — для нации...*

М. Ганди

Когда мы думаем о близких —
То все усилия души
Не могут кратки быть, как искры,
Считая жадно барыши...
Мы бережем их от парши,
В семье мы — не авантюристы,

И не просчитываем риски,
Как биржа — уровень моржи...
Но разве не одна семья
Народы мира перед Богом,
У нас — единая дорога
В самоотдаче бытия.
Так в чём разрыв семьи и мира,
Когда Земля — одна квартира...
05.09., 10:00; *Варламово*

МАСЛЯТА

Как только первые морозы
На землю ночью снизойдут,
Как только листья у березы
В траву коричнево падут —
Так появляются маслята,
Замаскированные так,
Как хитро прячутся лисята
В родительской норе в овраг...
Маслята тоже любят стайкой,
Прижавшись враз спина к спине,
Расти таинственно утайкой,
Собой довольные вполне.
С коричневой и скользкой кожей,
Они прелестны в тишине,
С младенцами людскими схожи
В лесном самозабвенном сне...
3—7.09.

РАСТЕРЗАНИЕ

Мой сторож — Разум... Но — увы —
Мир атакует изошрённой,
И не хватает головы
Держать контроль на этой сцене..
Теряешь вещи и людей,
К случайности не подготовясь,
Трудней беречь остов идей,
И сберегать от скверны совесть..
И всё настырней тупики,
Как будто хищные акулы
Вонзают в жизнь твою клыки,
Стальные замыкая скулы..
Конец цикла «Осенние элегии»

МОИ ПРАВА

Тебе принадлежит только действие. Плоды его от тебя не зависят...

Кришна — Ганди

Не знаю — есть ли у меня права
Чего-то в жизни требовать от мира, —
Долг перед матерью, пока жива,
Долг перед Родиной, всегда кумиром,
Долг перед тем, что воплощает Лира,
Все заполняет поры естества,
Мне оставляя крошечные дыры

Естественного права существа..
Мне нужен дом, семья и безопасность,
Потребность в пище, знаньи обо всем,
Нужны и воля, собственная страстность,
Чтоб прозревать Грядущее в Былом..
И это право — высшее на свете —
Одновременно — Долг, что я — в ответе..
05.09., Дорога на Ярославку

МОСКВА-2008

(цикл)

* * *

Снова пермской катастрофой*
Озадачена страна,
Словно русская Голгофа
Миру явственно видна..
Неизбывны наши беды
Всё пронизывает страх:
И кавказские победы,
И рубля грядущий крах..
Мы живем, как на вулкане:
Лава копится внутри —
И огнем возмездья грядет
Раньше утренней зари..
И особенно в столице
Это видно по всему:

* В тот же день нашего прилета в Москву с Машей разбился такой же «Боинг» в Перми.

Озабоченные лица
Смотрят явственно... во тьму...
14.09.

*Москва; на квартире у Алёши
с Анютой и Машей.*

ПСИХОПАТКИ

Выйдя с Машей на прогулку
Подле авиа-пути
Я хотел по переулку
К городку для игр пройти.
Пусть лежали на тропинке
Парадохлых сизых крыс,
Чтоб не пачкались ботинки,
Нёс я Машу, словно приз...

Нам почти не помешали
Сотня «Волг» и «Жигулей»,
Что внутри дворов стояли
Меж раскидистых аллей.
Обходили мы и лужи,
Что усыпал листопад,
Чтоб забраться нам поглубже
К городку, где детский сад.
Там видны были качели
И резные теремки,
Но дойти мы не успели,
Как навстречу — пареньки...

Подростковые ребята
И осанкой — молодцы,
Все одеты аккуратно —
Эталонов образцы:
В пиджачках, в утюжке — брюки,
Даже галстучки — шедевр,
А на лбах — следы науки,
Как пригодность для карьер...
Но, как только мы открыли
У калиточки затвор,
Нам ребята завопили:
«Не ходите в этот двор!
Здесь — девчонки-психопатки
Против нас ведут войну,
Верещат, как куропатки,
Чтоб на нас свалить вину»...

Сразу всё загрохотало:
Полетела в комьях грязь,
Скрежет ржавого металла
Оглушил, волной струясь.

Павших яблоч дикоплодных
Замелькала вдруг картечь
И размах причёсок модных,
Когда волосы — до плеч...

Шла дивизия вакханок
В битву, бешено круша...
Им не только ветерана —
Не заметят малыша...

Гром стальных дверей раздался,
Глухо щёлкнули замки,
От разгрома заметался
Полк, где были пареньки.
Одалиски — амазонки
Шли от ярости на штурм
С громким выкриком «Подонки!
Вы дождётесь и тюрьм»...

Мы стояли, рты разинув —
Из глубинки пришлецы,
Потрясённые картиной,
Как могучи образцы...
14.09., г. Москва; возле метро «Перово»

ЧИТАЯ ФРОММА «БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ»

В этом мире бесконечном
Есть пылание сердец.
Пред тобой — пустая Вечность
И безвременный конец...
Вот веселая девчонка
Двух с кусочком малых лет...

Быть ей предан увлеченно —
Мой божественный секрет...
День и ночь её лишь вижу,
В сказках — ей принадлежу,
Наклоняясь к ней поближе,
Лик принцессы разгляжу...
Вот она глаза закрыла,
На кушетке разлеглась...
Это значит — сказка крылья
На неё простёрла всласть.
Лишь её я поцелую —
Вновь принцесса ожила...
Оба в радости ликуем...
Вот такие вот дела...

16.09.

Один в квартире сына

РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ

(по Эриху Фромму)

Псевдо «Я»:

Ты прожил жизнь до отвращения пресно,
Но прожил ли ты истинно её...
Ты не хотел, насколько мне известно,
Всегда признать двуличие своё...
Ты уступал всегда судьбы напору
От трусости иль скудости ума,
Готовый быть покладистым актёром,

Лишь бы избежать тяжести ярма...
Играя роли сына или мужа,
Отца и даже деда — ты сумел
Остаться незатронутым снаружи
Всей чертовщиной многотрудных дел...
Ты не спасал, рискуя; не судился;
Не пил от горя; не платил долгов;
И в патриота хитро не рядился;
Прощая даже подлости врагов...
Такая жизнь комфортна и постыдна,
В ней — только роли... Черета картин...
А собственной в ней Личности не видно,
По-моему, ты в ней — как псевдоним...

Я:

Дружище, ты почти все понял верно:
Я счастливо конфликтов избежал,
Поскольку я не дубом был под ветром,
А ковылю скорее подражал...
В глубоком детстве полу-сиротою
Пугливый унаследовавши ум,
Я рассуждал часами сам с собою,
Гордыню укрощая смелых дум...
Я понимал двуличие эпохи,
Но рисковать собою не хотел,
И радовался, обретая крохи,
Участвуя в свершеньи малых дел...
Пойми одно — кругом — средневековье,
Костры и инквизиция вокруг,
И, стоило дать пищу для злословья —

Как донести сумеет даже друг...
Да, был я — псевдо... Псевдо — муж
сначала...
Псевдо — отец и псевдо — гражданин...
И молодость мне сердце облегчала,
Когда я был, возможно, псевдо — сын...
Я вечно подражал, не возражая,
Героям книг с расчетливой судьбой,
На три ступени их опережая
В умении не жертвовать собой...
Ты понимаешь — это ведь не трудно,
Когда нигде ни в чём не видишь зла,
Меня хранила искренность подспудно
И знанье кой-какого ремесла...
С годами роли сделались родными,
Наполнились страданьем и трудом,
Сын унаследовал от предков имя,
Потом и дочь покинула мой дом...
Да, я — покладист. Не вступаю в споры,
Поскольку верю — истина — в труде,
И род свой не запачкаю позором
Предательства Отечества в беде...
Но быть героем слав иль пересудов —
Не для меня... И скромность — мой удел.
Пока ещё работает рассудок —
Я б обнажать всю душу не хотел...

Псевдо «Я»:

Ты не ответил — подлинна иль ложна
На самом деле прожитая жизнь...

Ты в глубине души скорбишь, возможно,
Иль впрямь не ощущаешь укоризн?
Мечтал ты в детстве глупо о погонах,
Потом — о сцене в должности чтеца,
А, побывав подростком у тевтонов,
Задумал повторить пути отца...
Но предал ты поэзию и слово,
Потом — предал и первую любовь,
Едва лишь зашаталась основа
Успешности твоих красивых слов...
Ты променял друзей на путь карьеры,
Мать обменял на торопливый брак,
Ты записался спешно в инженеры,
Чтоб не попасть в строительный барак...
Ты предавал учителей наивных,
Твою ценивших увлеченность дум,
А, как работа сделалась противна —
В науку ты сбегаешь наобум...
В науке, подтасовывая факты,
Ты обретаешь степень и права,
И, запасаясь на будущность контрактом,
Ты еле в ней шевелишься едва...
В семье извилист и уклончив в деле,
Ты, как и все, становишься блудлив,
Нечист в душе и пакостлив в постели,
Но тщательно выстраиваешь миф...
Семья и дети — не твоя заслуга,
Поскольку графоманство — твой удел.

А для печати — ты отыщешь друга,
Чтоб отказать в поддержке не посмел...
Потом предашь ты также государство,
Что обласкало милостью тебя,
Приемля новое у власти барство,
Его подачи снова возлюбя...
И где же подлинный, прости, твой облик —
В твоей изменчивости сам ты где...
Иль впрямь считаешь, что свершил ты подвиг,
Как заяц, петлями следя везде...

Я:

О, браво! Браво! Желчный Мефистофель
Перед тобою — ангел, милый друг...
Хотя в тебе я вижу свой же профиль —
Ты пробудил гораздо боле мук...
Да, это тоже Я, признаюсь честно...
Двухоборотна всякая медаль,
Как, впрочем, и монета, как известно,
Которую и выбросить не жаль...
Я помню, как к женитьбе, быв наивным,
Я школьную медаль отнес в расплав,
Кольцом жену мечтая осчастливить,
Но было в ней не золото, а сплав...
Ты утверждаешь, что моя фальшива
Такая осторожная судьба,
Поскольку все события так живы
В воображеньи возбужденном лба...
Но, беспощадно срывы осуждая,
В защиту молвить слово мне позволь,

Поскольку я стою судьбы у края —
Мне незачем играть чужую роль.
Я вдвое старше сгинувших на фронте,
И, может, втрое — павших в лагерях...
Что Родина нуждается в ремонте —
Я изучил на совесть, не за страх...
Я должен был прожить десятки жизней,
Не позволяя истребить себя,
Чтоб стать предельно преданным отчизне
И вырастить настойчивых ребят...
Обыденность с полетом сочетая
И волею натуру закалив,
Я радуюсь, что Родина — другая,
Другие дети средь печальных нив.
Всем бедам вопреки, мы совершили
От зверства истреблений поворот,
Пока еще совсем не запаршивел
В покорности и зависти народ...
Я — инженер, конструктор по природе,
Свою я сконструировал судьбу...
Чтоб золото найти в земной породе —
Нельзя без мысли делать молотьбу.
Людская злоба, ненависть и зависть
Крушили нашу родину века...
Нельзя, чтоб к власти приходил мерзавец —
Изведал я теперь наверняка.
Пусть я — ничтожен, слаб и неустойчив —
Но я скопил терпение в себе,

А в нем — свободы внутренней источник,
Он пригодится внукам в их судьбе...
Свобода — есть ответственность и воля,
Она — сильнее денег и властей...
Такая людям достается доля —
Каких сумели воспитать детей...
Вот мой итог. Моя наука жизни...
Тебе на мои книги наплевать,
А внуки прочитают эти мысли,
Коль не исчезнет книжная печать —
И, может быть, не очень в том уверен —
Свою найдут дорогу в страшный век,
Который будет так же лицемерен,
Но стать рабом не сможет человек...
А что касается моих ошибок —
Я их, конечно, много совершил...
От этого мой слог стал твёрд и гибок
От тренировки всех сердечных жил.
Недаром говорили англичане:
«Меняясь, мы от дьявола сбежим»...
Пусть славится страна не палачами,
А сколь народ свободой одержим...

16.09., 16:00—23:00; Москва, на квартире сына,
ожидая его приезда из Голландии.

БАЛЛАДЫ О СТРАХЕ

(цикл)

* * *

О! Кто не испытал от детства страхи,
В Империи растя по мере сил,
Кто, крадучись, подобно росوماхе,
От пули уклоняясь, не уходил...
В концлагеря отец мой угодил,
Затем на фронте сгинул он во прахе,
Он командирской не носил папахи,
И этим путь мой в жизни осветил...
Я знал, что я — на мушке и отвержен,
Что педеля следят мой каждый шаг,
Что только в осторожности — надежда,
И что язык — мой друг и всё же — враг...
Но, чтоб себя не выдать в этом чувстве,
Я изошренность обретал в искусстве...

* * *

Я изошренность обретал в искусстве.
Словесной вязи, древней, как народ,
Что не исчезнет в мире, как этруски,
А сберегает мысль из рода в род...
Я шел во всём всегда наоборот
И, не страшась чудовищной нагрузки,
Отыскивал тот промежуток узкий,
Где скрыт чрез пропасть злобы переход...

Шёл рядом страх — вонючий, пакостливый,
Гнилым нутром дышал он на меня,
Назло ему я распевал счастливо
Простые песни светлого огня.
И страх бледнел от ненависти вчуже,
Не впущен вглубь, он корчился снаружи.

* * *

Не впущен вглубь, он корчился снаружи,
Досадуя, что я всегда упрям,
Гнилые перешагивая лужи,
Не возразя ни в чем учителям...
Так я добрался в семиглавый храм,
Сбиваясь и шагая неуклюже...
Был голосом моим покой разбужен —
То я читал стихарь богатырям...
Страх растворился, сгинул и растаял,
Суровых клейм настенных не снеся,
И бородатых профилей с крестами,
И губ, что пели, Слово вознося...
Старинный храм наследия отчизны
Горел огнём старославянской тризны...

* * *

Горел огнём старославянской тризны
Мой тайный храм, что я построил сам,
Поскольку сущность Родины я вызнал
Благодаря загадочным словам...

Была с гордыней радость пополам:
Я в нем не буду вековечно изгнан,
Поскольку ими именно я вызван,
Богатырями, победивши срам...
О! Слова животворная текучесть!
О! Буквы пламенеющий огонь...
Так решена моя простая участь —
Душа оделась в кованую бронь...
Пою стихарь... А все былые страхи
За огненной чертой дымятся в прахе...
18—20.09., г. Москва

Конец цикла

К ГОДОВЩИНЕ СВАДЬБЫ АЛЁШИ И КАТИ

Чем умнее человек —
Тем трудней подарок...
В путь отправился ковчег
Год назад недаром...
Вы объехали весь мир
Раз, наверно, десять,
И закатывали пир
Раз, быть может, двести...
День рождения семьи
Для друзей — легенда,
Малазийские слоны —
В ряд интеллигентно...
Ну, а мы, надеясь впредь

Поиметь сюрпризы —
Просим Вас преодолеть
Всякие капризы.
Пусть владычица — любовь
Греет вас пожаром
Не жалеете трудов —
Будет вам подарок.
19.09.

КАТЕ

Мы говорим не только
От имени себя —
Все ценят твою стойкость,
Тактичность полюбя..
Считают на работе:
Алеша стал другим
С тех пор, как вы живёте,
Любви слагая гимн..
Насколько это важно —
Ты знаешь и сама,
В поход идя отважно
И мучась задарма..
За то тебе спасибо,
Что он и поумнел..
Так будь всегда красива
В чреде грядущих дел..
19.09.

АЛЕШЕ

Цени сокровище, пока
На бирже цены не упали...
Наследием лишь жизнь крепка,
Красавицы ценны в серале...
Ведёшь ты битвы в ареале
Почти глобальном, но слегка
Гляди вперед, лови детали,
Что не видны для простака...
Стремительно летит судьба
И хорошо, что это знаешь...
Жена — надёжнейший товарищ —
Когда успешна молотьба...
Трудись на ниве. Ведь зерно
Недаром пахарю дано...
19.09.

НАДПИСИ НА АСФАЛЬТЕ

С Машей на прогулке
Посреди Москвы,
Я не клал охулки
На руку, увы...
Я её охотил
Пробовать не раз
Пеший шаг пехоты
И прищур у глаз...

Маша обучалась
Ловко изнутри,
Изредка кричала:
«Дедушка — замри»...
Застывал я сразу...
Вдруг увидел я
Писанную фразу,
Где была скамья...
«Юля плюс» и сердце...
Значит, любит он,
И находит средство
Некий почтальон...
Вот другое сердце,
Надпись не видна...
«Д» — твердит усердно
Для меня она...
«Д» — и рядом — сердце...
Тут о ком же речь?
«Дедушка, наверно»...
«Дедушку беречь?»
Засмеялась птаха
И дала понять,
Чтоб спасти от страха
Дедушку опять...

21.09. Москва

Во дворе дома сына
на 1-й Владимирской улице.

* * *

Видеть в своих детях доброту —
Истинно немислимое счастье...
Ту необъяснимую черту,
Над которой не имеешь власти...
Сам, пройдя сквозь всякие напасти,
Обретя с годами простоту,
Понимаешь тайно красоту
Отдаванья суеверной страсти...
Но они? Они-то почему
Добротой себя-то истязают...
Ведь учил я их всегда уму,
И они секретов тех не знают...
Но упорно сын и даже дочь
Себялюбье отгоняют прочь...
22.09., Москва

* * *

Купаюсь в волнах интеллекта
Двухлетней девочки — увы,
И интерес её к субъектам
Восторг рождает головы...
«Скажи мне, Маша, эти звери,
Коль обретут и вправду речь —
Сказать тебе чего б сумели
И от чего предостеречь»...
«Ну, да, ты скажешь — это звери...
Нет, правда, деда, я боюсь»...

«А, если в сказку мы поверим,
Подумай тщательно, Марусь»...
Молчит сначала. Улыбнулась.
И говорит мне: «Пить и есть»...
Так сказка правдой обернулась
И, право, в этом что-то есть...

23.09., Москва

ПЕРВАЯ ЭПИТАФИЯ ЛЮБИМОЙ КОШКЕ

Мой зверь любимый — кошечка моя!
С тобой я вырастил трёх чудных внуков,
И сколько раз, дыханье затая,
Мурлыканья твои я слушал звуки...
Бездетности переживая муки
И ласки элексир вокруг струя,
Утробно ты кричала вдруг в испуге
При появлении рядом котовья...
Себя ты полностью нам отдала послушно,
В себе природу матери глуша,
Ты каждый вечер мне лечила душу,
Поскольку стали мы — одна душа...
С тобой расстались мы — увы, внезапно...
В земле ты спишь, теперь уж невозвратно...

*27.09., 23:00; она умерла под вечер,
почти за два часа.*

ВТОРАЯ ЭПИТАФИЯ

Котёнком в дом принесена,
Ты с нами постарела...
Тогда была у нас весна —
Теперь — иное дело...
Мы немощны, почти, как ты,
Измучены в болезнях...
Твои прелестные черты
Для нас — ещё прелестней...
Покуда будем на земле —
Тебя одну запомним...
Со мной ты нежилась в тепле —
Так пусто среди комнат...
27.09.

СМЕРТЬ МОЕЙ ЛЮБИМИЦЫ

Утром в субботу после месячного исчезновения ко мне возвратилась моя старинная сумка со всеми документами... И паспорт, и права, и техническое свидетельство на автомобиль, и даже сберкнижка — всё было на месте, равно как и в четвёртый раз вернувшаяся ко мне кожаная потертая сумка с медной эмблемкой, блестящей от многих десятилетий, с черной изящной надписью «Italy», то есть — Италия.

Сумка вернулась ко мне действительно в четвёртый раз — после очередной рассеянной потери в

сутолоке заправки на бензоколонке, когда я отвозил в деревню целую ораву — жену и дочь, внука и внучку, и даже собственную старушку-кошку, покорно переносящую переезды вот уже десяток лет — половину прожитой с нами собственной жизни в девичестве, вернее — в старо-девичестве...

Когда сумка вернулась — а нашёл её некий авто-торговец, якобы совсем недавно и в другом конце города, где я никогда не проезжал на машине, но я не стал спорить, и охотно простил исчезновение денег, оставшихся в ней, и дал ему их ещё в награду за возвращение моего сокровища — сумки, документов, книжечек, включая библиотечное свидетельство, которое имело тридцатилетний стаж выписки и было для меня также дорого, как и моя любимая кошечка.

Возвращение сумки было таким чудом и радостью, что я с тревогой подумал — что-то непременно ждет меня ужасное, причем — быстро и почти неизбежно.

Дело в том, что уже давно я с моим наставником — академиком Ч. — сделали самое великое (по нашему мнению) обобщение всех времен и народов, суть которого, по простому, можно было выразить так: сумма зла и сумма добра в мире — величина постоянная. Она неизменна и для каждого человека, и для страны, и для человечества.

И я, идя днем на лекции, с нарастающей тревогой думал — откуда ожидать опасности:

от недельной командировки, в результате которой какой-нибудь злой контроль обнаружил мои пропуски занятий; или от ловкого доноса какого-нибудь заочника, не получившего от меня вовремя зачета согласно высочайше утвержденного графика. Или — от неожиданного налогового преступления, обнаруженного в моем отсутствии на работе какой-нибудь прокурорской проверкой, введенной по новому закону об общественных организациях...

Словом, сюрпризов — злых и беспощадных, мстящих и циничных — я изведал за свои годы немало, и я привык к ним, считая их естественным следствием моих бескорыстных и нерасчетливых поступков, вызванных дамским, вернее — материнским — воспитанием и сентиментальностью провинциала.

Но судьба преподнесла мне жестокий и почти сатанинский по люлости «подарок» в кавычках.

После лекции я вернулся домой, окрыленный: студенты демонстрировали такую доброжелательность и интерес к моим глобальным эмоциям, так оснащены были ноутбуками и электронными игрушками телефонов, что мгновенно давали мне сведения о мировом экспорте и продукции, валовом доходе и демографии стран, что я бурно возликовал: именно о таком интересе я и мечтал почти двадцать лет, составляя свои лекции об экологии и природе, мудрости живого природного

вещества и о вечном противостоянии живого и косного, жизни и смерти...

И вот предстояла расплата: увидеть смерть дорогого мне живого существа... О, ужас! Моя кошка, едва я отворил дверь, позвала меня слабым, полным ужаса, голосом...

Моя кошка умирала — мгновенно понял я, кинувшись в свою комнату... Боже, она лежала... в крови... под моим письменным столом... беспомощно скорчившись и содрогаясь всем пушистым, теплым, отощавшим тельцем... Глаза у ней были закрыты и она только тяжело дышала, издавая предсмертный тоскливый звук...

Что случилось? Ведь ещё с утра она провожала меня спокойно и ласково... Вчера я накормил её специальным импортным кормом — мясом в соусе, и она — щепетильная и осторожная — съела его жадно и с аппетитом, хотя была привередлива, обычно отказываясь от старой с запахом колбасы или даже от вчерашней курицы...

Кошка не могла даже двигаться, и я осторожно поднял её, положив на подстилку, которую разложил на гладильной доске... Положив голову между лап, она уже не видела меня, только слабо поводя хвостом, когда я погладил, осторожно проводя по костистому хребту от хвоста к головке, где была особо мягкая, шелковистая шёрстка...

Сколько лет мы проводили вечерние часы в таком обворожительном единении: она любила,

когда я пальцем гладил её ушки и шейку, проводил бережно по белому воротничку на её горлышке и вслушивался в её очаровательное мурлыканье, словно в музыку самой природы, которая всегда несёт радость и облегчение от усталости и тревог...

Кошка всегда умела понять моё настроение и заботливо согревала мне грудину, когда я был простужен или испытывал озноб и усталость от всяческих невзгод. Она тёрлась мордочкой о мои руки, зная, что я никогда не оскорблю её резким движением или раздражённым отталкиванием.

Она прожила в семье почти двадцать лет, и я спасал её много-много раз: от желтухи или расстройства желудка, от назойливых котов в деревне или от холода при переездах... Она не имела котят и долго маялась тоской по ним, катаясь по полу с жалобным мяуканьем, а теперь стала стара и жалась ко мне доверчиво и преданно...

И вот сейчас она лежала передо мной на высокой гладильной доске, чуть дыша и вдруг, резко дернувшись, повернула головку так, что глаза обернулись к потолку... В них застыла... смерть...

Боже мой! Такой мести, такой неожиданной кончины я даже предположить не мог... Словно она ждала, когда я приеду из командировки (я был в столице, где заканчивался курс лечения нашей маленькой внучки), и кошка ждала, чтобы я обрёл и выздоровление девочки, и находку автомобильной сумки с документами, и даже приязнь

студентов, возликовав от обилия добра вокруг — и кошка терпеливо ждала всего этого, чтобы я смог вынести... её кроткий уход, её судороги на моих глазах, её остекленевшие глаза, которые смотрели на меня печально и с... сожалением.

У людей умерших можно опустить веки пальцем, если присутствуешь при их кончине...

У животных этого сделать невозможно... Ни у собак, ни у кошек нет век, и они навсегда остаются с открытыми, затуманенными глазами...

Ночью вместе с женой мы вышли из дому, чтобы похоронить нашу любимицу, ушедшую от нас так скоростижно и трагично... В темноте я мог не удерживать слёз, что катились по моим щекам... Три года назад от меня ушла любимая собака. Уход её был долгим и изнурительным.

Кошка ушла мгновенно, напоминая мне смерть одной близкой женщины, которая также ушла мужественно и коротко, оставив своим детям и внукам достойное наследство и светлую, ничем не омраченную память.

Моя кошка по имени Люся в своей смерти была также человечна и стойка. Рыдания душили меня на обратном пути. Я чувствовал, как жестоко правы мы, суммируя добро и зло на этой земле.

Утешая меня, жена сказала: «Мы всегда были не свободны для поездок — то собаку, то кошку не с кем было оставить»...

«А теперь будем привязаны к внучке — кошка освободила нас от себя ради неё. Разве ты не поняла — она пожертвовала собой, понимая свою старость, разве бы она могла съесть эту иностранную отраву просто так, от голода».

Мы оба замолчали, понимая, что забота о едва выздоровевшей крохотной девочке, действительно, потребуют от нас всех оставшихся у нас обоих душевных и физических сил. И не на год, ни на два — человек живет дольше кошки...

27.09., 21:30—24:00

Р. С. И больше никогда не услышу я требовательного голоса живого существа, встречающего меня у порога, кроме... кроме звонкого голоса Машеньки: «Деда пришёл! Где ты был, дедуля»...

Так я мечтаю со слезами на глазах об исчезающей ткани жизни... 0:30

МОЙ ГОРОД

Мой Город лежит на семи холмах
 Подобно древнему Риму,
 И в нем проявленья живого ума
 Присутствуют тайно, незримо...
 Высокая страстность ему под стать,
 Как птицы полет в предстепни,
 И леса соснового благодать
 В смолистом великолепьи...

Зернистого камня кремнистый скол
Сверкает в каменоломнях,
И лиственниц тёмных могучий ствол
Подобен чугунной домне...
Он встал на границе лесов и степей
На стыке двух континентов,
И пахнет он сернистым дымом печей
С чуть-чуть кизяковым акцентом...
В долбленных колодах прапредки его
Гниют на забытых погостах,
Смешавшись с костями пленённых врагов,
Зарытых поспешно и просто...
Он строил то храмы в резном кирпиче,
То чудо-мосты из железа,
То нищую лямку тащил на плече,
Качаясь от ветра нетрезво...
Бывало — кресты с куполов он сбивал,
На небо озлобясь от муки,
И, собственных граждан сгоняя в подвал,
Стрелял их, как уток, в натуге...
Но стоило тучам вселенской грозы
На Западе иль на Востоке
Нависнуть, оставив раздумью часы
Иль более сжатые сроки —
Как Город, пружиной все мускулы сжав,
Ответным ударом кромешным
Хребты переламывал мощных держав,
При этом рыча по-медвежьки...

Да, страшен он был и не раз, и не два,
Самой угрожая планете...
И сила его и поныне жива,
Но тайная сила — в секрете...
Поскольку ему я под стать, по плечу,
Им вскормлен, обучен и создан —
То тайну его, осознав, умолчу —
Пусть знают её только звёзды...

*04.10. После прогулки с Машей в ясный, солнечный день
роскошного бабьего лета.*

К 70-ЛЕТИЮ ГЕННАДИЯ БОРИСОВИЧА ЗДАНОВИЧА

Мне кажется, что мы знакомы вечно...
Мне кажется, что было то вчера...
И Ваша небывалая сердечность —
Отнюдь не конъюнктурная игра...
Природа только к Гениям щедра,
Чья жизнь — не мимолётно — скоротечна,
А так одушевленьем бесконечна,
Как пламя поминального костра...
Вы сотворили подлинное чудо,
Связав тысячелетия и нас,
И недоступна нам теперь остуда,
Покуда древней ощущаем сказ...
Вы встали в ряд с вершителями века,
И юбилей для Вас — лишь только веха.
06.10.

**ДАРЯ 50-Й КОМПЛЕКТ
СВОЕГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ
В 5 ТОМАХ**

Вот полсотней перейдён
Пересчётом пятикнижья
Мой заветный Рубикон,
Где я сам себе сподвижник...
Сам собою я унижен,
Сам собою посрамлён:
Повсеместно слышу стон:
«Почему не даришь книжек»...
Доктора — профессора,
И священники конфессий
С вечера и до утра
Оказать им просят чести:
«Обязательно дари,
Продавать не смей — пройдоха...
Мы — судьбы богатыри —
Нам понятна вся эпоха...
Ты у нас спроси ответ,
Мы тебя насквозь оценим —
Дать писателю совет —
Что быть может драгоценней»...
Верно, верно — говорю...
Вдруг — и вправду — прочитают...
Так засушенный урюк
Продавцы раздать мечтают...
08.10. После встречи в Копейской городской
библиотеке

ПАМЯТИ ТЕНГИЗА МАХАРАДЗЕ

Умер Тенгиз Махарадзе —
Великой Грузии сын,
Весь воплощённый в Кавказе
С детства и до седин...
Он был на Урале один
Противник дяляческой мрази,
И в каждой взволнованной фразе
Он был как орёл средь вершин...
Он нам подарил преклоненье
Пред классикой слова веков,
Неся героизм озаренья
Пред магией яростных слов...
Он в жизни был доблестным рыцарем,
Как жаль, что остался в столице он...
15.10.

ЭПИТАФИЯ ДРУГУ

Именно Тенгиз поддержал меня в создании Фонда культуры, противостоя партийным чинушам и осторожным лидерам культуры. Горячо и темпераментно благословляя меня на уход из вуза, он всегда неизменно дружески участвовал во всех деяниях Фонда. Мы даже мечтали о постановке в Варламово древнегреческой трагедии на фоне старинной каменной кладки высоких почти крепостных стен. Греция, Грузия, Испания — на Урале... С такой романтикой мы и прожили страшные девяностые, и Анна Бутакова

создала его прекрасный портрет в красном одеянии и благородной сединой мудрого творца Театра. В нем для меня три с лишним десятилетия воплощалось рыцарство и романтика, зоркость художника возвышенной правды и удивительная, почти детская беззащитность перед интриганами...

Сердце его несколько раз надрывалось инфарктами от этого, но на Урале его всегда спасали дружба и волшебная сила влюблённых в него женщин... А там, в столице, он оказался беззащитен?

15.10., 23:30

НОЧЬ В МИАССЕ

Дворняга в лае плакала
В ознобистой ночи,
Затравлена собаками
У старой каланчи...
А, может быть, повизгивав,
Ко мне она звала,
Чтоб расставанье с жизнью
Не захлестнула мгла...
А я лежал беспомощно
С давлением в груди,
И тоже ждал паромщика,
Что кашлял впереди...

16.10. Гостиница-санаторий «Синегорье» — ночь с 16 на 17 октября, приступы стенокардии от усталости почти недельных поездок и жалости к воплям собак.

КАМЕНЬ СУДЬБЫ

(Миасский цикл)

* * *

Город в горах с нашей общей речкой —
Мой драгоценный Миасс,
Где познавал я планету и вечность —
Предков великих рассказ...
Город, где горы острили мой глаз,
Спин возведя безупречность,
Где ощущается бесконечность
Жизни, что радует нас...
Старый вокзал из гранитного камня,
Мягкость лесов и озёр...
Каждая мелочь настолько близка мне,
Что увлажняется взор...
Пусть я родился и вырос в Челябине —
Ты меня создал в трехкратном масштабе.

* * *

Ты меня создал в трехкратном масштабе,
Гениев трёх подарив,
Боль одиночества мощно ослабя,
Гордостью выстроив риф...
Был Оболенский, как древний Сизиф,
Зубы в улыбке осклабя,
Он про судьбу, где ухаб на ухабе,
Ведал мне собственный миф...
Горечи не было. не было стона.
Камень срывался в провал,

Следуя силе земного закона
Он его вновь поднимал..
Сим вдохновенный великим примером,
Стал я Судьбы трудовым инженером..

* * *

Стал я Судьбы трудовым инженером,
Камень руками влеча,
Только Ресовский сменил мне манеру,
Тайну поведав в науке ключа..
В горные пади меня увлеча
Сим следопытским примером,
Он приоткрыл мне волшебную эру:
Дух — это тоже рычаг..
Камень судьбы не ладонью, а волей
Стал я отныне толкать
Не как неопытный кормленный кролик,
А как способный собой управлять.
Медленно сдвинулась круглая глыба.
Кстати, друзья, вы бы это смогли бы..

* * *

Верно, друзья, вы бы это смогли бы:
Камень-Планету толкаем мы вместе..
Мудрый Вернадский — противник надрыва —
Мне лишь добавил уверенной чести.
Встретил его я в Ильменском предместье.
В мраморе. В книге, прочтённой счастливо.

Им говорила кремнистая грива,
Горная падь и лесов чернолесье...
Тайна вращения незыблемой жизни,
Зов размноженья, могучий и страстный,
Стал мне доступен сращением мысли
С волей волнующей, волей всевластной...
Город Миасс говорил горделиво,
Имя во мне возвышая Кирилла...

* * *

Имя во мне возвышая Кирилла
Троицей мудрых учителей,
Город Миасс — ты — волшебная сила
Всех моих горьких и праведных дней...
Камень судьбы я вращаю верней.
Ближе вершина, а с ней — и могила...
Только меня не Судьба сотворила:
Речка Миасс — Лета жизни моей...
Города оба связав не случайно,
Тысячи лет уходя в океан,
Влагой твоею поим был я тайно,
Выше чтоб стать и правлений, и стран...
Вот и стою на вокзале Миасса,
Как Уленшпигель — в долине Мааса*...
17.10., 0:15—12:15 э/поезд Миасс — Челябинск

* Маас — река в Нидерландах, место начала борьбы гёзов за свободу против Испании.

ЛИДЕР НАЦИИ — 2008

Национальный лидер — это значит
Опять Руслан в степи и Голова...
Он на коне опять упрямо скачет,
И наготове — меч и булава...
А бюрократия — всесильна и жива,
И призрак нежити кругом маячит,
И все зависит от его удачи...
Национальный лидер — это не слова...
Одна любовь ведет его на подвиг...
Пред ней ничто ни слава, не корысть,
И Русь его тогда навек запомнит,
Когда по капле он отдаст всю жизнь.
Иначе — сколько их валяется в бурьяне,
А Голова владычит на кургане...

22.10., г. В. Уфалей; гостиница

КАМЕНЬ ПОД КЫШТЫМОМ

Выступ белого мрамора
Над зеленой травой —
Не отметина памяти,
Просто камень живой...
Сосен рядом конвой
Снежной жаждает замяти,
Вид неброский, простой,
Словно росписи в грамоте...
Это пишет земля

На века нам послания,
Вечных слов вензеля
Сердце знает заранее:
Смысл их вечный такой —
С миром нас упокой...
*22.10., дорога на В. Уфалей,
скоростной экспресс (впервые)*

ЗВОН В УШАХ

Теперь со мною рядом звон —
Не колокольный перезвон,
И не бубенчик ямщика
Доносится издалека...
Тот звон не слышит дольный мир,
И не поёт церковный клир,
И не малиновок трезвон
Мне слышится со всех сторон...
Но от рассвета до темна
В ушах мне явственно слышна
Горячей крови перезвень,
Сопровождая каждый день...
Та звень — как зов издалека,
Куда дорога уж близка,
Другого мира ясный зов
Далеких прадедов — отцов...
И тут — лечи иль не лечи —
Мне не помогут тут врачи,
То не в крови холестерин

И не последствие седин...
Я слышу предков голоса
Чей путь земной оборвался,
И должен я о них сказать,
Пути для внуков указать...
Тот нежный звон печален так,
Как свет свечи тревожит мрак,
Как звук ручья в отрогах гор
Ведет немолчный разговор...
Минута каждая ценна,
Покуда эта звень слышна,
И я ответственен пред ним
Покуда бедствием храним...
22.10., 12:10—13:00; гостиница г. В. Уфалей

* * *

Ты еще належишься в больницах,
Ты еще належишься в земле —
А пока — разгляди эти лица,
Насладись ты любовью в семье...
Эта девочка навеселе
По квартире, как пчёлка, кружится,
С озарением на челе
На постельку проворно ложится,
Ожидает, что в губы её
Поцелует изящнейший рыцарь,
И в груди у неё — колотьё,
Опасенье: а вдруг не случиться...

Ты притворству её помоги
В роли рыцаря, а не слуги...
Октябрь

В ЗООПАРКЕ

В день осенний, неяркий
Но погожий вполне
С Машей мы в зоопарке
Были наедине...
Ни один посетитель
Там не встретился нам,
Лишь охранник — хранитель
Рвал билет пополам...
И мы тихо ходили,
Меж собою шепчась,
Меж зверей и рептилий
Не один, право, час...
Спали львы и тигрицы
Снами дальних саванн,
Скрыв от нас свои лица,
Храп пустив по ноздрям.
Рядом быстро сновали
И пантера и рысь
В узкой клетке — пенале,
Словно в поисках крыс...
А гепард желтоглазый,
На бревно взгромоздясь,

Ненавидел нас сразу,
Как заносчивый князь...
«Я боюсь», — мне сказала
Ясноглазка моя,
Двери нового зала
Не спеша отворя...
В этом зале макаки,
Предки мудрых людей,
Стали делать нам знаки,
Хлеб прося без затей...
Мы кидали им пищу,
Что с собой принесли,
Как положено нищим
Нашей славной земли...
«Посмотри — у них пальцы» —
Я Марусе сказал,
«Они просто страдальцы,
Каждый робок и мал»...
«Мамы нету у них же», —
Пояснила она,
Наклоняясь пониже,
Состраданьем полна...
«Видишь — папа и мама
Вон в обнимку сидят», —
И действительно — прямо
Силуэты громад...
Шимпанзе — не гориллы —
Ростом больше, чем мы,

Спины так наклонили,
Что чуть видно из тьмы...
Телом тесно прижавшись
А, щекою — к щеке,
И руками обнявшись,
Что-то шепчут в тоске...
«Папа с мамой — понятно», —
Мне Маруся опять...
Отвечаю невнятно:
«Хочешь хлеба им дать?»
«Нет не надо. Им грустно», —
Отвечает она...
«Успокойся, Маруся —
То не наша вина...
Мы с тобою — свободны,
В нашем доме — тепло,
А они — не голодны,
В чем-то им повезло»...
Неуклюжей попыткой
Состраданье унять
Мы уходим от пытки
В клетке их созерцать...
И, с растерянной грустью
Мы к оленю идем,
Что единственный кустик
Тёр облезлым бочком...
Нас увидев, рогами
Сено он растрепал,

И забрыкав ногами
Потому что марал...
Он понёсся по кругу,
Грязь тряся от копыт,
Звал он тщетно подругу
Ту, которой забыт...
Рядом в дрёме косули —
Мама, папа и сын,
Нам они подмигнули:
«Мол, сосед наш — кретин»...
Но сказала Машутка,
Не по-детски строга:
«Не олени, а шутка,
Где оленьи рога?»
«Без рогов им в загоне
Легче жить, чем другим,
Их никто не догонит
С приставаньем своим...
Слабым клетка — спасенье,
Сильным клетка — тюрьма...
Вот медведи в бассейне,
Рассмотри их сама»...
«Да они же играют?»...
«Значит им хорошо?
Мячик в воду бросают,
Шерсть сияет, как шёлк...
Видно мишкам полярным
Здесь — отличный курорт,

Наша осень — солярий,
И еда — первый сорт»...
От подобных сентенций
Улыбнулась она...
Пребывание в детстве —
Это тоже страна...
«Я хочу на качели,
Я устала от них»...
Звери ей надоели,
Как и бабушка — псих...
Мы пошли в неживую
И машинную глушь,
Где не пьют, не тоскуют
И не гадают к тому ж...
Было чисто и пусто,
Лишь из клеток — увы —
Доносился нам грустный
Крик усталой совы...
А Маруся каталась,
Всё лукавей шала,
Позабыв про усталость
И меня веселя...

Октябрь

СОН НАЯВУ

Мне снилось: меня завернули в ковер
И в штабеле в складе сложили,
И я не могу шевельнуться с тех пор,
Лежу я, как будто в могиле...
Лежу, сознаю, даже горлом дышу,
Но я не могу шевельнуться,
Как будто меня превратили в лапшу
Согласно строке резолюций...
Быть может приказ где-то вышел извне —
Сберечь, сохранить от изъяна,
Хранить до востребованья в стране
Под номером и без обмана...
Но я не могу без движенья лежать,
Хоть я покорился приказу —
Хочу я трудиться, кричать и бежать
И, может, рыдать даже сразу...
Но стиснута грудь и прижаты к груди
Такие затекшие руки,
И я понимаю, что ждет впереди
Из опыта прежней науки...
23.10., 14:30; поезд в В. Уфалей

БАЛЛАДА О ДВУХ ПОЕЗДАХ

Два поезда нынче — туда и сюда
Меня в Уфалей подвозили,
И вовсе со мной не случилась беда
И не было вовсе идиллий,
Но разные были составы у них:
Один — скоростной и элитный,
Другой был медлителен, робок и тих,
И ехал в нем люд колоритный...
Был первый безлюден почти и красив
Начинкой такой неудобной,
Мигал электронной рекламы курсив
Над дверью стеклянно — огромной...
Сидели девицы в роскошных мехах,
Истошно крича в телефоны,
И бились колеса надрывно в стыках,
Качая вагоны со стоном...
Обратный состав, что меня отвозил,
Катился бесшумно и плавно,
Как будто по бархату гладко скользил,
Молитвы шепча православно...
В нем спали старухи и старики,
И тихо шептались молодки,
И по мановенью незримой руки
Звучали музыкальные сводки...
Я очень боялся излома осей
Элитного поезда, чуя,

Что рельсы слабы для таких скоростей,
Когда их колеса линчуют...
А в тихий состав набивался народ,
С разъездов почти неприметных,
Обычный неспешный улыбчивый сброд
В одеждах своих незаметных...
И, ясно мне стало — родная страна
Таким расслоением прекрасна:
Одним в утешенье дана тишина,
Другим — все дороги опасны...
23.10., 14:30—15:00; дорога из В. Уфалея

ПЕЙЗАЖ ПОД КЫШТЫМОМ

Прекрасна осень тихими урёмами,
Водой в зеленой ряске и травой,
Как будто очарованною дрёмами
Над этой круговертью вековой...
Подстилка леса сдалалась гнедой
И порыжело-бархатной над склонами,
А сосны малахитовыми кронами
Парят по-прежнему над горною грядой...
Внезапный лист на ивняке малиновый
Волнует, как удача — рыбака,
Камыш на озере стал жёлто-стеариновый
И чёрен цвет ветвей у тальника...
Пейзаж всегда несет отдохновение,
Как будто время встало на мгновение...
23.10., 15:45; поезд

ОКТЯБРИНКЕ МОЕЙ

(66 лет Миле)

Тебе на день рождения

Цветы — октябринки
Живём, не на снимке,
Я вижу сейчас у тебя.
Как строчки поэмы,
Цветы — хризантемы
Мне душу сейчас беребят.
Они — многолетни,
И это — не сплетни,
Что поздно цветут в октябре,
Тебе — к дню рожденья
Даря наслажденье,
В морозы горят на заре..
И все это — тайна,
Она — не случайна,
Ведь осень красива, как ты,
Моя октябринка —
Всей жизни живинка,
Упряма, как эти цветы..
23.10., 17:00; поезд

* * *

Ем снова пироги с картошкой
И жизни радуюсь опять,
Что ударяет нас в подвздошие,
Стараясь в угол нас загнать..

Пусть не дано нам отличать
Случайно данное хорошее —
На всем — величия печать
Отменно ставит только прошлое...
А мы живем сплошными чувствами,
То сострадая, то браня,
И восторгаемся искусствами
Под старость на закате дня...
И мига сладкого восторженности
Да не создаст души отторженности...
23.10., 17:10; там же

САМОУПРАВСТВО

Когда обитатели изб
Сжигали усадьбы дворянам,
Стоял по России всей визг
И были грабители пьяны...
Давно это время прошло,
И избы другие, и дети,
А рядом коттеджей пошло
Другое сословье на свете...
Ограды, машины, огни
И новое русское чванство.
Уже претендуют они
На звание нео-дворянства...
Но избы живут на Руси,
А с ними ещё и бараки,
И ты меня прямо спроси

Далеко ль до новой до драки...
Но я не отвечу тебе,
Своё сохраняя лукавство,
Поскольку неясно в судьбе
Значенье самоуправства...

23.10., 17:30; там же

* * *

Бесхитростна природа на Руси...
Бесхитростны и малые поселки,
Убрав электролампой керосин,
Оставив городам все кривотолки...
Пусть нет уже сословия крестьян,
А церкви восстановлены и храмы —
Природа изменилась не весьма,
Не ведая ни истины, ни срама.
Но именно она, не зная лжи,
Нас может зачеркнуть иль изувечить,
Когда мы не отринем миражи,
Бесхитростно Ея всю искалеча...
Её посланец, лидер, авангард —
Бесхитростные жители посёлков,
Что уж давно готовятся на старт
В мечте разбить столицы на осколки...

23.10.17:45; там же

ЧИТАЯ ПИСЬМО ОТЦА ОТ 18.10.1942 г.

Мать моя безумно любила моего сына Алёшу. Это она писала ему беспрерывно, когда он учился в Москве. Она возилась с ним в детстве и до старости обожала его, носившего великое для неё имя погибшего мужа.

А Алёша даже не приехал на её похороны, хотя тетю Наташу мы хоронили вместе с ним и он заказал великолепный гроб лакированный и соорудил хвойные венки (вместе со мной ночью)... Зато он субсидировал мраморный крест для мамы и бабушки, стоивший тогда (1996 год — перед дефолтом) весьма недорого — около трех тысяч рублей (всего? Но как они были ценны мне тогда, ведь крест мраморный я искал почти полтора года)...

Я думал об этом, читая письмо отца с фронта от 18 октября 1942 года, когда ему исполнилось 38 лет! И пошёл 39-й год... А меньше чем через год — он погиб...

Поразительно, что именно сейчас (23.10.2008 г) я заметил, что и номер этого письма — тоже 38-е! какая мистика или совпадение!

23.10.

О МИФАХ

(этюд)

Сегодня, 26 октября 2008 года — день особенный. И не только в том, что с утра — яркое осеннее солнце и день удлинён на целый час, что позволило нам с Милой валяться в постели впервые! за полгода, свободными от сельской усадьбы и смотреть фильмы о неандертальцах и палеолите, где европейцы дотошно восстанавливают быт и рисунки своих предков... Какова сила человеческой памяти и упорства — ведь пещеру Кроманьон французы копают и расчищают более трёх четвертей века, гордясь собой и могучей историей духа необыкновенного упорства.

День был ещё тем удивителен, что я читал вечером первые гранки книги об отце, его письма с войны и трагедии его сознательного планирования своего ухода в кошмаре человеческой бессмысленной бойни, где исчезли миллионы безвестных и безымянных, даже не оставив имен...

Я с утра был полон горькими раздумьями о том, что не видел отца сознательно никогда, не получил даже крупицы памяти физической о нём, не имел ни его совета, ни даже шутки, как моя сестра, чей очерк об отце был полон живых ярких деталей и прелестных подробностей, вроде взаимных подтруниваний: «Ирка — дырка», — говорил

отец, а она (в пять—шесть лет) отвечала: «А ты папка — бумажная папка».

Мне всегда недоставало отца, и страх перед жизнью так угнетал меня всю жизнь, что я и сейчас полон колебаний и мук перед коллизиями судьбы, и самосохранение личности дается мне мучительно, с сердечной болью и ужасом.

И вот я, после утренних нег, курил в подъезде сигарету, вдыхая аромат свежего осеннего утра, и вдруг выронил сигарету из пальцев, так что пепел, горячий и живой, почти весь выпал из бумажной трубочки и упал на бетонный подоконник.

И в это мгновение я в ужасе подумал, что так и жизнь моего отца — вот сейчас мгновенно, выпав из объятий семьи, рассыпется, пропадет, потухнет — и даже не сохранит огня своего для продолжения...

Я лихорадочно прижал оставшийся кусочек сигареты к лежащему на бетоне горящему табаку — и он... оживил почти затухшую сигарету...

Счастливо затянувшись, словно подхватив живой натуральный огонь мысли, я вдруг мгновенно, необыкновенно ясно увидел, что где-то там, в глубинах прошлого мне улыбнулся... Мой отец... Он был жив, жив именно для меня, он успокоился, ибо я не дал исчезнуть огню его мысли, его живой речи, воплощенной в гениальном «Седове», в своей верности его образу всю — всю жизнь, где все измерено его высокими категориями самооценки и

воплощено в моих поступках, книгах, стихах... И не только: я представил, что и мой сын, подарив нам с Милой пачку в сотню фото своей второй свадьбы, тоже чувствовал потребность в МИФЕ, в самооценке и оценке с нашей стороны.

Ещё бы — это фото молодой пары, красивой и даже чуть горделивой собой на фоне Шереметьевского храма Любви в Останкино, на фоне Кремлевских башен из окон ресторанного зала в «Национале» - это тоже миф его судьбы в сорок четыре года, миф его достижений и устойчивости в столице, где столько членов его рода претерпели крах, исчезли и растаяли, а он... он смотрит сосредоточенно и иронично вглубь времен и эпох, уверенно утверждая, что поднялся ступенькой выше, достойнее и даже результативнее, чем предыдущие особи — нервные, сомневающиеся, колебимые эфемерностью своих претензий на личность.

Да, и мой отец, и я — люди гуманитарно — экзальтированные, неприспособленные к жестокому веку прагматизма и цинизма.

Сын — которого я и хотел видеть способным к самозащите и самообороне — все это приобрел в столице, как — возможно — и весь современный урбанизированный, стремительно — кризисный мир с его непредсказуемостью. Сын вырастил не менее достойного своего собственного ребенка, которому доступны все страны и континенты: ведь с отцом он объехал и в одиночку чуть не

три десятка стран, учился и в Англии, и в США. И он, став студентом лучшего инженерного вуза России, скромн и горделиво — уравновешен, открыт для диалога и саморегулируем грациозно и с достоинством.

И все это было завещано мне там, в письмах 1942—43 годов на Северо-Западном фронте под Старой Руссой, где отец в болотах предугадывал все наперед, зная о моем генетическом наследии от цепи предков: и мою неременную страсть к слову, к мысли, к истории, к нравственной чистоте и ригоризму. И мое горькое однолюбство, как свое собственное.

Вот так, падающий на землю горящий табак сигареты в одно мгновение открыл мне образ... МИФА, ниточки памяти четырех поколений мужского рода Шишовых...

Кстати, адресат с Северо-Западного фронта иногда пишется то Шишев, то Шишов... Обе буквы мне дороги — псевдоним с «О» идет на обложки книг, а «Е», трансформируется в новом паспорте 2008 год на «Ё», я впервые получил как реинкарнацию собственного коренного мифа рода.

26.10., 11:30.

СЦЕНКА ВТРОЁМ

«Какой дурак — зачем купил орехи
С просроченной и датой и клеймом», —
Жена сказала, швырнув для потехи
В меня прозрачным и цветным кульком...

Мне стало грустно, но давно привычно.
Я пробурчал невнятное в ответ,
И повернулся к внучке симпатичной,
Что теребила старый мой берет.
Она его прижала меж ладошек
И вдруг заплакала растерянно навзрыд:
«Неправда, баба. Дедушка — хороший.
Он знает, что такое рыба-кит»...

«Конечно знаю. Но зачем ты плачешь.
Пойдём гулять, хоть бабушка права...
Но это вовсе ничего не значит,
У ней — такие обо мне слова»...
«Ты — не дурак. Ты не дурак, дедуля.
Скажи ей это, дедушка. Скажи».
«Пойдём гулять, любимая хитруля.
Так трудно правду отличить от лжи».

Но на своём настаивала внучка —
Дитя двух лет с пронзительным умом:
«Мне с дедушкой всегда везде не скучно.
Он — не дурак, а умница притом»...

«Увы, увы», — сказал её целуя,
Я — старый дед, впервые ощутив
Что есть на свете сердце, где живу я,
В волшебство сказки будни превратив.

«А бабушка — то умница какая:
Всё видит и всё знает обо всём», —
Головку милой девочки лаская,
Сказал я, не пуская распри в дом...

«Конечно, — отвечала тихо Маша, —
Как папочка и мама у меня».

«Ну, Маша, миротворица ты наша...
А бабка шутит, вслух меня браня...»
15.11.

* * *

О, люди, люди — для любви
Так много места в этом мире,
Растворена она в крови,
В самой природе и в квартире...
Взглянуть лишь стоит нам пошире
На ощущения свои —
То голуби и воробьи —
Её явления в эфире...
Деревья, пчелы и цветы —
Все милосердия приметы
Где совершенство красоты
И нам прелестные советы...

Несовершенны только мы,
Пока мы в жизнь не влюблены...
15.11.

СИБИРЬ ВНЕЗАПНО

(диптих)

* * *

Долгий поезд вдоль Сибири,
Дольше ход, чем до Москвы...
Обаянье мощной шири
И таёжной синевы.
Бесконечные болота
И горящие огни,
Словно жарит мясо кто-то
Ночи напролёт и дни...
Полумёртвая природа,
Палки, щепки от лесов,
Долгожданная свобода
Озверевших подлецов...
08.11.,

Поездка в Нижневартовск 3—8 ноября

* * *

Тюмень, Тобольск,
Сургут — какие
Российской хватки имена,
За ними — нищие, святые,

И дорогие времена...
О, исполинская страна,
Порывы дерзкие, благие,
Настолько сердцу дорогие,
Что не увидеть их — вина...
Нельзя не видеть этой шири,
Что искалечена от битв...
Мы — кровь сосущие Сибири —
Кадим ей ладан от молитв.
Наш полигон эксперимента,
Какому нет эквивалента...

09.11.

После приезда обратно.

В ЦИРКЕ

Мы — такие молодцы.
Мы ходили с дедом в цирк.
Вместе с нами баба Мила
Наблюдала крокодила.
Дед сказал, что он — игрушка.
Стало мне, конечно, скушно.
Только баба сразу в спор,
Деду всё наперекор:
«Видишь в клейкой ленте пасть,
Чтоб не смог на нас напасть,
Чуть шевелит головой —
Очевидно, он живой!»...

Я захлопала в ладоши:
«Значит, крокодил хороший,
С ним на фото я хочу,
Привалюсь к его плечу»...
«Ну, — сказал упрямый дед, —
Для такого денег нет,
Да и хвост его не связан
И, возможно, он заразен.
Так смотри, издалека —
Слишком плата высока»...
Баба Мила согласилась.
Я, конечно, побесилась,
Брата Женю позвала,
К крокодилу с ним пошла...
Но, пока мы по ступеням
Пробирались постепенно —
Дяди два в красивой форме
Появились вдруг проворно,
Принесли громадный ящик,
Разноцветный и блестящий,
Подхватили крокодила
И его туда сложили...
Удивился братик Женя:
«Крокодил-то без движенья»...
Я сказала: «Он замёрз,
Ведь на улице мороз»...
09.11.

МОЙ ГЕНИЙ

Накануне 68-летия своего, а именно 18 ноября, я провел один из самых напряженных дней — вторник.

И дело не в том, что прошла встреча творческих Союзов при моем содействии, где была атмосфера отчаяния и взаимной устремленности к сотрудничеству перед окончательным уничтожением провинциальной культуры. Творчество стояло не перед запретом коммунистов — наоборот, оно стояло перед гибелью по причинам презрения к нему со стороны властей — коррупционеров и денежных нуворишей. Прорываясь к власти, они размеренно убивали все — слово, кисть, мелодию, правду...

И потом — многолюдная Общественная палата, попытка предотвратить крах доверия народа к этой власти — «свободных» капиталистов — новых хозяев страны, презирающих и страшящихся правды Слова, Кисти, Звука.

Кризис впереди есть кризис в умах, катастрофа от презрения к художникам всех Муз, искоренение навсегда способностей творить, преклоняясь перед Природой — Учителем правды.

И вот — словно подтверждая мои мысли — вечером — фильм о моем Гении — Борисе Пастернаке, о его травле в 56—60-е годы. Фильм подробный, где ведет рассказ дочь Ивинской, от первого брака, которой тогда было 15 лет. Она и

Евгений Пастернак (сын Б. А. от первого брака) медленно рассказывают о мужестве Поэта перед всей Властью. Он сумел отдать рукопись через Анжело — корреспонденту итальянцу Фаринелли, который ловко обманул партийцев, дав мировой тираж «Живаго».

Этот миг — между XX съездом в марте 56 года и осенним восстанием венгров — осень того же года. Значит — это лето 1956 года.

И я снова вспомнил тот год, моя поездка сентябрь-октябрь 1956 года в Германию, краткий миг гордости за свою уникальность и подавленность от чувства презрения к нам венгров — тогда всего 15—16-летних юношей.

И снова Б. А. явился мне на редких кадрах кинохроники в Переделкино: он с Ивинской за забором, в плаще и кепке, с улыбкой и сединой, острыми скулами и крепкими зубами, подбородок выступает углом и вызовом...

А потом — оркестр Бернштейна в Москве 1959 год, Пастернак снят четко во встрече с Бернштейном — с улыбкой и зоркими, великими, мудрыми глазами. Он чудесен и одухотворен, велик и всемогущ, бессмертен и пророчески — необорим. Снова похороны 1960 года, знакомые мне, переделкинские места за храмом, чудесный профиль на мраморе — и стихи: «Не спи, не спи, художник...»

Как я счастлив, что отец, Оболенский и Пастернак — для меня единое целое, завет и истина, равная евангельскому свету.

Он умер в 70 лет от рака легкого — затравлен, как «зверь в загоне». Он — пример самопожертвования и стратегии Поэта в современном мире. Прост и велик, жестокосерден в слове и наивен в жизни.

Слава тебе, Господи, что снова дал мне этот образ накануне моего единственного дня года.

18.11.2008 г. 22:30—3:00

Я САМА ПО СЕБЕ.

(диалог с внучкой — 2 г. 4 мес.)

- Я — Маша, кто тебе такое
Чудо вдруг соорудил:
Ручки с кожей золотою,
Губки алы подарил?
- Она — Я сама так получилась
Я отдельно, по себе
Вдруг на свете появилась
Отвечаю я тебе...
- Я — Правда ль это? Неужели?
Может, кто тебе помог,
Чтобы ушки розовели,
Вился каждый волосок?
- Она — Ты какой-то непонятный,
Получилась я сама...

- Я тебе не мишка ватный,
У какого нет ума...
- Я — Мишка не обрёл умишка —
Это понял я давно,
Только ты умна излишне —
Это мне не всё равно...
Может, папа или мама
Тут трудились над тобой?
Почему же ты упрямо
Всё твердишь — само собой...
Ведь такого не бывает —
Сам собой не оживёшь...
Есть водитель у трамвая
И из тучки хлещет дождь...
- Она — Ну, конечно, это мама
Родила меня сперва,
Но потом я постоянно
Ем и говорю слова,
Просыпаюсь и рисую
И с тобой гулять хожу,
Белку выслежу в лесу я,
Ей орешки положу.
Я сама — ты понимаешь —
По ступенькам заберусь,
На кровати кувыркаюсь
Даже мёртвой притворюсь.
Я сама сажусь за ужин
И прожёвываю всё...

В этом мне никто не нужен
Только мама ставит сок...
Я — И поэтому сама ты
Так уверена в себе?
Помнишь, как бычок рогатый
Приставал в селе к тебе...
Как тогда ты испугалась
Прижималась ко мне
Чтоб прогнали мы нахала
Толстой палкой по спине...
Помнишь? Значит — в одиночку
Невозможно просто быть...
А сыночка или дочку
Надо каждый день растить...
21.11.

Я РУССКИЙ

(вспоминая Катень)

Как трудно русским быть на свете:
За все пред миром я в ответе —
За преступления царизма,
За мрак расстрелов коммунизма,
За революции возмездья
И за стремление к созвездьям,
За освоение Сибири
И за молитвы по Псалтыри...

Какое счастье жить в России —
Не уступать всевластия силе,
Хранить свою индивидуальность,
Преемля предков гениальность,
Неся все жертвы сострадания
Расплатой за огонь познания...

Горжусь, что называюсь русским,
Погиб отец под Старой Руссой,
Я разум проверяю чувством
И преклоняюсь пред искусством...
И я действительно, в ответе,
Чтоб знали правду мои дети...
21.11.

ПЕЙЗАЖ ОСЕНИ

Горы шёлкового цвета,
Увлажненные леса —
Поздней осени примета,
Седоватая краса...
Вод жемчужных бирюза
Льдом в окраинах одета,
Камни, словно амулеты,
Вновь бросаются в глаза...
И во всем — покой и сырость,
Зелень игл и желтизна,
Словно просит божью милость
Изнуренная страна...

Так, невзгодами измучась,
Просит Разум легче участь...
22.11., поезд Челябинск — В. Уфалей

СОСНЫ В ГОРАХ

Шеренгами посаженные сосны —
Привет, мои наставницы, привет,
Вы вечные решаете вопросы:
Прогресс еще продлится сколько лет...
Как горделив в горах ваш силуэт,
Вы — мачты, где отсутствуют матросы,
Но, кажется, кружатся альбатросы
Над вами, и горит далекий свет...
Вас посадили прадеды когда-то,
А, может, наши мудрые отцы,
Погибшие за родину в солдатах,
Чтоб дать воображенью образцы...
Мне с вами просто говорить о веке,
Мы оба знаем: Родина — навеки...
22.11., подвезжая к В. Уфалю

ВОЗВРАТНЫЙ ЦИКЛ

(едучи спиной к локомотиву)

* * *

Едучи спиной к локомотиву
С лекций, что я дважды прочитал,
Я в душе почувствовал мотивы,
Как мне нужен прошлого накал...
Прошлое! Минувшее! Громадна
Надо мной твоя былая власть,
Как она живительно — отрадна,
Возбуждая подлинную страсть...
Вот опять к рождению человека
Возвращаюсь я, чуть-чуть дерзя,
И миллионы лет мне не помеха;
Вглядываясь в юные глаза...
Пусть они наружностью беспечны,
Волосы дикарски распустя,
Дни их заблуждений скоротечны,
Глазоньки их скоро заблестят...
Как и древле, визнают жестокость,
Ложь, коварство, хитрости судьбы,
И найдут тогда себе пророка,
Мудростью подзаряжая лбы...
Так и наш неандертальский предок,
Всю тщету дерзаний ощутя,
Род свой славословил напоследок,
Плача, словно малое дитя...
Так его наследник — кроманьонец,
Мать — богиню в глине сотворяя,

Каннибальства проклял беззаконье,
Как исчадьде ада дикаря..
Как был человек ни изворотлив
И в своем коварстве закален —
Выживает тот, что не расчетлив,
Чуя солидарности закон..
Слабые, что почитают предков
И за друга свой кладут живот,
Обретают в памяти бессмертье,
Только этим выжил наш народ..
23.11.

* * *

Украинская осень за стеклом
Таинственного поезда Урала,
И даже реки не покрыты льдом,
Хотя у берегов его немало.
Возможно, что грибы еще рожала
Земля в своем вольготстве озорном,
Хотя ноябрь срединный за окном,
Но теплотой октябрьской всё дышало..
Дымили избы угольной золой,
Пырей зеленый пахоту буравил,
И было так тревожно мне порой,
Как будто катастрофу я прославил.
Природный ход нарушен отчего?
Не от меня ль, злодея одного?
23.11.

МЕСТЬ ПРОВИДЕНИЯ

Не признавая привиденья,
Я уважаю Провиденье —
Самой Природы явный знак,
Кто друг её, а кто — ей враг...
И ныне кризиса момент —
Не просто мира инцидент,
Не банков жалкое крушение,
И не грядущие лишенья
Народов — пешек в той игре,
Что короли в своем дворе
Ведут лукаво и двулично...
То Провиденья ход отличный
Пред тем, чтобы поставить мат
Всем тем, кто в играх виноват...
Игра с Природой на нахальство,
Попытка взять над Нею начальство,
Доить и красть, презря законы,
Что до поры лишь благосклонны,
И пестуют наш жалкий род,
Наполня пищей детский рот...
Но жадность нег и удовольствий,
Но наслаждений своевольство,
Что топчут степи и леса,
Барыш взведя, как в чудеса —
Все это превзошло границы,
Чью меру знают даже птицы,

Не говоря уж о зверье,
Что чтут обычаи в семье.
Великий Кризис... крах насилья..
Ума коварного бессилье,
Пинок презрительный Природы
Творцам безжалостной свободы,
Нефтебензинным королям..
Глобальный всенародный срам..
Не обмануть обратной связи
Глобальной лживостью фантазий,
И страшного не избежать суда
Творцам природного вреда..
23.11., 21:30; по приезду домой

СМЕРТЬ А. И. ДЕМЕНТЬЕВА

Анатолий Иванович Дементьев —
Фронтовик, писатель и боец,
Мой земляк и славный современник —
Как осмыслить мне судьбы конец..
Боле полувека ты был рядом,
С подростковых лет учитель слов,
Никогда не оскорбивший взглядом,
Не тряся незыблемых основ,
Благорасположенный к изгибам,
Вывертам и блажи юных лет,
Незаметно сделавший счастливым
Редактуры опытнейший след,

Не кичась заслугами окопов,
Не вставая в позу мудреца,
И без истерических раскопок
Ты мне чем-то заменил отца...
Годы шли, и ты всегда с любовью,
Чуть картавя, пестовал меня,
Отметая черное злословье,
Доброту приязни сохраняя...
По тебе я проверял упорство,
Собственной дороги правоту,
И в тебе я видел непритворство,
Однолюбской жизни доброту...
Как и ты, я верен стал Уралу,
Красоте природы и лесов,
Как и ты, я пережил немало
От озлобленных завистных слов,
Но лесов урёмистых чащоба,
Но степей раскидистая ширь,
Стали мне доподлинно учёбой,
Коей полон отрок — богатырь...
Слов сердечных память неизбывна,
Доброты бездонность выше мук,
Жизнь твоя подобна силе гимна
И мощнее всяческих наук,
Образец гражданства и свободы,
Долга и семейного пути,
Неизбывной верности природы —
Выше коих в мире не найти...

25.11. День похорон.

ПОХОРОНЫ ПИСАТЕЛЯ-ФРОНТОВИКА А. И. ДЕМЕНТЬЕВА

Я давно заметил, что погода
С погребеньем связана весьма...
Тут не важно даже время года —
Лето, осень, стужа иль весна...
Но впервые в ноября исходе
Хоронил я ветерана войн...
День сначала штормом непогодил,
Расстрелял бесчисленно обойм,
Ледяным дождем хлестал нещадно,
Пробовал бураном преградить,
Чтоб идти за гробом неповадно
Было нам, являя стать и прыть...
Но когда, преодолев напасти
Равнодушья псевдо — всех — друзей,
Сбитых в сбалансированной касте,
Где любой есть хищник — ротозей,
Но когда, осилив блажь моторов
И отказ сцеплений — рычагов,
Мы пришли на кладбище нескоро,
Чтоб не стало среди нас врагов —
Вот тогда умаялась штормяга,
Постепенно ярость унеся,
Наша одолела ли отвага
Иль она отмокла, морося...
Шло священнодействие неторопко:
Грунт, лопаты и песок в горсти,

Водки обжигающая стопка
С возгласом: «Господь его прости»...
Тут и засияло на березах
Солнца ослепительного стать,
И закат из серого стал розов,
И ознобно встала благодать...
А когда мы мчались на поминки,
Шоферов обрадовав весьма,
То сияла, как в волшебном снимке,
Облаков державных бахрома.
Пела гимн Природа ветерану,
Заходящим солнцем возблестя.
Было мне прекрасно и не странно:
То победной жизни поднят стяг.
24.11.

ТАНГО 20-х ГОДОВ

*Мне бесконечно жаль
Твоих несбывшихся желаний
И только боль очарований
Гнетет меня.*

**Муз. А. Цфасмана;
поет Иван Шмелев**

Это — джаз нашей юности, пластинки на 33 оборота, блестящая, точная и страстная музыка, создавшая наш мир любви, романтики и преданности друг другу.

Слушал ночью на «Эхо Москвы»

Когда из крошечного радио
Раздастся старый саксофон
Волной неистощимой радости —
Я снова молод и влюблен...
Халат накинув, с сигаретою
Иду курить я на балкон,
И маюсь радостью секретною,
Как вечен этот юный сон...
Иван Шмелев — певец загадочный —
Волшебным голосом поёт,
Страданье страстное, эстрадное
Во мне, как прежде, оживет...
А ночь манящая, осенняя,
Печальных запахов полна,

Мне поднимает настроение,
Хотя за облаком луна...
Ночь с 24 на 25.11.

МОЛЧАНИЕ ВРЕМЕНИ

(цикл)

* * *

Отец мой! С каждым днем и часом
Твоя судьба в моей судьбе
Все ширится священным гласом —
Идти всегда навстречь тебе...
Я каждый день иду в борьбе,
Дорога жизни все опасней,
И все сомнения напрасней
И не дано мне оробеть.
Самопожертвованья во имя
Достоинству не изменить,
Что, Провидением хранимо,
С минувшим связывает нить...
Что было в юности найтjem —
Теперь становится открытjem...
29.11.

* * *

Теперь становится открытjem
Все знаки писем и слова,
Что были сказаны в событьях,
Тогда знакомых мне едва...

Так долго мать была жива,
И прятала твои открытки,
Ты шел на гибель, как гоплиты,
Теперь и мать давно мертва...
Молчало время, я доколе
Был занят только лишь собой,
Не ощущая жгучей боли,
Что значит образ твой немой...
Но я созрел. И я услышал,
Твой голос, ныне данный свыше...
29.11.

* * *

Твой голос, ныне данный свыше,
Со мной теперь заговорил,
Что честь и Родина превыше
Останков тленных и могил,
Что жизнь и трата бранных сил —
Не драка дерзостных мальчишек,
А долг отдать четверостишьям
Всю страсть, что ты боготворил...
И, чем в ней сумрачней страданье
Пред морем пошлости и лжи —
Тем зорче внутреннее знание,
Что одолимы рубежи...
Спирали жизни круче, круче,
Но вспышка будет неминучей...
29.11.

* * *

Да, вспышка будет неминучей
Той молнии, что озарит
Всю душу истиною жгучей:
Ты жив, пока душа горит...
И лишь поэт соединит
Мыслителей дотошных лучше
Все те немыслимые кручи,
Которых прошлое хранит...
Самопожертвованье предков,
Где ты — один из тысяч ста —
Вот неоглядное наследство,
Что состоялось неспроста...
Оно завещано от века
Как испытанье человека...
29.11.

* * *

То испытанье человека
Правдивым словом и тоской —
Не ожидание успеха
Иль славы сладостной мирской...
Нет! Это прошлого прибой
И каждый день — борьба и вежа,
Пусть для глумящихся потеха
Давно минувший образ твой...
Сквозь беспорядочность событий,
Сквозь всю обыденности жуть

Твой голос — правды прародитель,
Которой я себя сужу...
И только это ныне важно,
И позволяет жить отважно...
29.11.

* * *

Мне позволяет жить отважно
Все то, что знаю о тебе:
Все правки на листе бумажном
И нерасчетливость в судьбе...
Ты не был никогда в толпе
Судящих обо всем вальяжно,
И не пленила авантажность
Тебя в отчаянной гульбе...
В безмерной подлости побоищ
Держав и дерзостных владык
Лишь ты мне истину откроешь,
Как честью Человек велик.
Пусть мгла идет навстречь всеильна —
Я верен чести и России...
29.11.2008 г.

РЫЦАРСТВО

Всегда рискуй во имя тех,
Кто послабее и наивней,
Кто ведает понятие грех,
Но не имеет даже бивней...

Будь им зонтом во время ливня
И сказочником для утех,
Пусть ни рубля у них, ни гривны,
И их зимой не греет мех...
Пусть травоядные они,
Других не ждут на поединках,
В каком-то смысле мы едины,
И ты для них — вместо брони...
Так Дон Кихот, одевши панцирь,
Мчал на защиту чужестранцев...
01.12.

(конец цикла)

НЕ ПОТЕРЯЙСЯ, ДЕДА...

(новелла)

«Ты не потеряйся там, в подвале», — сказала мне внучка Маша — ясноглазая, живая девочка двух с половиной лет, когда я собрался в подвал за порцией картошки на следующую неделю. Отправился в подвал, где хранились овощи и всякие припасы на случай неизбежного роста цен к весне в нашем непредсказуемом мире.

«Не потеряюсь», — уверенно сказал я ей, тронутый её заботой, и объяснил, что в подвале, хоть и темно, но есть электрический свет и совсем не страшно.

«Я с тобой была в подвале в деревне, я помню», — заверила она меня. И я, действительно,

вспомнил, что, держа её на руках, я спускался по пологой деревянной лестнице в наш деревенский погреб, где было сыро, темно, и только слабый свет от открытого отверстия освещал сырые каменные древние стены, а балки лиственницы полуторавесковой давности были обметаны красивой белесой плесенью.

Тогда ей только исполнилось два, и, после полутора лет вынужденного молчания, вызванного сложной операцией на горле, она только-только заговорила, имея в запасе несколько коротеньких слов: «мама, папа, не надо»...

Прошло пол года, и она уже изъяснялась свободно, с иронией и страстью повторяя любые слова, знала счёт до десяти и почти все буквы алфавита, смеялась над потешными рассказами и сказочными страшилками. Особенно она любила сюжет о спящей царевне и пробуждающем её от сна волшебном поцелуе принца. Она неизменно проделывала этот трюк: укладывалась на кровать, диван или даже скамью в парке, закрывала глаза и торжественно объявляла: «Я умерла! Я — царевна!»

И мне приходилось её целовать, чтобы она, востепенувшись и потянувшись, снова оживала, начинала двигаться и радоваться жизни, приводя меня в состояние священного трепета перед этой тайной...

Я не удивлялся её жизнерадостности и быстрому овладению речью: все время между её вынужденным молчанием, когда она дышала через трубку

в гортани, мы непрерывно читали ей, водили на прогулку и в городском лесу, и в деревне, где было множество животных и птиц, и она молча смотрела на кур и петухов, баранов и коров, коней и телят, выразительно показывая знаками, как это её все восхищает и радует. Мы пели ей песенки, изобретали жестовые игры, и она пленительно — живо понимала их суть — будь это бречание на трубах или кидание камушков в воду, плескание в бассейне или в тазике, или срывание цветов и пушистых трав в лесу. Она обожала качели, готовая часами качаться на них.

И теперь, овладев голосом, она требовала: «Качай меня выше, выше». А я её просил: «А ты помогай себе ножками — вперед, назад». И она, уловив ритм, послушно повторяла «вперед — назад», то выбрасывая ножки, то поджимая их.

Сегодня, когда она так сочувственно напутствовала меня на поход в подвал, она была у нас долго, почти целый день. Она слушала и кратко пересказывала сюжеты сказок: «Конька-горбунка» и «Сивки-бурки», «Марьи Моревны» и «Царь-девицы», при этом все приговаривала: «Мне читают, а я смеюсь — а, чтоб тебя!»

Это она запомнила слова из рассказа Носова «Мишкина каша», где герой так ругал манную кашу, что лезла из кастрюли, куда неумелые мальчишки навалили крупы и удивлялись, что она при варке все лезет из-под крышки.

«Чтоб тебя», — она так говорила теперь про все неприятные ей действия. Даже когда бабушка упрекала её за размазанную по столу еду, за пятна на платье, которое она обожала одевать немедленно, как только приходила к нам от родителей. Платье у неё пока было одно, цветное, с розами и оборками, с узким вырезом для головки и громадным бантом у пояса. Ей давали его одевать только у нас и сердились, когда она случайно пачкала. И снова: «Чтоб тебя»...

Относила она это к себе или к бранящей её бабушке — мы не вникали, стараясь избежать закрепления этой бранной фразы.

Но сегодня бабушка потребовала решительно снять платье, и фраза «чтоб тебя» в устах ребенка заимела весьма определенного адресата.

Я схватил ребенка в охапку, унеся её из кухни, и стал уговаривать её подчиниться суровому требованию бабушки.

«Тебе завтра в садик! Ты впервые с мамой пойдешь в садик. Ты ведь не будешь идти туда в грязном платье, правда».

Она обхватила меня за шею и заплакала от обиды.

И я вспомнил, как тридцать лет назад так же плакала от обиды моя крошечная дочь — её теперешняя мама, так же не выносившая решительных команд и резких слов; больше того — тогда моя кроха — дочь заступалась за меня, когда отноше-

ния в доме обострялись, и она так сильно страдала от криков и раздоров.

И вот — прошла целая жизнь, характер моей спутницы жизни остался тем же — и снова невинная кроха, волшебным образом перенесшая страдание в самом начале жизни, снова страдает и за меня, и за свою тягу к красоте и гармонии.

Мы начали целовать друг друга, и её всхлипывания постепенно прекратились. Она дала снять с себя красивое платье, оставшись в простой лиловой безрукавке и домашних колготках — уже не наряд царевны был на ней, а унижительное исподнее бельишко, которое было ей отвратительным. Но она подчинилась, уперевшись мне головкой в живот растрепанными от снятия платья с узким воротом длинными волосиками.

«Пойдем, бабушка расчешет тебе волосы и сделает красивый хвостик», — сказал я ей.. А что я еще мог сделать, имея сорокапятiletний семейный стаж и трех внуков. Ведь завтра мой ангелочек впервые пойдет в детский садик, и я снова почувствовал приступ горького одиночества.

Как быстро растут дети и внуки... Не меняется только их ранимость от неумолимого хода обид в этом мире.

07.12.

ЗАГОГУЛИНА ЭПОХИ

Карен Данкос «Сталин» — книга Президента французской Академии наук о Сталине — была презентована на Международной исторической конференции «Правда о Сталине», которая проходила в Москве 5—7 декабря 2008 года (бывший день Сталинской конституции). Её слова: Россия в 1913 году имела все шансы стать Первой страной мира в 50-е годы, а стала из-за большевизма самой отсталой в 80-е, рухнув от экономического краха. Выбран был самый жестокий и человекоубийственный путь развития.

Андрей Мироненко (директор центрального архива РФ): Мы в Интернет дали все о Коминтерне, факты о Сталине будут в докладах опубликованы и даны доклады (в поисковой системе) тоже в Интернете. Но это дорого и нужно время (?).

А я в эти дни в Златоусте записывал жуткие истории о репрессиях немцев. Старики 80—90 лет и старухи рассказывали свои былины, полные страхов, ужасов, гноя и смердящего запаха.

А было это в цветущем зеленом оазисе наверху профилактория металлургического завода, на что Вольферц — бывший советский офицер, потомок немцев — оружейников в 5-м поколении, но 1956 года рождения — сказал: «Не в этом суть... А суть в том, что Сталина оклеветали — всё сделал Берия, а Сталин не при чем».

При этом он в 70—80 гг. служил в Польше, давил «Солидарность», а нынче, на пенсии, сидит в энергокомпании (реформ Чубайса) и в восторге от гениальности этого стратега экономических преобразований. Вот какова суть «загогулины» нынешних дней.

08.12., 7:00 час.

ПРОПУСКАЯ РАСПЯТИЕ

Огромный мир. Огромный мир
С тобою жаждет встречи...
Он начинается всегда
С обыкновенной речи.
Картинка радует глаза,
Но только рассужденье
Изображенью придает
Осмысленность значенья...
И вот волнуется дитя,
Коль сердце ей заденет
Сюжет старинный, как и мир,
Где мама и младенец...
И говорит Маруся мне:
«А этот не погибнет?»,
С Христом желая наравне,
Чтоб жизнь была счастливей...
И я киваю головой,
Распятыя пропускаю —
Ведь слишком мал ребенок мой,

И бездна — жизнь людская...
Но сострадание уже
Затеplилось в ребенке,
Как бы проклянулось в душе,
Не знавшей похоронки...
10.12., 9:00; поезд В. Уфалей

ЧУДО РЕЧИ

Чудо речи человеческой
Маша очень сознает,
Любит изредка калечить
Скоровыдумками рот.
«Барахло», — вдруг скажет кукле,
Оторвалась раз нога,
И рассерженно пристукнет
И не даст ей пирога...
У неё игрушек масса —
Мишка, кролик и петух,
Им кричит: «Не дам вам мяса!
Громко плачете вы вслух»...
«Маша, Маша, что так строго
Ты командуешь с утра?»
«У медведя есть берлога,
А у кролика — нора.
Там они пусть и сидят,
В рот мне жадно не глядят»...
10.12., 9:30

ЛЕС

У железной вдоль дороги
На откосе и внизу
То роскошны, то убоги
Густо деревья растут.
Напирают, напирают
Плотно так на полотно,
Что движению мешают
И вагонам заодно.
Год за годом непрерывно
Сотни крепких работают
Пилят, рубят их надрывно,
И работа — не пустяк..
Но, едва они закончат
По оврагам перегон —
Сзади, глядь, стоит, узорчат
Лес густой. Залез на склон..
10.12.2008 г. 9:45

НА СМЕРТЬ В. Я. БООСА

Когда сейчас едва припоминаю
Ту простоту, которой нет конца —
То с горьким сожаленьем понимаю,
Что это — продолжение отца..
Достоин ты священного венца,
Где фоном — кантилена хоровая..
Разбита жизнь, как скорлупа яйца.

Вокруг природа замерла немая..
И каплет боль моя, как свечи воск,
И застывает, как свинец расплава..
Великий Босх изобразить не смог,
Как проходяща вся земная слава..
Но ты — Боос — дитя концлагерей,
И в смерти ты нас выше и мудрей..
16.12.

*Похороны одного из самых таинственно-жгуче-
мудрых корифеев, встреченных мною на стезях
жизни... Смерть его внезапна и невыносима...*

АППОЛОН-8

(запись)

Смотрел фильм, как 40 лет назад, 25—26 декабря 1968 года, американский модуль «Апполон-8» облетел Луну, впервые уйдя с орбиты Земли, пройдя более 300 тысяч километров до Луны, десять раз облетя её и вернулся назад...

«Вы спасли 1968 год», — сказал Борману простой американец, имея в виду катастрофу во Вьетнаме, оккупацию Чехословакии Советами и прочие аспекты года.

Я вообще не помню этого события. Знал только полет Человека на Луну после (когда?). Фильм драматичен, имеет много ярких монологов (и жен — героинь в том числе) и тупиковых ситуаций (как и ранее — фильм о полете на по-

верхность, где Скотт нажимает пуск авторучкой вместо кнопки, заклинившей в пазу станда). Все это — единая симфония глобализма и общечеловеческих шагов в грядущее... Это — кусочки и моей жизни, конца экспериментов на Трубном заводе и радости обретения уверенности в своей научной идее.

Как прекрасно прошлое глазами старого человека.

А сегодня с утра — первый новый год у Маши в детском саду. Девочка в белом платье, с венчиком короны и блестками по подолу танцевала и пела настолько искренне, что у нас с Милой текли слезы из глаз...

Наша любимица, столько лет (более 2-х) молчащая из-за гортани, сегодня расцвела и похорошела, любовалась собой в зеркальной стене и внимательно следила за воспитательницами, подражая их движениям... И забавно поправляла съезжавшую на лоб полукруглую коронку — венчик, ибо чувствовала себя истинной «царевной».

Для нас она была именно такой — заговорившей царевной — чудом...

Господи! Спасибо тебе за это счастье обретения радости, надежды и упоения...

О! Благодать преображенья!

О! Танец девочки благой!

Как чудо нового рожденья
Любимой, Милой, Дорогой...
Ритмично бьёт она ногой,
Пусть в танце нет пока уменя,
Но ей владеет искушенье
Побольше стать и стать другой...
И я с подругой целой жизни
Не удержу горячих слез,
Дай Бог, чтоб ей на нашей тризне
Поплакать взрослой довелось...
25.12.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛАЧ ПО РОДНЫМ СТЕНАМ (цикл)

«О! Малая моя квартира...»	5
«Я проходил, не зная стужи...»	5
«Да, сущность Мира до основ...»	6
«Да, оживал лица овал...»	7
«Мне открывалась неизвестность...»	7
«Брались совсем не изо сказки...»	8
«Я маме был так благодарен...»	8
«Тогда, покинув дома стены...»	9
«Ребенком взрослым жил на свете...»	9
«Мне говорит бог...»	10

ЗАКОЛДОВАННАЯ ДЕВОЧКА (триптих)

«Дана без звука...»	12
«Глаза — глубины детских мук...»	12
«Как тебя расколдовать...»	13

ВАГОННЫЙ СОНЕТ О РОДИНЕ.....	14
МОЛЧАНИЕ.....	14
«Опять ладони стонут по тебе...»	15
«Рождество — это снов Торжество...»	16

СТИХИ В РОЖДЕСТВО (триптих)

«Только в этот день...»	16
«Мой и рай, и ад...»	17
«Он молчит, в ночи...»	17
СЕСТРИЦЕ ИРОЧКЕ — НА 2008 ГОД	18
СОН НАЯВУ	18

ОДА СОСНОВОМУ БОРУ	19

ВЕРНОСТЬ (цикл)

«Я помню, как сказала мать...»	22
«Как тут её не обожать...»	22
«Вновь уносил в легенду нас...»	23
«Да, восхождением до вершин...»	23
«Весь отдаваясь женской ласке...»	24
«Есть древняя поэтов мысль...»	25
«Вот голос твой по телефону...»	25
«Ты моя прекрасная...»	26

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДЕНЬ (новелла)	27

НА УХОД ТУЛИНСКОГО (триптих)

«Уход Тулинского, как паруса обрывы...»	32
«Еще недавно восемьдесят лет...»	32
«Стоит могучий Университет...»	33

МЛАДШИЙ БРАТ	34
СТАРЫЙ ЛЕКТОР	35
СТРАНА ГЛУХИХ	36
ЛИЛЕ КУЛЕШОВОЙ	36
ПОЗДРАВЛЕНИЕ С 8 МАРТА ВETERANAM СЛОВЕСНОСТИ	37
РОДИТЕЛЯМ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ	38
СОНЕТ О СПИЧКАХ	39
СНЕЖНАЯ КРЕПОСТЬ	40
СНОВА МАРТ	40

«О стойкость Женщины моей...»	41

СВЯЩЕННЫЕ СОНЕТЫ (диптих)

«Не о себе молю тебя, Господь...»	42
«Снегами плачет Пасха этой ночью...»	42

МАШЕ 1 ГОД 8 МЕСЯЦЕВ (цикл)

«Чуть побольше полутора лет...»	43
«Как она поставит ножку...»	44
«Поиграем в прятки...»	45
«На целом шаре земном...»	45

ЦЕНА ЗЕРНА (цикл)

«Какой ценой, какой ценой...»	46
«Да, в этом сущность ранних лет...»	47
«Мы поклоняемся гордыне...»	48
«Но дети вряд ли то поймут...»	48
«Где погребен семейный слом...»	49
ЭПИЛОГ	49

ХВАЛА ТЕБЕ, ГОСПОДЬ!	50
ТАНГО В ЭФИРЕ	51
МАША — АПРЕЛЬ 2008 ГОД	52
103-Й ПСАЛОМ ДАВИДА	52
ВИДЕНИЕ	54

МАЙСКИЕ ВОСЬМИСТИШЬЯ (цикл)

«Трясогузка с мужем собирает...»	56
«Голубое небо... Синь — как море...»	57
«Унижает труд и человека...»	57

«Люблю дымящееся тело...»..... 57

ЛЮДИ УТРЕННЕГО СВЕТА..... 58

ВАРЛАМОВСКИЙ МАЙ (цикл)

«Меховая жилетка в сельском доме...» 59

«Ещё с утра был в ведрах лёд...» 60

«Такой тишины я не слышал давно ...» 60

«Ах, давняя эта тревога моя ...» 60

9 МАЯ 2008 ГОДА (цикл)

«Дождь впервые за два месяца ...» 61

«В этот день она впервые...» 62

«Сырая ночь, и соловьи запели ...» 62

К 25-ЛЕТИЮ «КАМЕННОГО ПОЯСА» (триптих)

«Мой любимый “Каменный пояс” ...» 63

«Да, искусство тому — только средство...» 63

«Кормят ум наши честные книги...» 64

МАША В МАЕ 2008 ГОДА..... 65

СОЛОВЬИ И ЧЕРЁМУХА..... 65

ПОД ДОЖДЁМ... 66

НА КАЧЕЛЯХ..... 67

В ПЕСОЧНИЦЕ..... 67

НА ФОНЕ КОРРУПЦИИ 68

ДЕТИ ВОЙНЫ 69

МОЙ ВНУК ЖЕНЯ 70

ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ 65

«Медленно отходит виноград...»	71
ПОЗДНЯЯ СИРЕНЬ	72
МАША И ДУБОК	72
О, МИР ОБЫЧНЫЙ!	73
СВОЕВОЛКА	74
ЗАКАТ	74
РАССВЕТЫ	76
ИСПОЛИН	77
СТАРОСТЬ	77
ПОСЛЕ ЦВЕТЕНИЯ	78

АНИУТЕ — 35 ЛЕТ (цикл)

1. «Люблю судьбоносные дни...»	79
2. «Всё время чувствую тебя...»	80
3. «Как тяжки твои испытания...»	80
4. «Эта девочка — твой подвиг...»	81
5. «Покупать цветочки легче...»	81
6. «Идёт война противотоком...»	81
7. «Как в глубокий колодец, мы смотрим...»	82
8. «Я садовод, а не охотник...»	75
АВТОСОНЕТ	83

СЕМЬЯ И МИР..

I. «Семья.. Семья решает судьбы мира.....»	85
II. «Глубинный опыт русского народа...»	87
III. «Итак, судьба, могущество державы...»	90
IV. «Итак, семья — в основе всех напастей...»	94
V. «Моя бабушка — мещанка...»	98

УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА, ИЛИ 30 СЕКУНД ИЗ ИСТОРИИ РОССИИ (Этюд)	102
МОЯ ВСЕЛЕННАЯ.....	105
КЛИМАТ ОКАЯННЫЙ.....	107

ДЕТСКИЙ ЦИКЛ

«Воробы и трясогузки...»	108
«Маше скоро будет два...»	108
«Вся деревня — склад опилок...»	109
«На зелёном берегу...»	109
«Сто напильных пеньков...»	109
В ПОЕЗДКЕ.....	110
БАЛЛАДА О ЛЯГУШКЕ.....	111
НА ЛУГУ.....	112
КУПАНЬЕ.....	113
В ПЕСОЧНИЦЕ.....	114
КОГДА СОБИРАЮТСЯ... ..	116

СЕРЕБРЯНОЕ ГОРЛЫШКО (сказка-быль)

I. «Жил Король — себе хозяин ...»	118
II. «Год прошёл. Дитя — ни слова...»	120
III. «Вот идут и месят лужи...»	125
ЭПИЛОГ.....	128
СНЫ ПОХОТИ.....	129
ПОЛНОЛУНИЕ.....	130
ОПЫТ РОССИИ (микропоэма).....	131
«Топот копыт по пыльной дороге...»	134

ГУСИ И ЛЯГУШКИ.....	135
«Мы уезжали из деревни...»	136
«У птички четыре пальца...»	136
НЕВНЯТИЦА.....	137
ОЗОРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	138
ПРИНЦЕССА И ЕЁ ДВОРНЯ.....	143
МОЙ ГАРЕМ.....	145
СЕМЬ ПЯДЕЙ.....	148
ВРЕМЯ ВЕЧНО.....	150
КАВКАЗ 2008.....	151
ЛЮБОВЬ ПОД ИВАМИ	151
ПЕЧАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА.....	152
ЦХИНВАЛ 2008.....	153
Диалог с молодым человеком	153
О БУКВЕ «Ё» В РУССКОЙ ИСТОРИИ	155
ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОПРИЩЕ! ВОТ ЭТО СЛОВО!.....	159
НАША ПАРАША	159
АД НАЯВУ	161
«О, Август — Ваше благородие...»	162
«Август. Август. Император...»	163

САРВОДАЙЯ, ПЛОДЫ ТРУДОВ (цикл)

«Плоды трудов.. Плоды земных поклонов...»	163
«Душа в трудах преемлет прочность стали...».....	164
«Он продолжал привычное занятие...»	164
«Процесс желаний шёл неумолимо...»	165
«Вот так родился Капитал греховный...»	166
«Он воскрешает вновь Дух виртуальности...»	166
«Да, голова и руки — капитал...».....	167

«Как жаль мне вас, о, дети виртуальности...»	167
ПОСТ-СКРИПТУМ	168

ЯЗЫК ЗАКАТОВ.....	169
ХЛЕБ	170
КВАСНОЙ ПАТРИОТИЗМ (НОЭЛЬ)	171
ИНЦИДЕНТ.....	172

АДАМОВЫ ЯБЛОКИ (ЦИКЛ)

«Адам выращивал сады...»	173
«Не каждый год, не каждый год...»	173
БЕЛАЯ ЛОШАДЬ	174
ЛАБАЗ.....	175

ОСЕННИЕ ЭЛЕГИИ (ЦИКЛ)

ПАРАДНАЯ КОМНАТА ДОМА.....	176
ОСЕННИЙ ДОЖДЬ	176
ОДНА СЕМЬЯ.....	177
МАСЛЯТА.....	178
РАСТЕРЗАНИЕ.....	179

МОИ ПРАВА.....	179

МОСКВА-2008 (ЦИКЛ)

«Снова пермской катастрофой...»	180
ПСИХОПАТКИ.....	181
ЧИТАЯ ФРОММА «БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ»	183
РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ.....	184

БАЛЛАДЫ О СТРАХЕ (цикл)

«О! Кто не испытал от детства страхи...»	191
«Я изошренность обретал в искусстве...»	191
«Не впущен вглубь, он корчился снаружи...»	192
«Горел огнём старославянской тризны...»	192

К ГОДОВЩИНЕ СВАДЬБЫ АЛЁШИ И КАТИ	193
КАТЕ.....	194
АЛЕШЕ.....	195
НАДПИСИ НА АСФАЛЬТЕ	195
«Видеть в своих детях доброту...»	197
«Купаюсь в волнах интеллекта...».....	197
ПЕРВАЯ ЭПИТАФИЯ ЛЮБИМОЙ КОШКЕ.....	198
ВТОРАЯ ЭПИТАФИЯ	199
СМЕРТЬ МОЕЙ ЛЮБИМИЦЫ.....	199

МОЙ ГОРОД.....	205
К 70-ЛЕТИЮ ГЕННАДИЯ БОРИСОВИЧА ЗДАНОВИЧА	207
ДАРЯ 50-Й КОМПЛЕКТ СВОЕГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ В 5 ТОМАХ.....	208
ПАМЯТИ ТЕНГИЗА МАХАРАДЗЕ.....	209
ЭПИТАФИЯ ДРУГУ	209
НОЧЬ В МИАССЕ.....	210

КАМЕНЬ СУДЬБЫ (Миасский цикл)

«Город в горах с нашей общею речкой...».....	211
«Ты меня создал в трехкратном масштабе...».....	211
«Стал я Судьбы трудовым инженером...».....	212

«Верно, друзья, вы бы это смогли бы...»	212
«Имя во мне возвышая Кирилла...»	213
ЛИДЕР НАЦИИ — 2008.....	214
КАМЕНЬ ПОД КЫШТЫМОМ	214
ЗВОН В УШАХ.....	215
«Ты еще належишься в больницах...»	216
В ЗООПАРКЕ	217
СОН НАЯВУ	222
БАЛЛАДА О ДВУХ ПОЕЗДАХ.....	223
ПЕЙЗАЖ ПОД КЫШТЫМОМ	224
ОКТЯБРИНКЕ МОЕЙ	225
«Ем снова пироги с картошкой...»	225
САМОУПРАВСТВО.....	226
«Бесхитростна природа на Руси...»	227
ЧИТАЯ ПИСЬМО ОТЦА ОТ 18.10.1942 г.....	228
О МИФАХ.....	229
СЦЕНКА ВТРОЁМ.....	233
«О, люди, люди — для любви...»	234

СИБИРЬ ВНЕЗАПНО (диптих)

«Долгий поезд вдоль Сибири...»	235
«Тюмень, Тобольск, Сургут...»	235
В ЦИРКЕ	236
МОЙ ГЕНИЙ	238
Я САМА ПО СЕБЕ.	240
Я РУССКИЙ.....	242
ПЕЙЗАЖ ОСЕНИ	243

СОСНЫ В ГОРАХ.....	244

ВОЗВРАТНЫЙ ЦИКЛ

«Едучи спиной к локомотиву...»	245
«Украинская осень за стеклом...»	246
МЕСТЬ ПРОВИДЕНИЯ.....	247
СМЕРТЬ А. И. ДЕМЕНТЬЕВА	248
ПОХОРОНЫ ПИСАТЕЛЯ-ФРОНТОВИКА А. И. ДЕМЕНТЬЕВА.....	250
ТАНГО 20-Х ГОДОВ.....	252

МОЛЧАНИЕ ВРЕМЕНИ (Цикл)

«Отец мой! С каждым днем и часом...»	253
«Теперь становится открытеем...»	253
«Твой голос, ныне данный свыше...»	254
«Да, вспышка будет неминуемой...»	255
«То испытанье человека...»	255
«Мне позволяет жить отважно...»	256
РЫЦАРСТВО.....	256
НЕ ПОТЕРЯЙСЯ, ДЕДА.....	257
ЗАГОГУЛИНА ЭПОХИ.....	262
ПРОПУСКАЯ РАСПЯТИЕ.....	263
ЧУДО РЕЧИ	264
ЛЕС	265
НА СМЕРТЬ В. Я. БООСА	265
АППОЛОН-8.....	268

Кирилл Алексеевич Шишов

Семья и мир

Верстка С. Е. Шехирев, В. Б. Феркель

Сдано в набор 17.01.10 г. Подписано в печать 22.03.10 г.

Формат 70×100/32. Гарнитура Лазурского.

Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 11,38.

Тираж 200 экз.

Издательство «Цицеро»

454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано типографии «Фотохудожник».

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155а.